

БЛАГОСЛОВЕННОЕ БРЕМЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

СЕНТЯБРЬСКОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РАВВИНА РОССИИ

Вот анекдот, который я слышал от американских евреев.

Встречаются два раввина, обсуждают проблемы в своих синагогах. Один раввин жалуется, что его совершенно замучили мыши. Мало того что приходится священные свитки и молитвенники запирать в сейф, чтобы не погрызли, – так они даже во время молитвы шныряют у верующих между ног, не дают сосредоточиться на общении с Б-гом! И никакие средства отпугивания, даже самые современные, не помогают!

У меня было то же самое, кивает головой второй раввин. Но я нашел на них управу. Знаешь, какую? Как-то раз я собрал всех мышей в главном зале и устроил им бар-мицву. С тех пор я их в синагоге не видел.

Кому ни рассказывал этот анекдот в России – никто не понял. А между тем для ряда общин Соединенных Штатов, где ассимиляция евреев очень сильна, он более чем актуален. Ведь что происходит? Накануне бар-мицвы мальчик вдруг появляется в синагоге и несколько недель добросовестно учит заповеди, готовится к церемонии совершеннолетия. Наступает день праздника, молодой человек выходит к амвону, читает Тору, принимает поздравления от родных и близких... И с тех пор в синагоге его не видят, как тех мышей!

Слава Б-гу, у нас в России этой проблемы нет. Мы видим молодежь на молитвах, на всех религиозных праздниках. Они рассматривают бар-мицву как начало своей взрослой жизни в общине, а не как долгожданный конец скучного процесса заучивания непонятных текстов. Для молодых евреев в нашей стране бар-мицва означает наступление того момента, когда они сами должны понимать суть заповедей, искать нечто более духовное, чем игрушки и сласти, отвечать за каждый свой поступок. Это начало периода их зрелости как евреев.

Можем ли мы быть уверены, что для наших детей еврейство остается живой основой их бытия и после бар-мицвы? Чтобы найти ответ на этот вопрос, следует отступить на шаг назад и посмотреть, чем является бар-мицва для родителей этих детей. У нас есть такой обычай: после того как молодой человек, вступивший в возраст заповедей, будет вызван к Торе и прочтет свиток, его отец произносит особое благословение: «Борух ше-пторани ме-онеш а-лозе» («Благословен Г-сподь, что освободил меня от этого наказания»). Это означает: если прежде за проступки ребенка отвечал отец – то теперь, вступив в возраст заповедей, молодой человек сам несет ответ за все свои слова и дела.

На первый взгляд такое благословение выглядит странно, даже нелогично. Ведь Тора говорит, что «кол исроэл аревим зе ла-зе» («все евреи отвечают друг за друга»). Значит, не только отец продолжает нести ответственность за сына, вступившего в возраст мицвоис, но даже за незнакомых людей мы в ответе! Наш народ можно уподобить людям, сидящим в одной лодке: если один человек решит пробить дырку под своим сиденьем, то не только его жизнь окажется в опасности, но и жизнь остальных членов экипажа.

Поэтому основа основ нашего мировоззрения – думать не только о себе, но помогать другим евреям становиться ближе к Торе и к Б-гу. Мы не имеем права говорить, что соблюдение заповедей, жизнь по законам Торы – это личное дело каждого. То, что происходит с каждым евреем, напрямую касается нас самих.

Как же тогда понять это благословение, которое еврей должен произнести в тот момент, когда его сын впервые прочтет из Торы во время общей молитвы и окончательно вступит в возраст мицвойс? Наши мудрецы объясняют: корень ивритского слова «аревим» – «нести ответственность за кого-то» – имеет несколько значений. В частности, он означает также «смешивать» и «сладкий». Если учитывать все эти значения, становится понятным, что евреи «несут ответственность друг за друга» далеко не только в том смысле, что Б-г может наказать нас за проступки других евреев. В первую очередь эта «ответственность» означает, что мы понимаем, какой сладкой будет жизнь, если вся наша община, весь наш народ будет чувствовать себя как «одна большая смесь», нечто единое и неразрывное.

Эту ответственность каждый из нас хочет взять на себя не из страха перед наказанием, а из желания улучшить окружающий мир и наше место в нем. Путь к этому наши мудрецы определяют так: следует подойти к другому человеку с добротой, сделать все, чтобы помочь ему понять, какая гармония воцарится на земле, когда он будет соблюдать все новые и новые заповеди!

Поэтому благословение, которое произносят родители подростка, вступающего в возраст мицвойс, имеет более широкое значение, чем может показаться при поверхностном чтении текста. Да, мы благодарим Всевышнего, что он не наказал нас, а вознаградил – позволил увидеть, как наши дети становятся взрослыми и Б-гобязанными евреями. Но мы благодарим Его и за то, что будем продолжать отвечать за обучение наших сыновей, получать удовольствие от их успехов.

Вот в чем принципиальная разница между исконным еврейским подходом к бар-мицве и подходом ассимиляционистским. Для ассимилированного еврея бар-мицва, да и соблюдение заповедей в целом, это прежде всего тяжелая обязанность. Его еврейство требует от него пройти эту процедуру, но удовольствия от нее он не получает, поэтому исчезает из синагоги сразу после первого своего вызова к Торе... Традиционный еврейский подход – который, к счастью, все более распространяется в России, – видит в бар-мицве и заповедях в первую очередь удовольствие. Молодой человек прошел бар-мицву – какая радость! Теперь он будет выполнять законы Торы как взрослый, вместе со взрослыми, с помощью всей общины. И в синагогу такой еврей будет ходить чаще прежнего!

Как сказано в Торе, «Борхену овину кулону ке-эход» («Благослови нас, Отец наш, всех, как одного человека»). Это благословение подчеркивает, какая большая радость для нашего общего Отца видеть, что его дети живут дружно, помогают друг другу идти по жизни, выполнять заповеди. В этом уникальность нашей общины – мы все одна большая семья, радующаяся каждый раз, когда еще один еврей приобщается к заповедям.

Дай Б-г, чтобы так было с нами всегда, чтобы никакие споры не могли вызвать раздор между евреями, чтобы никакие внешние силы не могли поколебать наше единение. Мы все в ответе друг за друга, – и чем нас больше, чем мы сильнее, тем больше радости дает это чувство взаимной ответственности и поддержки.

Главный раввин России Берл Лазар

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2005 АВ 5765 – 9 (161)

С ХАСИДСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

СЕНТЯБРЬСКИЕ ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Антология праздников

Рош а-Шона

Зов шофара: две хасидские притчи.

Зов шофара – главный ритуал и наивысшая точка праздника Рош а-Шона. В Талмуде сказано, что в зове шофара сливаются два мотива: это трубный звук, возвещающий о коронации Б-га Властелином Вселенной, и это же – призыв, напоминающий Б-гу о народе Израиля. В двух приведенных ниже фрагментах Ребе излагает хасидские притчи, помогающие глубже понять обычай трубить в шофар и осознать сущность праздничного обряда, совершаемого на Рош а-Шона.

Один из талмудических мудрецов, Рабба, учил: «Говорит Б-г народу Израиля: “На Рош а-Шона читайте предо Мною <строки> о Царстве, <строки> о памятовании, и <да будет слышен> звук шофара. Царствие: вы провозгласили Меня Властелином над вами; памятование: память о вас предстанет предо Мною; чем сие достигается? – зовом шофара”» (Рош а-Шона, 32б).

Что подразумевается в Талмуде, когда говорится о том, что шофар является средством провозгласить Б-га Властелином и пробудить в Нем память о народе Израиля? В хасидских трудах приведены две притчи, помогающие понять, что содержит в себе зов шофара. Одну из них рассказал рабби Исроэл Баал-Шем-Тов.

Притча Баал-Шем-Това

Жил на свете царь, и был у него единственный сын, воспитанный и ученый, свет очей своего отца. И решил царь, что сыну пошло бы на пользу, если бы он отправился в дальние страны, где набрался бы мудрости и постиг людские обычаи. И предоставил царь сыну почетный эскорт из людей благороднейшего происхождения и должностных лиц, и свиту слуг, чтобы заботились о них. Царь выделил своему сыну большие средства, чтобы тот мог путешествовать в роскоши и объехать множество стран и далеких островов. Юный царевич благодаря этому наберется великой мудрости и опыта, – надеялся царь.

За время долгого путешествия сын, привыкнув к роскоши, растратил деньги на удовольствия: вся его жизнь была подчинена чувственным усадям и самоутверждению. В конце концов царевич спустил всё свое состояние.

И вот он оказался один-одинешенек в чужой стране, где никто не ведал о том, что его отец – великий владыка. В отчаянье царевич решил вернуться домой. Однако он так долго отсутствовал на родине, что совершенно позабыл ее язык. Вернувшись в родную страну, он знаками пытался объяснить окружающим, что перед ними – царский сын, но те не понимали его. Наконец он достиг дворца – и с помощью того же языка знаков попытался объяснить с челядью. Бесполезно. В полном отчаянье он закричал во весь голос, надеясь, **что, может быть**, отец во внутренних покоях услышит его, выйдет и признает в одичалом страннике, одетом в рубище, своего сына. Царь действительно услышал отчаянный крик, который напомнил ему голос сына, но голос, надломленный страданием. Этот крик пробудил в нем отцовскую любовь и сочувствие, он выбежал и, увидев свое чадо, заключил его в объятия и поцеловал...

Эта аллегория объясняет связь между Б-гом и народом Израиля, ибо евреи названы сыновьями Б-га. Души евреев посланы на землю, чтобы набраться мудрости, – подобно тому, как царевич был послан отцом в долгое путешествие. Приобщаясь Торе и исполняя заповеди, душа может подняться на высочайший духовный уровень. Однако телесные страсти и стремление к чувственным удовольствиям приводят душу ко всё большему и большему отдалению от ее Отца, покуда она полностью не утратит воспоминания о родном наречии – Торе. И лишь возвратившись к Владыке и прибегнув к примитивному, но идущему из самой глубины сердца воплю, душа может соединиться с Б-гом, выступающим для народа Израиля в роли Отца. В этом смысл трубного зова шофара, звучащего в праздник Рош а-Шона. Это вопль, поднимающийся из самой глубины

сердца еврея. Это глубочайшее выражение раскаяния, сожаления о прошлом и принятия обязательства в будущем повиноваться воле Отца. Крик этот пробуждает сострадание, Б-г снисходит к нему; Он являет Свою любовь к сыну, прощая ему прошлые прегрешения.

Притча рабби Леви-Ицхока из Бердичева

Вторая притча приведена в Кдушас Леви, компендиуме хасидских комментариев к Торе, составленном рабби Леви-Ицхоком из Бердичева.

Как-то царь забрел в лес. Он так углубился в чащу, что сбился с пути и не мог найти дороги, которая привела бы его к дому. Посреди глухого леса он наткнулся на простолюдинов и попросил вывести его отсюда, но они ничем не могли ему помочь, поскольку никогда не слышали о торном тракте, ведущем к царскому дворцу.

Затем царь встретил человека мудрого, что бежал в лес от суеты, и поделился с ним своей нуждой. Отшельник сразу понял, что перед ним царь, и был очень тронут этой встречей. Он отправился с царем к торному тракту, довел его до самого дворца и оставался при нем, пока царь не набрался сил и не воссел во славе на свой престол. Конечно, спаситель обрел у царя великую милость.

Шло время. Однажды мудрец совершил нечто неподобающее в глазах царя, и тот разгневался. Царь повелел, чтобы с ним поступили так, как поступают с нарушителями законов и отдали под суд. Мудрец понял, что суд обойдется с ним чрезвычайно сурово. В трепете он пал пред царем на колени и умолял его о единственной милости: прежде чем состоится суд и будет вынесен приговор, да будет ему дозволено облачиться в наряд, который был на нем, когда он встретил царя в лесу. И да соизволит царь надеть на себя то самое платье, в котором он был тогда...

Царь внял мольбе. И когда оба облачились в одежды, бывшие на них во время первой встречи, царь припомнил доброту отшельника, которая спасла ему жизнь. Когда в его памяти всплыли все обстоятельства того, как он вернулся на царский трон, великое милосердие пробудилось в нем. И, преисполнившись сочувствия, царь великодушно простил своего спасителя и вернул ему высокое положение.

Эта история описывает связь между Б-гом и Израилем. Когда давалось Откровение на Синае, Всевышний обратился ко всем народам, предлагая им Тору, но все народы, кроме евреев, от нее отказались. Мы же единственные приняли Тору, приняли с радостью и ликованием, сказав: «сделаем и будем слушать» (Шмойс, 24:7), причем обязались исполнить ранее, чем выслушали. Мы продемонстрировали верность Б-гу, приняв «ярмо Владычества небесного», провозгласив Б-га, во всем Его величии, Властелином над нами и дав обещание исполнять Его заповеди и хранить верность Его святой Торе.

И вот мы грешили, мы восставали против Него... Одно из базовых положений хасидизма учит: заповеди – это духовные «одеяния» души (Тания, гл. 4). Когда звучит шофар, его зов можно уподобить «облачению» в «одежды» заповедей. Б-г вспоминает наше безоговорочное принятие Торы на Синае, и прощает нам все наши грехи, и вписывает наше имя в Книгу Жизни.

Две эти притчи соотносятся с двумя благословениями: во время службы на Рош а-Шона, покуда звучит шофар, мы вспоминаем о малхийс (Владычестве) и зихронойс (памятовании). Первая притча сосредоточена на царском сыне: он возвращается и простым криком, идущим из глубины сердца, аллегорически объявляет о принятии «ярма Владычества <Б-жьего>». Вторая притча говорит о выдающихся качествах еврейского народа, явленных при даровании Торы, во имя которых «память о вас предстанет предо Мною <во имя милости>».

После этого легко понять высказывание Талмуда «чем сие (Владычество и памятование) достигается? – зовом шофара»: этот звук – наш крик отчаянья, когда мы раскаялись, признали Б-га Владыкой, стоящим над нами, и обратились к служению Ему – «возгласите Меня Властелином над вами». Памятование же

Б-га о нас связано с «одеянием» заповедей, в которое облачается еврейский народ, чтобы «предстать предо Мной <во имя милости>».

Молитва Ханы: женщина учит нас молитве

Тфила, молитва Б-гу, представляется весьма несложным процессом. С другой стороны, молитва – это своеобразная амальгама всех славословий Б-гу: она и мольба, и благодарение, в ней присутствует элемент воспоминания и созерцания. В Талмуде многие законы, касающиеся молитвы, выводятся из опыта, пережитого бездетной Ханой, обратившейся к Б-гу с просьбой даровать ей сына (Брохойс, 31а). Эйли, первосвященник, присутствовал при ее молитве и счел Хану пьяной, притом что она не пила вина, но скорбела духом и изливала душу свою пред Г-сподом (I Шмуэл, 1:13-16). Ребе поясняет глубокий смысл ошибки Эйли и ответа Ханы.

Афтора, читаемая в первый день Рош а-Шона, рассказывает о Хане. Хана была бездетна (I Шмуэл, 1:2), покуда своей молитвой не снискала Б-жественного милосердия и не родила сына Шмуэла, ставшего одним из величайших пророков.

Тора частями читается каждую субботу и праздник, и каждая такая часть непосредственно связана с тем или иным временем. Рассказ о Хане связан с праздником Рош а-Шона: именно в этот день Хана зачала. Но существует также иная, глубинная связь этого текста и праздника, и она может послужить каждому еврею путеводной нитью, ведущей к самой сути того опыта, через который он проходит на Рош а-Шона. На молитву Ханы, вознесенную в Шело, был дан ответ, и этот молитвенный опыт может стать для нас указанием, как пробудить милосердие Всевышнего.

Однако сначала мы должны понять странную реакцию первосвященника Эйли, увидевшего Хану за безмолвной молитвой: «Хана же говорила в сердце своем: только губы ее шевелились, голоса же ее не было слышно, и Эйли счел ее пьяною. И сказал ей Эйли: доколе ты будешь пьянствовать? Вытрезвись от вина своего!» (I Шмуэл, 1:13-15.) Хана смиренно ответила на это, что она бездетна и пришла воззвать к Б-гу, чтобы Он ниспослал ей сына.

Ошибка Эйли

Возникает вопрос: как первосвященник мог допустить подобную ошибку? Как он мог не заметить интенсивности молитвы Ханы? Более того, почему это зафиксировано в тексте? Ведь, казалось бы, подобный эпизод бросает тень на Эйли, и не больше? С другой стороны, почему Эйли, считая, что Хана пьяна, дождался, пока она закончит, а не отчитал ее сразу?

Подобающая молитва

Все эти вопросы приводят нас к заключению: Эйли не считал, что Хана пьяна в обычном смысле этого слова. Но чрезвычайная длительность ее молитвы выходила за пределы нормы: предполагается, что молитва – это простой и краткий призыв к Б-гу. Эйли счел молитву Ханы чрезмерно затянутой, что свидетельствовало: в этой молитве слишком много от «самости» просительницы. С его точки зрения, Хана неподобающим образом была сконцентрирована на собственных нуждах, предстоя Б-гу и находясь в Его обители. Ответ женщины корректирует Эйли: она изливала свое сердце в спонтанной мольбе, а не «опьянялась молитвой». Хана пояснила, что это была исполненная предельной искренности просьба о милости.

Диалог между Ханой и Эйли позволяет нам понять, что есть правильная молитва, – и помня это, мы можем продолжить размышление о молитвах, составляющих суть службы на Рош а-Шона.

Парадокс Рош а-Шона

С одной стороны, Рош а-Шона – это время, когда дается оценка материальным и духовным нуждам человека. Отношение к этому дню сформулировано в словах псалма: «Ибо закон это для Израиля,

установление от Б-га для Яакова» (Теилим, 81:5), причем использованное слово «установление» в оригинале означает также и «вынесение суждения». Слово «закон» («хок»), то есть правило, которое дано без разъяснений и не поддается рациональному объяснению, в этом стихе следует понимать так же, как в словах царя Соломона: «питай меня хлебом моего хок» (Мишлей, 30:8), то есть «хлебом насущным», «хлебом, который есть моя доля». Таким образом речь идет о Б-жественном распределении этой доли – всех материальных нужд человека на грядущий год, и «назначение» этой «доли» происходит на Рош а-Шона. Слова же «установление от Б-га для Яакова» указывают на «долю духовности», которой каждый наделяется от Б-га. Поэтому на Рош а-Шона мы молим Всемогущего о ниспослании материальной поддержки – чтобы Он поддержал нашу жизнь, наших детей, наше благосостояние – и молим Его о продолжении нашего роста в царстве духа.

При этом, парадоксальным образом, Рош а-Шона – время «коронации» Всемогущего в качестве нашего Владыки: этот мотив проходит через всю праздничную службу. В это время человек полностью забывает о себе и отдает себя Б-жественной воле. И именно это самозабвение побуждает Б-га принять от нас корону и стать нашим Властелином.

Казалось бы, указанные два аспекта друг другу противоречат и не могут сосуществовать. Этот парадокс отчетливо сформулирован в кабалистическом труде Тикуней Зогар (Тикун 6, 22а), где сказано, что те, кто на Рош а-Шона молят о «пище, поддержке, прощении и жизни», подобны гонимым, спущенным с поводка, ибо думают лишь о себе и лишены сознания Б-жественного Присутствия. Но ведь при этом мольбы о материальных нуждах включены в праздничную службу, ибо Рош а-Шона – благоприятное время для обращения к Создателю с просьбами подобного рода! То есть наша кавана, Б-жественная интенция, проникающая молитвы, должна вбирать в себя наши нужды. Но если мы всё-таки вдумаемся, здесь нет противоречия: памятование о том, что над нами довлеет нужда, вовсе не исключает чувства самоуничижения и смирения – наоборот, эти чувства усиливают друг друга.

Молитва на Рош а-Шона и молитва в течение года

Кажущееся противоречие заложено не только в службе на Рош а-Шона, но и в ежедневно читаемой трижды молитве Амида, которую надлежит произносить, как если бы молящийся «стоял перед царем» (Шабос, 10а), проникнувшись самоотвержением настолько, что запретил себе всякий произвольный жест, который самим молящимся расценивается как осквернение молитвы (Хагига, 5б). При этом в двенадцати промежуточных благословениях упоминается большинство наших насущных нужд, – и порядок этот установлен издавна.

Противоречие может быть разрешено, если мы задумаемся: в чем отличие молитв на Рош а-Шона от молитв в течение остального года? Если воспользоваться метафорой, то весь год, до наступления Рош а-Шона, Б-г, будучи Владыкой, управляет повседневными делами Своего Царства.

Рош а-Шона указывает на «установление» Б-га владыкой: евреи коронуют Его, принимая Его власть. Коронация возвышает Владыку над подданными – и Б-г в эти дни пребывает выше дел нашего мира, Он трансцендентен ему. От нас же требуется большая степень самоотрешенности и самозабвения, чем обычно, – по сути, мы должны воспринимать одно лишь Всемогущество Творца, Владыки нашего. Вот почему молитва в праздник Рош а-Шона столь специфична: человек должен совершенно забыть о себе и при этом молить Владыку об удовлетворении своих насущных нужд. Как это возможно?

Коронация Владыки

Молясь на Рош а-Шона о своих нуждах, еврей движим не мыслью о личном благополучии, материальном благосостоянии или достижении новой ступени духовности, он стремится максимально исполнить духовную суть службы: «Коронуйте Меня Владыкой над вами» (Рош а-Шона, 16а, 34б).

Молитвенный возглас «Правь миром во Славе», звучащий на Рош а-Шона, – это прошение о том, чтобы владычество Б-га проникло все миры и стало в них явственно. Оно актуализируется тем, что еврей, погруженный в заботы дольного мира, видит свою роль в его преобразении и создании в этом мире дольной обители для Б-га.

В материальном мире рассеяны «искры Б-жественности». На каждого еврея возложена задача освободить, очистить и возвысить те искры, которые предназначены именно ему, – это его «доля» в духовных усилиях нашего народа. Значит, прося «о дольном», о материальном благословении, еврей сконцентрирован лишь на том, чтобы исполнилось сказанное и Б-г стал «править всем миром», – то есть просит об исполнении духовной миссии, предназначенной молящемуся.

Таким образом помышление молящегося о себе не нарушает чистоты молитв, возносимых на Рош а-Шона, ибо помыслы молящегося сосредоточены на стремлении исполнить волю Б-га.

Более того, во время коронации Владыки эта мольба осуществляется через самоотрицание, ибо духовная цель – собрать и возвысить искры Б-жественности – связана с самой сущностью души еврея. И как Б-жественная воля, направленная на «желание Б-га обрести обитель в нижних мирах» (Танхума, Носой, 16; Тания, гл. 36), коренится в абсолютной Самости Б-га, так же стремление к собиранию искр Б-жественности укоренено в душах евреев, и именно евреям назначено выполнить эту задачу.

Личные нужды

Приходит время задаться вопросом: молиться во время службы на Рош а-Шона предписано всем евреям, независимо от их духовного уровня и статуса. Среди них, конечно же, будут и те, чья просьба о ниспослании материального и духовного содействия мотивирована отнюдь не только желанием исполнить волю Б-га, – в известной мере эти люди ревнуют о своих собственных нуждах, как они их понимают. В основе их молитв – надежда на то, что Б-г исполнит их суетные нужды «рукой полной и щедрой». Ведь, по сути, заповедь о молитве и подразумевает, что каждый просит о личных нуждах: это явственно выражено в благословениях беззвучной молитвы, каждое из которых призывает к исполнению той или иной нужды. Эффект молитвы таков, что исцеляется больной и дождь, столь необходимый посевам, проливается на землю.

Жажда святости

Как же так? Нет ли здесь противоречия? Вспомним истолкование, которое Баал-Шем-Тов давал стихам псалма «Голодны <были> и жаждали, ослабела душа их. И возопили они к Г-споду в бедствии своем...» (Теилим, 107:5-6). Голод и жажда, заставляющие алкать еды и питья, укоренились в теле постольку, поскольку душа ослабела. Более того, начало следующего стиха говорит о том, что эта слабость – своего рода залог молитвы: «возопили они к Г-споду...» Речь идет о том, что первично побуждение души, которой – через принятие пищи – любо очистить те искры святости, которые содержатся в еде и питье. Тем самым утверждается, что еврею знакомы физиологические голод и жажда, но истинный источник этой жажды – стремление души освободить искры святости, которые «затеряны» в еде и пище. Это свойство души присуще каждому из нас.

И если молитвы, возносимые к Б-гу на Рош а-Шона, внешне могут показаться реализацией самолюбивого желания, взывающего о «детях, жизни и пропитании», то внутренняя сила, толкающая самого простого еврея излить душу в молитве, – это жажда духа, алчущего исполнить Б-жьё волю и «сотворить Ему обитель в нижних». Более того, сам факт, что мы сохраняем глубочайшую сосредоточенность, моля о наших нуждах и читая «Унсане токеф», а также, вопрошая самые глубины нашего сердца – «Кто сподобится жизни безмятежной», – делаем это с большей страстностью, чем при произнесении слов «правь миром во Славе Твоей», – указывает на содержание нашей молитвы.

Наши личные чувства максимально «включены» в молитву в той ее части, где мы молим о личных нуждах – и внутренняя мотивация этой мольбы заключается в том, что душа стремится к реализации Б-жественной цели, заложенной в творении, к преображению мира в обитель Всемогущего.

Возвращаясь к молитве Ханы, мы понимаем: афтора, описывающая эту молитву и реакцию Эйли, действительно глубинно связана с праздником Рош а-Шона и раскрывает самую его суть.

В чем состояло недовольство Эйли Ханой? Первосвященник предполагал: когда человек стоит «перед Б-гом <...> перед Святым Святым» (Ралбаг, I Шмуэл, 1:11), ничто не должно его отвлекать, и единственное, на чем должно быть сосредоточено сознание, – глубочайшее переживание этого предстояния. Значит, совершенно неприемлемо молить о каких-либо материальных нуждах, о чем-то личном, даже если это мольба о ниспослании сына, идущая из самого сердца: «Если Ты снизойдешь к страданию рабы Твоей [...] и дашь рабе Твоей дитя мужского пола» (I Шмуэл, 1:11). При этом молитва Ханы была чрезвычайно продолжительна, что свидетельствовало о состоянии «духовной интоксикации», порожденной желаниями, которые, с точки зрения Эйли, по сути своей были эгоистичны. По Эйли, желание Ханы родить сына было столь сильно, что она даже не в полной мере осознавала, что предстоит Б-гу.

На упрек Эйли Хана отвечает: «я изливаю душу мою перед Б-гом» (I Шмуэл, 1:15). Ее молитва о ниспослании сына вовсе не была выражением «опьянения» или слепого эгоизма с точностью до наоборот: то было выражение глубинных аспектов ее души, предстоящей Б-гу и с Ним связанной. Как сказано в псалме: «<От имени> Твоего говорит сердце мое: “Ищите лица Моего”. Лица Твоего, Г-споди, искать буду» (Теилим, 27:8-9). Согласно хасидскому учению, в этом стихе слово «панай» («лицо») следует понимать в связи со словом «пнимиус» («внутреннее содержание») (Ликутей Тора, Дворим, 446). Хана взывала из самой глубины своего существа, ее желание не было порождением воли, стремящейся к эгоистичной выгоде: сущностное бытие этой женщины было всецело проникнуто интенцией слиться с волею Всемогущего.

Становится понятным, почему, захваченная своей мольбой, Хана говорит: «Если <...> дашь рабе Твоей дитя мужского пола, то я отдам его Г-споду на все дни жизни его» (I Шмуэл, 1:11). Внутренняя жизнь Ханы направлена не на достижение личных целей, но посвящена служению Г-споду. И ее молитва о ниспослании ребенка – не погружение в омут эгоистичного желания, а стремление послужить Б-гу.

Духовный смысл, который каждый еврей должен вынести из молитвы на Рош а-Шона, состоит в следующем: если только сущность еврея посвящена Б-гу, этого еще недостаточно. Эта сущность должна уйти в самую глубину – и уже из глубины проявиться. Когда еврей на Рош а-Шона молит Б-га об удовлетворении своих материальных или даже духовных нужд, «первосвященник Эйли» в его душе должен задать вопрос: «Доколе ты будешь пьянствовать?» Когда мы коронуем Б-га, не подобает мыслить о земном и личном...

И при всем том еврей должен просить об этих нуждах, ибо именно это побуждение пробуждает «ответ Ханы» внутри всякого еврея! Даже у такого человека, который на уровне сознания озабочен лишь своими личными нуждами, внутри присутствует стремление «излить душу перед Б-гом». Это – истинное желание, исходящее от самой сущности нашей души, которая «связана и соединена с Тобю».

Ответ Ханы разрешает сомнения Эйли и побуждает первосвященника благословить женщину: «иди с миром и Б-г Израэлев да исполнит желание твое – то, чего ты просила у Него» (I Шмуэл, 1:17). Подобно этому благословию Эйли, Б-г исполняет просьбу каждого еврея о добром и тучном годе, вплоть до ниспослания «жизни, детей и благосостояния», в самом прямом смысле слов посылая их щедро и в изобилии.

ВСЕ, ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ ЗНАТЬ ОБ ИУДАИЗМЕ, НО БОЯЛИСЬ СПРОСИТЬ: ПРОБЛЕМЫ ГОМОСЕКСУАЛИЗМА

Симон Джекобсон

Я хотел бы затронуть очень деликатную тему. Не секрет, что среди нас много людей, мучительно ищущих решения трудных проблем, с которыми им пришлось столкнуться в жизни. И часто они очень скептически относятся к предлагаемым рецептам, не желают их принимать. Я обращаюсь именно к такой читательской аудитории – людям ищущим и скептикам.

К теме гомосексуализма меня побудил обратиться личный жизненный опыт нескольких человек, с которыми мне довелось беседовать. Для начала позвольте процитировать письмо, которое я получил от одного из своих слушателей:

Дорогой рабби Джекобсон!

Мне пришлось столкнуться с очень трудной проблемой, которая касается и многих других людей. Я присутствовал на нескольких Ваших занятиях и слышал Ваши передачи по радио. Ваша искренность и широта знаний восхищает; я верю, что Вы сможете помочь мне самым деликатным и вместе с тем действенным образом.

Сразу перейду к сути дела. Мой брат – гей. Он заявил об этом семье в прошлом году. Мало сказать, что все мы были потрясены. Мы мучительно страдаем. Его слова заставили нас пересмотреть всю свою жизнь, полностью перевернули наши представления, поставили под сомнения все те духовные ценности, которые создавали мир и покой в семье.

Передо мной, как религиозным евреем, теперь стоит трудная дилемма (я уж не говорю о всех прочих личных, психологических, эмоциональных проблемах). Как мне, еврею, соблюдающему Тору, общаться с братом? Как я должен относиться к нему? Перестать общаться? Следует ли звать его на сейдер? А если он станет настаивать, чтобы его друг пришел вместе с ним?

И в более широком смысле – как к нему должна относиться еврейская община? Надо ли привечать в наших синагогах людей, выбравших для себя такой образ жизни?

Таких вопросов накопилось множество, а мы испытываем боль и страдания. Я задавал эти вопросы своему раввину, да и многим другим раввинам, но внятного ответа так и не получил. Если уж быть откровенным, то со мной разговаривали с неохотой или высокомерно. Реакции колебались от замешательства и неприязни до крайнего отвращения к геям и полного их неприятия.

Никто так и не смог (или не пожелал) обсудить со мной этот вопрос прямо и заинтересованно, а главное, в духе Торы.

Прочитав письмо, я подумал, что эти вопросы возникают не только в связи с Библией, религией, но касаются и психологии человека, его личности. И если мы не будем обсуждать эти вопросы, то как мы найдем их решение?

Когда заходит разговор о сексуальном влечении человека, мне представляется важным понять одну вещь: мы погружаемся в сферу интимную, полную субъективных переживаний.

В каждом человеке есть сексуальное начало. И никто не может обладать нейтральным взглядом на сексуальное влечение. У каждого из нас к нему свое личное, субъективное отношение – здоровое или нездоровое, оно существует. И это отношение глубоко запрято, укоренено в нашей психике, часто с раннего детства. Поэтому при обсуждении подобных вопросов крайне трудно (в том числе и мне) как бы отойти в сторону и сказать: «А почему бы нам не поговорить об этом объективно и беспристрастно?»

Когда дело касается сексуальной сферы, все мы не лишены предрассудков. Обратите внимание, стоит только начать обсуждать тему гомосексуализма – и люди сразу занимают крайние позиции. Не случайно автор письма спрашивает у меня совета, как следует относиться к человеку (в данном случае его брату), который оказался геем. Иногда подобный выбор сексуального поведения для людей совершенно неприемлем, и они просто отвергают геев; другие же полностью принимают гомосексуализм, полагая его не менее законным, чем гетеросексуальные отношения.

Но зададимся вопросом: есть ли что-то посередине? Можно ли найти какое-то взвешенное решение, далекое от субъективных крайностей?

Теперь, после необходимого вступления, я должен напомнить об одной очень важной вещи: следует отделять выбор людей от самих людей.

Приведу пример. Каждую среду я провожу занятия на Манхэттене. И однажды на занятия пришел гей. Он остался доволен нашим общением и предложил мне провести беседу с компанией его друзей, тоже геев. Я согласился выступить перед ними и поделиться своими соображениями на предмет гомосексуализма – с опорой на Тору, духовные ценности и внутренний опыт, который мне довелось пережить в своей жизни. Нельзя сказать, что аудитория была доброжелательной; наоборот, она была настроена довольно враждебно. Но я честно попытался изложить им свои представления.

Первое, что я им сказал: послушайте, я не хочу занимать оборонительной позиции. Мне не хочется, чтобы меня обвиняли в каком-то ущемлении вашего права на выбор, в дискриминации. Главное, что мне хочется донести до вас, – это то, что нужно отделять выбор людей от самих людей. Мне очень не нравится, когда в дискуссиях переходят на личности: когда кто-то не согласен с вашим образом жизни или любым иным вашим выбором и на этом основании объявляет вас ущербным. Так не должно быть. Мне может не нравиться, как ведет себя мой ребенок, но я не перестаю безраздельно любить его.

Тора говорит нам, что у каждого живого существа есть душа, Б-жественный образ, по которому все мы сотворены. Каждый человек – мужчина, женщина, ребенок – несет в себе этот образ в течение всей жизни. Ничто не может разрушить человеческую душу, поскольку она дана Б-гом.

Для меня это определяющий фактор в отношениях с людьми. Какой бы выбор ни сделал человек – в пользу гетеро- или гомосексуальности, – душа всегда остается душой. Но даже если мы с этим согласны, если мы ценим человеческую душу и любим людей, то это вовсе не значит, что мы не совершаем ошибок.

Каковы будут последствия ошибок для вашей души? Ошибка не разрушает душу, но закрывает некоторые пути, на которых наша душа реализует себя в мире.

Я сказал этим людям: «Первое: я вас всех люблю. Люблю без всяких предварительных требований и условий. Вы – человеческие существа, созданные Б-гом. Ваш выбор – это ваше внутреннее с Б-гом дело, и моя любовь никак не связана с этим выбором.

В то же время, принимая вас такими, какие вы есть, я не обязан одобрять ваш выбор. Я не думаю, что это означает дискриминацию. Да, человеческая душа несет в себе Б-жественный образ, но в то же время вы должны сознавать, что всякий ваш выбор имеет свои последствия.

Моя позиция не предполагает в отношении к вам никакого субъективного отвращения или субъективного либерализма. Иными словами, дело не в том, вызывает ли некий образ жизни неприятие у меня или кого-то другого. В большей степени здесь имеет значение вопрос о добре и зле. В этом – суть проблемы, выходящей за рамки гомосексуализма и связанной с сексуальной сферой в целом, с вопросами жизни, любви, интимных отношений. Вопрос заключается в том, как, имея от природы сексуальное влечение, мы к нему относимся? Можно ли один образ сексуальной жизни считать объективно правильным, а другой – нет?

Если человек делает свой выбор и говорит: “Послушайте, всё это очень спорно. Всякий может выбрать то, что ему нравится”, то он исходит из иных аксиом, чем те, на которые опираемся мы. Мы говорим: нет, сексуальное влечение человека имеет четкие границы.

Теперь, из практических соображений, я попробую сформулировать аксиому, из которой исхожу. Итак, Б-г создал человеческое существо, и в силу этого мы обладаем Б-жественным правом на человеческую свободу. Б-гом также задано наше сексуальное начало и то, каким образом человеку его лучше проявлять.

Разумеется, человек может сказать: “А у меня иные склонности, иной образ жизни, иной выбор”. Но тогда нам придется выяснить, насколько это утверждение согласуется с тем положением, которое мы, по самой своей человеческой сути, занимаем в мироздании.

Человек, как индивидуум, может нанести себе вред различным образом. И даже если он чувствует себя комфортно, это вовсе не значит, что он живет согласно своему высочайшему предназначению.

С моей точки зрения, мы живем в эпоху кризиса в сексуальной сфере, что делает необходимым для нас взглянуть на себя еще раз – а свет Торы помогает нам в этом – и осознать, что означает сексуальное начало в человеке и что такое вообще сексуальная сфера, интимная близость. Какой путь будет наиболее здоровым и послужит инструментом нашей самореализации, освятит нашу жизнь?»

Я понимал, когда говорил всё это, что кое-что из мною сказанного произвело эффект разорвавшейся бомбы. Но, идя путем Торы, я хочу заявить: настало время, когда мы можем вести осмысленный диалог на тему гомосексуализма, и нам не нужно скатываться к крайностям.

Я думаю, можно найти средний путь. Нельзя отрицать очевидный факт: если исходить из религиозной перспективы – а в Библии однозначно утверждается, что гомосексуализм не может быть предметом выбора, – то нет никаких сомнений: Б-г сказал, что сексуальную жизнь следует вести определенным образом, и всякие иные варианты, как бы они ни устраивали человека, не позволяют ему жить согласно его высочайшему предназначению.

В то же время это не означает, что человека, который пытается решить свою проблему (а я уверен, что многие люди борются со своим гомосексуализмом – и это не простой выбор, а сопряженный с тяжелыми страданиями), следует отвергнуть. Нет, к его проблеме надо отнестись самым серьезным образом, очень индивидуально. Честно говоря, лучше всего беседовать с ним один на один, хотя доброжелательные дискуссии на эту тему закладывают хорошую основу.

И конечно, в связи с темой гомосексуализма нельзя не упомянуть о недавней сенсационной новости: иудеи-реформисты постановили, что «отношения иудейских партнеров одного пола достойны легализации через соответствующий иудейский обряд». Это событие беспрецедентно для иудаизма: деноминация, называющая себя «реформистским иудаизмом», недвусмысленно признала и одобрила образ жизни гомосексуалистов.

Попробуем разобраться: в чем заключается проблема с таким постановлением, если вообще здесь есть какая-то проблема? Можно ли с ним согласиться? Как к нему должны относиться евреи? Ведь в Библии ясно говорится: гомосексуализм – отклонение от нормы, извращение!

Я ни в коей мере не врач, не психиатр и выступаю исключительно с точки зрения Торы – которую, как я полагаю, следует отстаивать. В то же время обсуждение темы гомосексуализма неизбежно порождает

вопросы: гомосексуальные склонности зависят от природы или от воспитания? Может быть, дело в генетике, в некоем «гей-гене»? Было бы правильным адресовать эти вопросы ученым и медикам, но мне думается, что Тора и дух Торы, особенно представления Торы о сексуальном начале в человеке, могут в значительной степени пролить свет на нашу проблему.

Если сочетать научно-медицинские взгляды с глубокими и всеобъемлющими представлениями Торы о сексуальном влечении, то, мне кажется, мы пришли бы к ясному пониманию темы, преодолев ее политизированность. Могу порекомендовать в этом плане очень интересную книгу – «Гомосексуализм и политика правды». Ее автор, Джеффри Сатиновер, очень детально исследовал связь проблемы гомосексуализма с политикой.

Позиция автора не всякому может понравиться. Одно из важных положений книги состоит в том, что автор рассматривает гомосексуализм как отклонение от нормы, как ущербный образ жизни, и старается помочь людям отказаться от него.

Но может ли человек полностью измениться? Это другой вопрос, на который стремится ответить автор. Пусть даже гомосексуализм вызван естественными причинами и у человека существует соответствующий ген или генетическая предрасположенность, но ведь и многие болезни имеют генетическую основу. Однако никто не утверждает, что если виновата генетика, то с болезнью нельзя бороться. Кроме того, изучать генетику человека – дело сложное: что имеет генетическую основу, а что определяется характером человека? Как воспитание и раннее детство влияют на мозговую деятельность? Но даже если мы столкнулись с генетической предрасположенностью, это еще не означает, что ее не следует преодолевать. Вообще, у всех нас есть к чему-то предрасположенность, например, многие рождаются с плохим характером... Наши склонности не всегда бывают хороши, но мы обязаны жестко их контролировать.

Заметим, корень проблемы здесь даже не в том, что у кого-то есть склонность к гомосексуализму. Поведение гетеросексуала также может быть далеким от нормы и требовать жесткого контроля.

Иудаизм учит нас, что сексуальное влечение – это духовная, священная сила, которая при надлежащем применении может стать мощнейшим орудием и помочь достигнуть Б-жественных высот. В то же время сексуальное влечение – это страшная сила, которая, будучи использована не надлежащим образом, лишена контроля, может оказать на человека разрушительное воздействие, подобно силе ядерной энергии. Сексуальное начало может иметь как огромное созидательное значение в нашей жизни, так и превратиться в нечто извращенное, подавляющее, действующее, как наркотик, заставляющее людей вести себя иррациональным, нездоровым образом.

Так что с вопросами генетики не так всё просто, как кажется на первый взгляд. Тут не обойтись без научно-медицинского исследования. А многие врачи утверждают: даже если к гомосексуализму есть генетическая предрасположенность, то это еще не означает, что он является самым здоровым путем для реализации человеком своего сексуального влечения.

Безусловно, есть много психологических факторов, которые обуславливают у людей те или иные сексуальные предпочтения. Забудем на минуту о гомосексуализме. Разве в гетеросексуальных отношениях не действуют те же законы? Вопрос не в том, какие силы оказывают на нас влияние, а в том, как выбрать здоровый путь для реализации сексуального влечения.

Вызов нашего времени – кризис в интимных отношениях – заставляет нас искать суть проблемы, а не останавливаться на ее политизированных аспектах.

В иудаизме, да и в других религиях, существует идея, что Б-г подвергает людей определенной проверке. Например, кто-то подвергается искушению украсть, в то время как другие таких желаний не испытывают. Желание обладать «женой ближнего твоего» хотя и не выставляется напоказ, но в общем-то узаконено тем же самым общественным большинством, которое отвергает гомосексуализм и прочие формы сексуальных отклонений. Тут я вижу, с одной стороны, признак двойного стандарта в отношении общества к

проблемам сексуальной жизни. С другой стороны, это еще раз свидетельствует о глубоко укорененных проблемах сексуальной сферы в целом. Мы живем в эпоху, когда сексуальность, в лучшем случае, стала очень аморфным понятием, а в худшем – настоящим бедствием... Люди говорят: «нельзя с ними, нельзя без них» – это настоящий кризис близких отношений, который касается всех людей, кем бы они ни были! Важно понимать, что каждому из нас жизнь бросает вызов, и очень трудно примерить на себя вызов, брошенный другому человеку. Примерив на себя «чужой» вызов, мы могли бы его не выдержать... Но это не отменяет исходной позиции. Мы рассматриваем ситуацию с точки зрения Торы: Б-г задал определенные рамки для сексуального влечения, даровал нам таинственно-мистическую сторону сексуального влечения и интимной близости, благословил сексуальную жизнь человека. Б-г учит нас, как сексуальное начало воплощать в жизни.

Одна из слушательниц моей радиопрограммы рассказала историю. Они с братом и сестрой выросли в неблагополучной семье, где процветало насилие. Брак ее родителей был смешанным, иудейско-католическим, но религия в семье никакой роли не играла. Брат, будучи совсем молодым человеком (сейчас ему уже больше 60, а ей 45 лет) вступил в отношения с женщиной, с которым живет уже почти 40 лет. Она была ребенком и помнит, как этот мужчина появился в их доме. По словам женщины, если бы не он, то брата уже не было бы на свете, он давно покончил бы с собой. Партнер брата стал родным в их семье. И хотя этой женщине в глубине души всегда хотелось, чтобы брат женился и имел семью, никаких объективных доводов в защиту своей позиции она не находила. Да, обычно родителям сыновей-геев и их родственникам очень трудно понять, почему их дети бесконечно меняют партнеров. Это саморазрушительный процесс, и так происходит очень часто. Но бывают и крепкие, многолетние отношения, и как бы ни хотелось их развенчать, этого нельзя сделать: прожив вместе столько лет, партнеры доказали устойчивость своей связи. Вокруг нас существует множество гетеросексуальных пар, к которым слово «самореализация» никак не подходит – столько в их отношениях негатива. А здесь двое мужчин абсолютно верны друг другу! Более того, эти отношения стали единственно прочными в семье: обе сестры давно разведены...

Эта же слушательница рассказала о своей приятельнице, которая вышла замуж, развелась, имела очень трудные отношения с мужчинами. Ей было тридцать с небольшим, когда у нее начались отношения с женщиной, и последние 15 лет она называет себя лесбиянкой. Сравнивая судьбу своей приятельницы с судьбой брата, слушательница сказала, что ей легче примириться с выбором брата, поскольку он имел с партнером «чистый» опыт участия, сострадания и поддержки; причину же выбора приятельницы она видела в неудачных отношениях с мужчинами.

Эта женщина мучительно пыталась найти ответ на вопрос: а можно ли иногда оправдать гомосексуальную связь?

Мне кажется, что рассказ слушательницы больше свидетельствует о печальном состоянии сексуальной сферы и, в частности, гетеросексуальных отношений в нашем обществе, чем о необходимости признать пользу гомосексуализма. Я полагаю, и говорю это с полным уважением к этой женщине и ее брату, что он выбрал из двух зол то, что принесло ему больше комфорта и утешения. И самое печальное в этом деле, что у человека не было альтернативы. Та атмосфера сексуальной вседозволенности, в которой сегодня воспитываются наши дети-старшеклассники, производит тяжелое впечатление и ведет к очень негативным последствиям. По сути дела, люди даже гомосексуализм осуждают, исходя из ложных посылок. Они отвергают его по сугубо личным причинам – из отвращения, невозможности принять и понять, – а вовсе не по той причине, на которой я настаиваю: Б-г дарует нам сексуальное влечение и предлагает наилучший путь его воплощения в жизнь.

Есть гетеросексуалы, которые искренне полагают, что генетическая природа заставляет их каждую ночь менять партнеров. Эти люди не знают, что такое верность. Это такое же нездоровое явление. Многие люди пришли к гомосексуализму из-за ущербности сексуальной сферы в целом: гомосексуальная связь становится чем-то вроде отдушины.

Всегда найдутся те, кто отвергает людей, ведущих подобный образ жизни. Я не готов так поступить, потому что верю: во всяком порыве человека коренится нечто священное. Но этот порыв может

иметь здоровый или нездоровый характер. Когда я вижу человека, сексуальное поведение которого искажено, моя цель состоит не в том, чтобы предлагать ему воздержание или безбрачие, а в том, чтобы направить его сексуальную энергию в нужное русло и добраться до здоровых корней его влечения.

Расскажу еще одну историю. Однажды ко мне на занятия пришел парень, явно наглотавшийся наркотиков – ЛСД или чего-то еще. Оказывается, когда-то в юности он потерял веру и снова обрел ее через наркотики. Так сказать, нашел Б-га через ЛСД. И он спросил, что я об этом думаю. Группа на занятиях состояла из 50–60 человек, и все с интересом ждали, что я отвечу – могу ли я признать употребление наркотиков как законный путь к Б-гу. Этот путь, похоже, прошли многие из них.

Понятно, что я никак не мог ответить утвердительно и привел им пример: «Давайте представим, что какой-то человек попадает, Б-же сохрани, в катастрофу и находится в коме. Ничего не помогает. Врачи говорят, что единственное, что они попытаются сделать, – это ввести ему дозу наркотиков, чтобы встряхнуть его, разбудить и вернуть сознание. Здоровому человеку подобную инъекцию никогда бы не сделали. Такой прием может сработать. Допустим, человек выживет. А теперь я отвечаю на ваш вопрос. Есть здоровые пути выхода из коматозного состояния. Вы были в духовной коме. По какой-то причине Б-г наделил некоторые растения и химические вещества способностью вызывать духовное переживание. Но раз вы пришли сюда, вы ищите здоровые пути! Для меня это печальное свидетельство состояния нашей религии: она не могла привести вашу жизнь к Б-гу надлежащим образом, и для того, чтобы выйти из комы, вам понадобилась какая-то мощная инъекция. Но сейчас вы вышли из комы, поэтому идите и говорите людям, которые оказались в таком же положении, как некогда вы, что есть здоровый и естественный путь переживания трансцендентного опыта, опыта общения с Б-гом».

Думаю, то же самое верно и для сексуальной сферы. Человеческое существо нуждается в любви и заботе. И если мы не обнаруживаем такой любви и заботы на здоровом пути, то найдем на нездоровом. И начнем оправдывать свой путь, сваливая в одну кучу здоровое и нездоровое. Вы скажете: ну и что же, может быть, это не очень здоровый путь, но в нем ведь есть здоровые элементы! Вон, например, сколько гетеросексуальных пар распадаются...

Моя позиция состоит в том, что все мы должны жить в соответствии с высочайшими нормами, заложенными в нас – людях, созданных по образу Б-жьему. Почему надо быть неразборчивыми? Только потому, что мы живем в обществе, которое так много извратило в сексуальной сфере? Почему мы должны разрушать себя, не живя в соответствии с высочайшим потенциалом, который в нас заложен?

И еще на одну важную вещь я хотел бы обратить внимание. Надо понимать, что религиозная вера – это не что-то обтекаемое. Она не должна быть удобной. Верующий человек не может делать выбор, исходя исключительно из собственного удовольствия. Либо существует анархия, либо некоторые высшие объективные ценности. Десять заповедей – это нечто непререкаемое, священное, что требует безусловного исполнения, иначе религия перестает быть религией. Особенно важно это помнить, когда мы имеем дело с сексуальным влечением, которому подвержены. Мы не можем излишне доверять своим чувствам, поскольку они слишком сильны. Какой человек не бывал охвачен сексуальной страстью? Мы знаем, какое это особое, подчас не контролируемое состояние и как глубоко мы можем пасть в этот момент. Люди должны понять: если говорить о религии, то существуют некоторые объективные истины, и надо поступать, исходя не из того, что тебе приятно, а из объективных истин.

Затронем еще один важный вопрос. Некоторые библейские запреты – например, из Десяти заповедей – имеют общественное значение, например, «не кради, не лжесвидетельствуй» и т. д. Нарушение их ведет к нарушению устоев общества, разрушению общественного механизма. Как в этом смысле рассматривать библейский запрет на гомосексуализм? Ведь он является личным делом каждого человека и нарушение заповеди может повредить только самому человеку. В каком смысле оно может повредить обществу?

Чтобы ответить на этот вопрос, повторю: нарушая библейские заповеди, человек вредит в первую очередь самому себе. Когда мы говорим о Б-ге, создавшем мироздание, можно привести следующее сравнение. Вы покупаете новый компьютер, приходите с ним домой и берете руководство по эксплуатации.

Кто-то скажет: а я не хочу делать так, как написано в учебнике, а буду делать, как пожелаю! Он рискует сломать компьютер и лишиться всей информации, записанной на его винчестере.

Между тем, освоив учебник, вы ничем не ограничены в использовании машины, главное – изначально точно следовать инструкции.

Если это верно для компьютера, то насколько же это верно применительно к такому сложному механизму, как сама жизнь! И особенно в отношении такого сложного организма, как человеческое существо, составным элементом которого является сексуальное начало. Мы видим, как сексуальное влечение продолжает мистифицировать нас, продолжает оставаться непонятным, оставаться тайной жизни, тайной близких отношений, секретом любви и привязанности.

Для раскрытия этой тайны у нас есть единственный путь – путь Торы. Надо верить, что Тора – это учебник жизни, наше руководство, наша «инструкция пользователя жизни», – во имя того, чтобы прожить жизнь наилучшим образом.

Когда человек не следует предписаниям Торы, это не только преступление против общества, это прежде всего преступление против себя. Это всё равно, что сунуть руку в огонь – рука обгорит. Никто же не скажет, что от огня никуда не деться или что против нас устроили заговор. Нет, мы имеем дело с естественной причинно-следственной связью применительно к нашей системе-организму. Некоторые вещи помогают системе развиваться, а некоторые ее разрушают. То же касается и сексуальной сферы.

Я не хочу навязывать вам путь, который вы выбираете в жизни. У каждого свой выбор, и этот выбор остается между Б-гом и человеком. Но я приведу один убедительный довод: у всех нас есть душа, и сексуальное влечение – одно из самых мощных орудий, которыми постигается душа. Дело не только в том, чтобы иметь детей, продолжить род, получить удовольствие, ощущать рядом близкого человека, обрести наслаждение в сексе. Это еще и постижение своей души, проникновение в самые глубокие, скрытые богатства человеческой личности.

Когда сексуальное начало носит здоровый характер, оно преодолевает свои рамки и оказывает влияние на всю жизнь человека. Ваша натура становится более творческой и жизнерадостной. Секс благотворно влияет на вашу работу, улучшает взаимоотношения с друзьями и другими людьми.

Нездоровое же сексуальное влечение, все всяких сомнений, несет в себе элемент обособленности, отделенности. Оно замыкается на самом себе. Даже доставляя в какой-то миг удовольствие, такое влечение никогда не оказывает здорового влияния на другие сферы жизни. Оно приводит к навязчивому состоянию, которое ухудшает или даже разрушает вашу жизнь.

Это не значит, что нездоровое сексуальное влечение лишено всякой силы и здоровых элементов. В нем может присутствовать здоровое ядро, но облеченное в непригодные одежды.

Более того, я признаюсь: мне неизвестно, есть ли в сегодняшнем мире такая вещь, как здоровая сексуальность. Но все мы ищем этого здоровья! В реформистском постановлении больше всего меня удручает то, что, составляя его, авторы не задались вопросом: а кто высший авторитет в этих вопросах, каким высшим принципам соответствует такое постановление? Если мы верим в Б-га, а Б-г дал нам правила сексуального поведения, то разве мы не должны спросить Б-га: что говорит о сексуальной сфере Он сам, а не группа раввинов? Ведь такое постановление не может быть просто итогом общего согласия. Это и не тема для новых медицинских открытий. Речь идет о наиболее здоровом пути, на котором человек может в максимальной степени реализовать себя. К сожалению, многие из нас поддаются покорному заключению: «выберем наилучшее из того, что имеем». А мы живем в большом обществе, в больших семьях, вот и выбираем из того, что есть...

Тора однозначно говорит такому выбору «нет». Вы можете жить осмысленной жизнью и максимально раскрыть в ней свой человеческий потенциал – почему же его нужно подрывать? Зачем урезать дарованные нам величайшие способности?

Разумеется, всем нам присуща человеческая ограниченность. Но, может быть, как раз поэтому нам дана возможность обратиться к собственным корням? Ведь каждый человек имеет Б-жественный образ в душе, и в сексуальном влечении мы сможем увидеть важный элемент духовного роста человека, способность достигать величайших вершин.

Так что если отвечать на вопрос об ущербе гомосексуализма для общества, я бы ответил следующим образом: изначально вы наносите вред себе, мешаете раскрыться своему потенциалу. А нанося вред себе, вы тем самым наносите вред обществу. Судьбы человека и общества взаимосвязаны. Порой мы должны защищать людей от самих себя, от собственного разрушительного духа.

Это довольно щекотливая тема. Я не предлагаю вводить законодательные ограничения во все сферы личной жизни человека. Наша цель – как индивидуумов, как сообщества людей – жить в соответствии с нашим высочайшим человеческим потенциалом и позволить ему раскрыться в максимальной степени.

А теперь вернемся к тому вопросу, который задал автор процитированного в самом начале письма. Каким должно быть отношение соблюдающего Тору еврея к брату, который объявил семье о своей гомосексуальности?

Я отвечу на вопрос предельно прямо. Он ваш брат, и его нужно любить таким, какой он есть. Его нужно пригласить на сейдер, его нужно пригласить в синагогу. С ним нужно обращаться как с человеком. Он человек, а не животное. Общаться независимо от того выбора, который он сделал. К нему надо относиться с любовью и подавлять в себе чувство отвращения.

В то же время, если вы кого-то любите, то не можете не хотеть, чтобы всё у него было как можно лучше, чтобы его человеческий потенциал раскрылся в максимальной степени. И я полагаю, что вы должны сделать всё возможное, чтобы помочь брату разобраться со своей сексуальной жизнью, понять, что означает интимная близость в Б-жественной перспективе, с точки зрения Торы. Можно много говорить о том, что значит изучать собственную душу. Заглянуть в нее – означает понять глубины сексуального влечения.

Человек может иметь сильные гомосексуальные склонности и хочет выбрать соответствующий образ жизни. Однако всегда есть возможность умного и тонкого подхода к нему. Очевидно, отношение вашего брата к своему образу жизни носит очень эмоциональный и субъективный характер. Он может замкнуться в себе. Но я бы не стал опускать руки. Он ваш брат, и вы должны сделать для него всё возможное.

В конечном итоге я верю в честность, искренность людей, в цельность их натуры, при всех их субъективных подходах. Каждый из нас обладает способностью преодолеть свою субъективность, которая мешает решать подобные вопросы. Мы можем сослужить себе самую плохую службу, особенно в нашей сексуальной жизни, если позволим поддаться мгновенным страстям, непосредственным впечатлениям, если нас успокоит немедленное признание нашего образа жизни – за таким признанием обычно стоит политика.

И мне кажется, очень важно понять: не следует строить общественную систему, опирающуюся на индивидуальные страсти, индивидуальные отклонения и сексуальные предпочтения, поскольку общество без четких правил в сексуальной сфере – а говоря о правилах, я имею в виду не навязанные законы, а Б-жественные правила, Б-жественные пути их осуществления – это общество, которое разрушает себя.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2005 АВ 5765 – 9 (161)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Леонид Радиховский

Все знают антисемитский миф про «два капитала».

Есть «хороший» (производительный) капитал и «плохой», финансово-спекулятивный. Понятно, что первый – «национальный», второй – «еврейский».

Сегодня в России этот миф почти общепризнан, только слегка изменился: олигархи даром, «по звонку из Кремля» получили свои компании – поэтому их собственность аморальна, в отличие от средней и мелкой собственности, «созданной с нуля», «заработанной». Понятно, что в данном контексте «олигарх» и «еврей-олигарх» – синонимы, тем паче, что «все олигархи – евреи» (в первой сотне Форбса евреев, действительно, около 30%, правда, возглавляет список г-н Абрамович).

Конечно, в видоизмененном виде бред бредом и остается. Хотя по-человечески ни у кого нет сомнений в «несправедливости» приватизации (что всегда бывает при массовом разделе собственности), но столь же очевидно, что в ходе борьбы за выживание, в бизнес-джунглях 1988–1999 годов победили сильнейшие, и они более чем успешно руководили своими компаниями. Отрицать решающий вклад управленца в создание продукта было нелепо уже в XIX веке, ну а сейчас доказывать, что земля, вопреки очевидности, – круглая, а бизнес, вопреки очевидности, создают не рабочие и инженеры, а прежде всего находящийся от них в тысяче километров «хмырь с ноутбуком», – совсем смешно. Нормальные люди и так не сомневаются, а остальные всё равно не поверят...

Но главное, ввязываться в эти споры, в тысячный раз доказывать, что ты не верблюд – изначально порочная позиция. Она явно или неявно исходит из допущения, что существует какой-то особый, подчиняющийся не двойной бухгалтерии, а особым («тайным», может записанным в «Шулхан Орухе»?) правилам «еврейский» бизнес. А это – из серии «еврейской физики», «еврейской нефти» или «еврейских долларов». Тот, кто верит в существование таких штук, никогда, правда, не мог объяснить, в чем же, собственно, различие, но твердо знал главное: «еврейский бизнес» (нефть, алюминий, формулы) – плохой. После этого уже смешными пустяками кажутся вопросы о том, какой бизнесмен «еврей» (полуеврей с русской женой, как Абрамович, и Ходорковский – еврей или нет?), какая компания «еврейская», и есть ли – кроме яростной конкуренции – какая-то связь между «еврейскими бизнесменами» и «еврейскими компаниями».

В сущности, критерий совсем прост, он – чисто фонетический («Но в имени твоем звук чуждый невзлюбя...»). Если фамилия звучит «по-еврейски» – то и бизнес соответствующий, если по-русски – то и ладушки...

Всё это семечки. Интересно другое: «еврейские бизнесмены» в массовом порядке сматывают удочки. Здесь было несколько волн: сначала ушли явно криминальные алюминиевые олигархи братья Черные, после дефолта – банкиры Малкин и Смоленский, в 2000-х годах по политическим мотивам «ушли» Березовского-Гусинского-Ходорковского. Сегодня из тех олигархов, к которым в своем провокационном письме «Евреи, владеющие Россией, поделитесь с народом...» обращался страдалец за русский народ Э. Тополь, не осталось уже никого. Правда, если верить сегодняшним страдальцам, бедному народу опять почему-то не стало лучше...

Но вот сейчас прошла информация, что Абрамович собирается продать свой пакет «Сибнефти», а Фридман – обменять свои пакеты в компаниях сотовой связи на миноритарный пакет в одной из крупнейших международных компаний. Иначе говоря, эти супермиллиардеры (если, конечно, информация точна) хотят перейти в статус рантье. Если добавить, что Вексельберг стал гражданином Швейцарии, то следует вывод, что с «фонетически чуждыми миллиардерами» Россия расстается (примерно, как в 1990-х рассталась с «фонетически чуждыми физиками-математиками»).

Заметьте: Абрамович, Фридман, Вексельберг не только не фронтеры, но даже и «не бандиты». Так чего они боятся, зачем же они ДОБРОВОЛЬНО (в отличие от олигархов, вытолкнутых со сцены раньше) «линяют» (повторяю – если это правда)? Ведь на Западе им бизнес не построить.

Вряд ли они столь чувствительны, что испугались антисемитских и антиолигархических настроений широких масс. Тогда чего боятся?

Власть собралась строить «национальный капитализм», беря за критерий... русские фамилии капиталистов и предлагает нашим героям уйти «по-хорошему»? Ну нет, много что можно сказать про нашу власть, но сумасшедших там вроде бы нет...

Своим обостренным чутьем олигархи понимают, что в ходе идущего «чекистского передела», в ходе формирования «национально-бюрократического капитала» до них всё равно дойдет очередь (не из-за фамилий, конечно, а потому, что снимается «ельцинский слой»)? Это уже теплее. А если решение принято, то, вполне возможно, они станут первыми (но не последними) – и вот тут «фонетический фактор» может сыграть свою роль.

Наконец, может быть, они предвидят великие потрясения 2007–2008 годов? Что ж – пример Ахметова и Пинчука на Украине вполне выразителен.

Каковы же реальные мотивы олигархов? Вопрос не праздный – например, великие потрясения могут тряхнуть не только их...

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2005 АВ 5765 – 9 (161)

ТЕТЯ СОНЯ И САЛАХ ШАБАТИ¹¹

Ḥòāḏāī ḥèī āāḏāy ā ēśēūò ódā ī ḥḥò ḥāō ḥēīā ī ḏī ḥò dāī ḥò āī

Ī adūyī Aāēāī ūēēē¹⁹¹

Ī ā īāīīī ēç īōēōēāēīī ūō īdeāī īā ūīīīīēēē īōāīīōāāēōāēū ōīōēāīīōāīīī, ű īīēēīīīī, āōō-ēē ēōāēēīīīī ō īōāīīōāāēōāēī ēīēāī ī āāīīō... «Ī ōīōīēēū űēīīīēēō ī āāōōīā».

Когда я случайно попадаю на выступление команды КВН в Израиле, я тут же переключаюсь на другой канал. У меня вызывают отторжение шутки российских кавээнщиков про евреев и «Израиль» в их понимании.

В одном из монологов Задорнова есть фраза: «Тетя Сара додумалась продавать свою мочу призывникам, которые не хотят служить в армии». Здесь использован типичный советский стереотип еврея, хитрого и норовящего обмануть государство, плюс предположение, что раз евреи уклоняются от службы в армии в России, то же самое они будут делать в Израиле.

Писателю невдомек, что в Израиле по блату не уклоняются от армии, а устраиваются в боевые части.

Проблема в том, что при самых добрых намерениях кавээнщики механически переносят знакомый им стереотип еврея на существующий в их воображении Израиль.

«Раз евреи такие у нас, значит, они такие же и там».

Картина, при взгляде отсюда, получается жалкая, убогая и совершенно неправдоподобная.

Образ еврея на постсоветском пространстве неразрывно связан с понятием «старый». Анекдоты про старого еврея, имитация акцента пожилого человека, родным языком которого является идиш. Представление о евреях как о хитрых, себе на уме, норовящих извлечь свою пользу из любого действия (см. анекдот о еврее-партизане, который умаялся продавать листовки). Известные нам образы евреев на эстраде и в кино – это образы пожилых людей.

χ āā ēāāyīī ūēēē ī ā çī āpō

Образ израильтянина формировался как полная противоположность образу галутного еврея. Еврей старый – израильтянин молодой. Еврей лишен родины – у израильтянина она есть. Еврей противостоит властям – израильтянин эту власть представляет. Еврей хитрый и жадный – в израильском фольклоре эту функцию выполняют выходцы из Ирана, «парсим». Еврей уклоняется от армии – для израильтянина служба в боевых частях – вопрос престижа. Русский язык для еврея чужой, он говорит с акцентом. Иврит для израильтянина – родной язык. И так далее.

Образы молодых людей, лишенных каких-либо внешних еврейских черт, глядят на нас с плакатов 1950-х годов, мы видим их на иллюстрациях к детским книгам, в фильмах того времени. Новый израильтянин категорически не хотел походить на старого еврея ни в чем – ни в характере, ни во внешности, ни в языке, ни в культуре.

Анекдоты и шутки про Хаима и Абрама в Израиле не в ходу. Имитацию «еврейского» акцента здесь тоже не воспримут – большинство израильтян идиша не знают, а у тех, кто знает, идиш вызывает совершенно иные ассоциации. Даже клейзмерская музыка не очень-то напоминает широко известные в России фрейлехс, а уж основной поток израильской музыки – как «ширей исраэль», европейская, так и «ширей мизрах», восточная, – ничего общего с музыкальной культурой евреев Восточной Европы не имеет.

Отцы-основатели, идеологи страны выдвинули теорию Нового Израильянина, свободного от «рабской психологии галута», а заодно и от всей «галутной» культуры. Тысячелетнюю историю евреев Восточной Европы следовало забыть раз и навсегда как страшный сон, и начинать новую культуру с нуля. Вернее, не совсем с нуля.

Резервы культуры Новому Израильянину следовало черпать у арабов. Это – отдельная тема.

Израильская культура базируется на совершенно иных эстетических принципах, нежели культура евреев Восточной Европы. Это относится и к юмору. Израильтяне не знают старых еврейских анекдотов, и рассказывать им их бесполезно, поскольку сам образ еврея из российского анекдота – хитрого, жадного, себе на уме, противостоящего властям – ничего не говорит израильтянину, не опирается на его жизненный опыт. Шолом-Алейхем отнюдь не является популярным писателем в Израиле, а уж о Михоэлсе здесь не знают даже выпускники театральных училищ.

Другая страна, другая культура, другие ценности.

Впрочем, вряд ли найдется и в России человек, который, скажем, слышал имена великих идишских актеров Дзигана и Шумахера, да и сотню других имен, составивших современную идишскую культуру, которая отнюдь не вся была уничтожена гитлеровцами. В США еврейская культура развивалась непрерывно, хотя так же непрерывно и хирела, однако дожила до наших дней, сохранив свое более чем столетнее наследие. Но волны могучего океана еврейской культуры разбивались о советский «железный занавес». Сегодня совокупный тезаурус среднего жителя России, связанный с евреями, – это пара анекдотов, утрированный акцент, «семь сорок» и большие пальцы в подмышках. Ничего этого в современном Израиле нет.

Тети Сони и дяди Яши здесь оставляют весьма жалкое впечатление. Сидят они здесь у своих телевизоров, включенных на русские каналы, мало что понимая в происходящей вокруг жизни. Советы их, весь их жизненный опыт здесь никому не нужны. Из-за незнания иврита и местных реалий они часто становятся жертвой местных «русских» мошенников.

На улице их сразу видно по затравленному взгляду, сгорбленному силуэту, шаркающей походке. Дурацкая совковая одежда; значки, нацепленные на пиджаки, которые здесь никто не носит; потертые очки устаревших моделей с нацепленными щитками от солнца...

Тащатся они со своими палочками и кулечками по палящему солнцу, проклиная «этих местных, которые только и думают, чтоб их объегорить»...

Местные старики выглядят намного достойней. Да и уровень их жизни не сравним с уровнем жизни «русских».

Шедевр совкового идиотизма мне довелось видеть совсем недавно. В библиотеке сидел «русский» пожилой человек, который от руки переписывал статью в газете, хотя рядом с ним стоял ксерокс, а стоимость одной копии – 30 агорот...

В России евреи представляют меньшинство, а израильтяне в своей стране – большинство населения. Сами израильтяне рассказывают анекдоты о представителях различных этнических общин страны, но это другая тема.

Вот почему, когда я слышу очередной монолог «тети Сони» или анекдот про Сару и Абрама, я переключаюсь на другой канал.

^[1] **Салах Шабати – герой рассказов и одноименного фильма лауреата Государственной премии Израиля Эфраима Кишона, нарицательный образ репатрианта из стран Северной Африки 1950-х годов.**

^[2] **Автор данного материала – создатель образа «тети Сони» для актрисы Клары Новиковой.**

ИГОРЬ БЯЛЬСКИЙ: «ИЗРАИЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД»

ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ «ИЕРУСАЛИМСКОГО ЖУРНАЛА»

Александр Рапопорт

Минувшим летом в Еврейском культурном центре на Никитской состоялась встреча читателей с редколлекцией и авторами «Иерусалимского журнала», израильского периодического издания на русском языке, объединившего на своих страницах писателей, географически и стилистически весьма удаленных друг от друга. После встречи главный редактор журнала поэт и переводчик Игорь Бяльский ответил на вопросы корреспондента «Лехаима».

– Игорь Аронович, расскажите, пожалуйста, о вашей литературной деятельности до отъезда в Израиль.

– Уехал я в 1990 году из Ташкента. С 1985-го по 1988-й работал в республиканском отделении Союза писателей литконсультантом – объяснял «молодым авторам» от пятнадцати до восьмидесяти, почему их не печатают. Вел поэтический семинар. Последние два года перед отъездом жил «на вольных хлебах»: переводил стихи, прозу, редактировал книги. При советской власти за переводы платили; когда книга стояла в плане издательства, на нее выделялся бюджет, в том числе и на переводчика.

– Вы родились в Ташкенте?

– Нет, в Черновцах, в 1949 году. Мать приехала рожать к своим родителям, которые, вернувшись после войны из эвакуации, поселились там – в освобожденном от румын городе было жилье. Отец был военным врачом, и семья (мать, я и младший брат) перемещалась с ним по Львовщине – Самбор, Дрогобыч, Хыров, Яворов... До сих пор вспоминаю «рідну неньку Украину» – прикарпатские леса, прозрачные тогда реки... В 1961 году, когда я учился в шестом классе, мы переехали в Кировскую область. Создавался новый род войск – «ракетные», и отца направили в военный городок «Москва-400». А если вспомнить, что жили мы еще и в Ленинграде, и в Одессе, что за девять лет переменил я десять школ в десяти городах и поселках, то «мой адрес – Советский Союз». Закончил школу в Пермской области в городке с красивым названием Звездный. Поступил в Пермский политех. Одновременно учился на Факультете общественных профессий (ФОП). Это позволило мне не только получить диплом инженера по автоматике и телемеханике, но и преподавать в своем политехе философию.

– Из дисциплин ФОПа вы выбрали именно философию, а не журналистику?

– Да, даже пытался перевестись в 1968-м на философский факультет Ленинградского университета. Не получилось, и я продолжил учебу в Пермском политехе, года полтора параллельно учился на филфаке местного университета. После окончания института в нашей группе все «лица национальностей, большинство которых проживают в капиталистических странах» получили свободный диплом – распределяли атэшников, в основном по «почтовым ящикам» в секретных городках, рассыпанных по уральской тайге. Несмотря на свободный диплом, я не поехал в Одессу, где стояла пустая родительская квартира (в 1971 году отец служил в Саратовской области), а остался в Перми и устроился на работу в НИИ управляющих машин и систем. Переводил на транзисторную технологию чуть ли не первую в Союзе автоматизированную систему табельного учета. Пластиковый пропуск одновременно служил и кредитной карточкой, которую можно было опустить в оптическое считывающее устройство рядом с кассой в столовке. Технический прогресс, по тем временам... А по вечерам вел семинары, иногда читал лекции по диалектике.

– Когда вы начали писать стихи?

– В школе: первая любовь, соответственно – стихи. Большое влияние на меня оказала «авторская песня». Высоцкого слушал часами и, наслушавшись, сам начинал хрипнуть. Потом стал различать и других авторов – Окуджава, Ким, Галич, Городницкий, Сухарев, Визбор, Кукин... Уверенность в том, что русская литература, в частности стихи, может быть свободной от власти, во мне даже не от Пушкина, которого по-настоящему я прочел позже, а от нахлынувших в 60-х неподцензурных песен.

Переводить поэзию начал где-то в 30-летнем возрасте. В книжном магазине, в отделе «Иностранная литература», мне попался сборник стихов Джона Апдайка, прозу которого я любил. Очень захотелось перевести его стихи. Сгоряча даже пошел учиться на вечерние курсы английского при Ташкентском институте. Работа над переводом меня многому научила – и технике, и ответственности за слово. Пытаясь воссоздать чужое стихотворение, не имеешь права делать себе никаких скидок, не можешь ответить своему доброжелательному или недоброжелательному критику расхожей фразой «я так это вижу». Ты должен внятно сказать о том же, о чем сказал автор текста. При этом твой текст на русском языке тоже должен быть стихотворением. То, что на меня не производило впечатления, я не переводил. Собственное стихотворение, если не дописал его завтра или через неделю, уже не получится. Ты не можешь вернуться в свои чувства, в прежнее состояние. Переписать стихотворение через год редко удается: через год видишь по-другому, какая-то строка или слово тебя не удовлетворяют, и очень редко удается не разрушить весь текст, заново приводя его в гармонию...

Что касается перевода, то через год ты, конечно, другой и, может быть, иначе понимаешь текст... Но ведь перевод – всегда интерпретация. Есть формула: поэзия – это слова, составленные в единственно возможном сочетании. С переводом не совсем так. Как мы знаем, одновременно может существовать несколько этих «единственно возможных сочетаний», сделанных разными переводчиками.

– Когда вы решили изучать философию, в государстве признавалась одна философия, марксистско-ленинская. Что вас привлекло? Может быть, возможность узнать другие философские системы?

– Конечно. И модный в те годы экзистенциализм, и философские учения древних греков и древних китайцев. Я горжусь своим вкладом в советскую философию! Помните «основной вопрос»?

– Что первично, материя или сознание?

– Да. А я придумал «основной ответ». Мои студенты-второкурсники, практически ровесники, с дразнящей интонацией задавали «неудобные» вопросы, никакого отношения к Гегелю и Фейербаху не имевшие. Почему, когда секретарь ЦК партии проезжает по городу, перекрывают движение? Почему ругают Солженицына и Сахарова? И я нашел «основной ответ»: потому-то мы и хотим строить коммунизм, что социализм нас не удовлетворяет. А наука была смешная. В советской философии неустанно боролись две школы: материалисты и диалектики. Материалисты утверждали, что в диалектическом материализме главное – материализм, диалектики возражали: нет, в нем главное – диалектика. На эту тему писались не только кандидатские и докторские диссертации, но и доносы в ЦК: «Профессор такой-то – вульгарный материалист...»

– Вас, очевидно, привлекла возможность прикоснуться к другим «объяснениям мира»...

– Совершенно верно. На ФОПе преподавал образованнейший человек – Юрий Динабург, сын «врага народа», и сам тоже контрреволюционер (в 16 лет, в 1945-м, он обсуждал с друзьями вопрос, почему советские войска в начале войны отступали, – конечно, «контра»), прошедший сталинские лагеря... У него был свой взгляд.

На кафедре мне выдали бумагу в областную библиотеку: для подготовки к занятиям просим допустить к изданиям из спецхрана. Я смог ознакомиться и с русской философией конца XIX – начала XX века. Уже существовали переведенные «для служебных библиотек» работы современных западных философов. Мне удалось тогда многое, что называется, почерпнуть.

– Но преподаватель философии был несвободен, находился в жестких рамках...

– Нет, было не так страшно. «Возрастание роли коммунистической партии в период развернутого строительства развитого социализма» обосновывал исторический материализм. Его мне посчастливилось не преподавать. Только диамат. Спустя два года, в 1973-м, я переехал в Ташкент. И там до 1985 года занимался эксплуатацией ЭВМ. Десять лет заведовал отделом техобслуживания ВЦ Минпищепрома Узбекской ССР.

– Это уже далеко и от философии, и от переводов.

– Да. Две большие машины, каждая из которых занимала примерно 100 м². Только в нашем отделе работало около 30 человек, штат же всего Вычислительного центра был человек двести, а сколько человек работало в министерстве, не берусь определить. ВЦ каждый день отправлял руководителям министерства статистические сводки: сколько макарон, спирта, мыла произведено в Намангане, сколько в Фергане и каких сортов... Министр исправлял карандашиком цифры, которые ему не нравились, и его помощник по телефону диктовал их замдиректора ВЦ. После этого начиналась «корректировка». Программисты шли от конца к началу: ответ уже был, оставалось найти «исходные данные». Их по новой вводили в ЭВМ, и курьер вез новые килограммы распечаток в министерство.

Чем смогу оправдаться перед Б-гом за эти годы? Между людьми в моем отделе всегда были человеческие отношения.

– Когда вы осознали свое еврейство? Был ли идиш разговорным языком в вашей семье?

– В моем раннем детстве родители говорили между собой в основном на идише. Я его до сих пор понимаю, могу и сам связать несколько предложений. А младшему брату это уже не удалось: со временем родители говорили на идише всё меньше и меньше...

– Можно ли сейчас вспомнить: в детстве, в школе вы считали себя евреем или представителем советского народа, «новой исторической общности»? Каково было самоощущение?

– Я всегда знал, что я – еврей. И советский человек, конечно, тоже. Много лет прожил в Ташкенте – возможно, самом космополитичном городе СССР. В этом городе жили узбеки, таджики, уйгуры, украинцы, армяне, греки-политэмигранты, высланные немцы Поволжья и репрессированные крымские татары, чеченцы и бухарские евреи, переселенные с Кавказа турки и с Дальнего Востока – корейцы... Самоощущение – пламенный интернационалист. У меня не было предубеждения к людям других национальностей, да и сегодня нет. Правда, сегодня мое самоощущение не такое пламенное. Я, например, не считаю, что арабы хуже евреев потому, что они – люди другой цивилизации и их моральные нормы и человеческие качества не доросли до наших. Мне достаточно понимать, что они считают своей ту землю, на которой мы живем и тоже считаем ее своей. И уже поэтому объективно они – враги. Хотя, может быть, в «человеческом плане» они даже лучше евреев. Это только Всевышний рассудит. Просто я «из другой команды». Из еврейской. Еще точнее – из сионистской.

– Был ли у вас интерес к еврейской культуре? Каким образом удавалось его удовлетворять?

– Отец пытался научить меня идишу. Сам он окончил в Киеве еврейскую школу. В его время в этом городе еврей, даже если хотел учиться в русской или украинской школе, не мог этого сделать: для вас, мол, организовали специальные еврейские школы, идите туда. Отец рассказывал, что для многих детей это было чуть ли не трагедией, потому что они приходили из русскоязычных семей, где идиш никогда не звучал. Потом это «поветрие» сменилось противоположным: еврейские школы ликвидировали, а учеников перевели в украинские и русские.

Отец дал мне, второкласснику, «Популярную еврейскую историю» Греца на идише, показал, как пишутся еврейские буквы, и я, страница за страницей, эту книгу пытался прочесть. Заодно отец рассказывал мне историю: праотцы, Моисей, Самсон, Давид, Соломон...

– До революции дети в хедере узнавали об этих вещах.

– Конечно, я получил совершенно отрывочные сведения. Но представление об истории у меня существовало. Я знал, откуда Авраам пришел в Палестину, почему евреи пребывают в рассеянии, и как после присоединения Польши к Российской империи они оказались в России. Представлял себе эту цепочку.

– Был ли ваш отец коммунистом? Служба в армии в офицерском звании это предполагала...

– Отнюдь нет. С гордостью отмечу: отец мой, Бяльский Арон Исаакович, был единственным в дивизии старшим офицером, не состоявшим в КПСС. Помню, к нам домой приходил парторг, тоже, кстати, еврей, и агитировал его: «Ну что, Арон, пора уже вступать...» – «Нет, чувствую, что пока не дорос». Я, юный пионер, не мог тогда понять причин его отказа, для меня это было просто непостижимо. «Понимаешь, – отвечал мне отец, – чтобы стать коммунистом, надо быть самым лучшим. Как Ленин...» Помню, мама на повышенных тонах выговаривала ему: «Как ты можешь, как тебе не стыдно?! Люди к нему приходят, предлагают вступить в партию – а он не вступает!» Своей службой в армии отец не дорожил, у него была хорошая гражданская специальность – хирург. Но все демобилизации проходили мимо. Родился он в 1919-м, недалеко от Киева, в местечке Сквир, это родина Ахад а-Ама. В 1920-х семья отца переехала в еврейское поселение – из тех, строительство которых финансировал «Джойнт». Вскоре началась коллективизация. В колхоз дед Ицхак вступать не хотел, но его мнение не интересовало начальников и «активистов». И так, колхоз, голод... Дед выкрал из колхоза коллективизированного своего коня и телегу и увез жену и детей (их тогда уже было четверо) в Киев, где они сняли комнату в подвале. Бабушка Рахиль – «благородного происхождения», внучка раввина – начала шить соседкам, а дед – он из «простых» евреев – устроился подсобным рабочим, сколачивал деревянные ящики. Дед Ицхак умер в 1940-м, бабка – в 1945-м...

Второй мой дед Нухим, потомственный шорник, о котором написано не одно мое стихотворение, тоже был «верующим», молился, надевал талис, каждую субботу ездил на двух трамваях в синагогу (в 1955-м он с женой, которую тоже звали Рахиль, перебрался в Одессу). И я, советский школьник, четвертого что ли класса, пытался ему втолковать, что Б-га нет. Спутники, мол, летают, астрономы в телескоп смотрят, никто Его там не видел. Дед слушал и улыбался. Потом говорит: «А давай спросим твоего отца». И я, в полной уверенности, что отец – он-то, не в пример деду, не учившемуся в советской школе, институт окончил! – встанет на мою сторону, говорю: «Папа, скажи ему, что Б-га нет». И тут произошло крушение моих представлений о мире, о взрослых и о моем отце. Он сказал: «Да, некоторые считают, что Б-га нет. А другие верят, что Он есть». Тогда я понял, что всё не так просто. И когда дед уехал – он тогда гостил у нас, – я всё приставал к отцу: «Почему, ну почему ты не сказал ему, что Б-га нет?!» А отец продолжал держаться своей версии: «Для тех, кто верит, Он есть».

– В вашей семье, жившей в военном городке, субботних свечей, видимо, не зажигали и традиционных обрядов не придерживались?

– Субботних свечей не зажигали, но на Пейсах дед всегда присылал посылки с мацой, а отец всегда знал, когда Йом Кипур: он в этот день постился, о чем мне, естественно, не сообщалось. Предыдущее поколение было воспитано в условиях тоталитарного режима, не располагавшего к откровенности... Только в 22 года, после окончания института, я узнал, что у нас дома было дореволюционное издание Танаха с параллельным текстом на русском языке. Отец провез с собой этот тяжелый том по всем военным городкам, где служил. Покажи он мне эту книгу раньше, я бы обязательно похвастался перед одноклассниками, а дальше был бы особый отдел... Тем более, что опыт у отца был: во время «дела врачей» он оказался под домашним арестом за «проживание под двумя фамилиями»: в офицерской его книжке было записано «Бяльский», а в военном билете – «Бельский»...

– Перед вашим приездом в Израиль в 1990 году вас уже можно было считать профессиональным переводчиком?

– Приехав в страну, я в первый же год перевел с английского на русский несколько книг. Но то были случайные заказы и, соответственно, нерегулярные заработки. Работал я и на стройке, и в организации «Керен Каемет», занимающейся насаждением лесов. Работал охранником, редактором разных газет.

– Расскажите, пожалуйста, как пришла идея создания литературного журнала.

– У каждого еврея однажды появляется идея создать свой журнал (смеется). Если говорить более серьезно, то, конечно, в Израиле уже существовали журналы на русском языке. Например, «22». Он начал издаваться в 1970-х годах людьми, которые приехали за 20 лет до нашей «большой» алии, и объединил вокруг себя литераторов другого поколения и другого «призыва». «22» возник в конфронтации с советской литературной периодикой. Это был один из эмигрантских журналов русской диаспоры, – естественно, с поправкой на сионизм, – журнал не только литературный, но и «общественно-политический».

Любой журнал – это мафия в хорошем смысле слова. Ведь «мафия», если перевести на русский язык буквально, означает «семья». За годы существования журнала складывается дружеский (а подчас и семейный) круг авторов. Если появляется новый автор, может быть, он постепенно войдет в этот круг. Но если появляется еще столько же, а в нашем случае раз в пять больше авторов, то ясно, что все они не уместятся в рамках одного издания, каким бы замечательным оно ни было. Тем более, что к тому времени, когда мы начали издавать свой журнал, «22» перешел с ежемесячного на кварталный формат. То есть авторов появилось больше, а количество страниц уменьшилось. Тогда возникло несколько новых литературных изданий: «Зеркало», «Солнечное сплетение», наш «Иерусалимский журнал». Мы от других отличаемся тем, что не стремимся выражать какую-то одну эстетическую позицию, быть рупором одного литературного направления. У нас публикуются и авторы, работающие в «классическом» ключе, и молодежь, которая получает возможность показать свои эксперименты. Быть только экспериментальным изданием мы не стремимся.

– Из каких рубрик состоит «Иерусалимский журнал»?

– Названия разделов воспроизводят топонимику Иерусалима: Львиные ворота, Сионские ворота, Французская площадь, Яффские ворота, Город Давида, Юбилейный квартал, Шхемские ворота, Американская колония, Холм памяти, улица Бецалель, Подзорная гора... Это журнал современной израильской литературы на русском языке. Но по названиям рубрик можно догадаться, что в ИЖ печатаются не только израильтяне. В «Американской колонии» – живущие в США Владимир Друк, Андрей Грицман, Рита Бальмина... В «Венгерском квартале» – романы Кароя Папа и Имре Кертеса. В «Русском подворье» такие мастера, как Дмитрий Сухарев, Марк Харитонов, Марина Бородицкая, Асар Эппель... Мы публикуем и молодых российских авторов, например, стихи Марии Фаликман, стихи и прозу Елены Лапшиной. И, конечно, переводы с иврита – из Агнона, Иегуды Амихая и Ури-Цви Гринберга, Йоны Волах и Еудит Кацир, Эдгара Керета и Эйнат Якир... Впрочем, основной корпус текстов написан по-русски. В редколлегию, кроме меня, сегодня входят Елена Игнатова, Дина Рубина, Зинаида Палванова, Светлана Шенбрунн, Юлий Ким, Роман Тименчик, Велвл Чернин.

– Как часто выходит «Иерусалимский журнал», каков его тираж, можете ли сказать об источниках финансирования?

– Журнал возник шесть лет назад. Выходит он, в основном, ежеквартально. В наших планах – выпускать в год шесть номеров. Тираж начинался с тысячи экземпляров, колебался от 700 до 1500, сейчас – опять в районе тысячи, это не так уж мало, учитывая сегодняшнюю ситуацию не только в Израиле, но и во всем мире. Отчасти журнал спонсируется государством, но, к сожалению, в очень небольших размерах. В начале нашего существования мы получали субсидии от межминистерского Центра интеграции репатриантов. Но каждый проект может получать субсидии только первые годы, предполагается, что всё «успешное», подобно проектам хайтека, со временем должно переходить на коммерческую основу. Однако ни один литературный журнал в мире не может стать «самоокупаемым». Подписка, естественно, не покрывает расходов. Когда денег не стало совсем, нам помогли наши прославленные авторы – серию благотворительных вечеров в поддержку ИЖ провели Михаил Щербаков, Юлий Ким, Игорь Губерман... «С миру по сотенке» сбрасываются и наши менее знаменитые друзья. Слава Б-гу, и среди состоятельных бизнесменов есть люди, которые любят настоящую литературу и в состоянии оценить уровень журнала. Мы им очень благодарны за существенную поддержку. Например, типографские расходы на два номера мы оплатили с помощью Бориса Александрова («Росагроэкспорт»). Деньги на ближайшие полтора номера дали Евгений Сатановский («Ариэль») и Михаил

Фридман («Альфа-групп»). Надеюсь, со временем нам смогут помочь не только москвичи, но и свои, израильские спонсоры.

– Можно ли говорить о специфике литературы на русском языке, создающейся в Израиле? Отличается ли она от литературы в России, от литературы, написанной по-русски в Европе и Америке?

– Литература на русском языке создается сегодня в разных странах. Благодаря открытости границ и наличию Интернета она составляет единое культурное пространство. Но понятие «израильская литература на русском языке» для меня тоже содержательно. И связано оно не только с тематикой, географическими и этнографическими подробностями. Ведь литература – это не только язык, но еще и идеалы, и опыт, индивидуальный и общественный. Опыт писателя, прожившего десять лет в Израиле, отличается от опыта, приобретенного другим писателем за это же время в России.

– Те, кто говорил об израильской литературе на русском языке, формулировали так: «Мы отличаемся от русских писателей в Европе и в Америке тем, что мы не эмигрантская литература».

– Согласен. Писательские колонии в Америке или, например, в Германии – системы «российскоцентричные». Россия для них – культурная метрополия. Уезжающий сегодня в Европу или в Америку – уже не политэмигрант, не изменник, как было при социализме, а человек, которому в данный момент удобно жить, допустим, во Франции. Хемингуэй, сколько бы ни жил во Франции или на Кубе, всегда оставался американским писателем. Писатель же, уезжающий в Израиль, принимает решение репатриироваться – не пожить в другой стране, а стать израильтянином. Хотя Израиль, между прочим, исторически связан с Россией сильнее, чем с другими странами мира: эту страну создавали российские евреи. Все израильские главы правительств до Рабина были уроженцами Российской империи (да и Рабин, Нетаньяху, Барак, Шарон – тоже из русскоязычных семей). В Израиле миллион русскоговорящих, государство возникло при поддержке в ООН Советского Союза, получало от него оружие во время Войны за независимость, всё это так. Но наши собственные, израильские проблемы зачастую совсем не похожи на российские. Опыт их разрешения влияет на писателя, приехавшего даже пять лет назад, даже если он пишет рассказ, действие которого происходит в Москве. У такого человека уже израильский взгляд на происходящее. Сказанное вполне может быть отнесено ко всей израильской литературе на русском языке. У нее израильский взгляд.

ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Лазарь Медовар, Лариса Белая

Те, кто в 30-х годах прошлого века еще ходил в школу, читал «Пионерскую правду» и «Комсомолку», кто в детстве полюбил коньки и сохранил эту привязанность до преклонного возраста, знают и помнят писателя, мастера спорта, педагога Самсона Вольфовича Глязера.

«Вы себе не представляете, что сейчас творится у меня в библиотеке. Лежали книги по истории Рима, Греции, книги по философии, географии, музыке... Лежали и пылились, никто их не спрашивал. С выходом игры началось что-то необычайное: буквально очереди стоят за этими книгами. Я ограничила срок пользования каждой книгой до трех дней. И жалуются, что слишком мало книг».

Эти слова корреспондент «Комсомольской правды» некогда услышал от библиотекарши в подмосковной Балашихе. То же самое говорилось и в сотнях других библиотек.

Игра, о которой речь, начала «выходить» на страницах газеты в апреле 1934 года. Назвалась она «Культснайпинг» (или «Отвечай метко») и сразу же приобрела огромную популярность. Ее создатель – Самсон Глязер.

Только за полтора месяца редакция получила 24 тыс. писем с ответами на вопросы игры. Письма шли со всех концов Советского Союза.

Двадцать серий игры, в среднем по десять вопросов в каждой, охватывали разнообразные области человеческой деятельности, биографии прославленных людей и знаменательные события в истории народов и стран. Каждый вопрос сопровождался рисунком, облегчающим поиск ответа.

Игра «Культснайпинг» не сулила участникам никаких материальных выгод, зато требовала времени и труда для поиска ответов: требовала изучения литературных и иных источников, посещения музеев, библиотек.

Игра привлекала возможностью получить новые знания, знакомила с людьми, событиями, о которых без нее читатель, вполне вероятно, никогда бы не узнал. Об этом свидетельствовали и письма. Вот, к примеру, слова читателя Иолина из Киева:

«Я получил “Комсомольскую правду” с серией “Философы”. О философии у меня понятия были чрезвычайно смутные, но ведь я хочу выйти победителем и решил познакомиться с философией. Пошел в библиотеку, взял пару популярных брошюр о философии, затем прочел книгу Вандека и Тимоско “Очерки философии Спинозы” и “Краткий словарь по философии”. И что же – увлекся! Совершенно неожиданно я понял, что через эту игру вы заставили меня учиться. Таким образом, игра “Отвечай метко” превращается в своеобразный университет культуры».

В одном из отзывов отмечалось, что «Культснайпинг» помогает бороться с хулиганством, ибо отвлекает молодежь от улицы.

По окончании игры издательство «Молодая гвардия» выпустило «Культснайпинг» отдельной книгой.

Позже, в 1935–1936 годах, одна за другой появились новые познавательные игры С. Глязера: «Города и годы» и «Великие люди» в «Пионерской правде», «Глобус» в «Огоньке», «Путешествие по СССР» для радиослушателей. Они состояли из 10–12 серий (по 6–10 вопросов в каждой), и ни один вопрос не повторялся дважды.

Все игры иллюстрировал художник Лев Смехов, известный своими рисунками в журналах «Техника – молодежи», «Наука и жизнь», на страницах книг классиков русской и мировой литературы (Л. Толстого, А. Куприна, У. Шекспира, многих других). В Еврейской энциклопедии ему посвящена отдельная статья. С Глязером их связывала многолетняя дружба.

Темой игры «Города и годы» были города Советского Союза, их историческое прошлое, их нынешний день. В «Великих людях» речь шла о выдающихся деятелях науки и культуры разных стран мира. Все участники награждались дипломами.

Популярность игр была огромна. «В эту игру, – писал Глязер о “Великих людях”, – включились 20 тысяч ребят. Ежедневно они присылают в редакцию тысячи писем с ответами на вопросы... Они разыскивают специальные книги, которых в школах часто нет, роются в энциклопедиях, следят за газетами и журналами, посещают музеи, даже списываются с архивами. Среди корреспондентов в редакции много колхозных ребят».

Каждая серия игры «Глобус» была связана только с одной из стран Европы, Азии или Америки, – с ее историей, географией, выдающимися людьми.

«Глобус» – не единственный случай сотрудничества Глязера с журналом «Огонек». На страницах «Огонька» увидели свет и «Загадочный снимок», и «Культурный ли вы человек?», и другие игры. Главным редактором журнала в те годы был его основатель Михаил Кольцов. В 1938 году Кольцова репрессировали, сотрудничество с журналом прекратилось.

Только в 7-й серии игры «Города и годы» («Тифлис») возникает имя Сталина. В других сериях оно отсутствует. Примерно до 1936 года это еще допускалось. Позже – нет. Возможно, по этой причине игры «Города и годы» и «Великие люди», в отличие от «Культснайпинга», не были изданы отдельной книгой, и теперь с ними можно ознакомиться только в старых номерах «Пионерской правды».

Писатель понимал, что возможности получения знаний в городе и в деревне разные. И ряд работ предназначил специально для сельских жителей. Это «Культснайпинг для колхозных читателей» (в нем имелось всего 10 серий, и вопросы были менее сложны), «Затейник в колхозе», «Культурный полевой стан»... Глязер считал, что культурно-просветительской работе в деревне «должна быть придана занимательность, которая вызывала бы интерес к знаниям, чтению книг, работе в кружках по повышению грамотности...»

Почти одновременно Самсон Глязер выпустил несколько исторических книг для юношества. Среди них – «Великий русский полководец А. В. Суворов», «Ледовое побоище», «Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории».

Суворов прошел путь от рядового до генералиссимуса, но не избежал участи многих великих полководцев. После Швейцарского похода, будучи уже больным, он возвращался в Россию, в Петербург, где ему готовили торжественную встречу. Однако Павел I, который не любил и боялся Суворова, все торжества отменил и разрешил въезд в город только ночью. «И герой, – пишет С. Глязер в своей книге, – военным талантом которого восхищались не только друзья, но и враги, должен был тайком въехать в Петербург. Он нашел приют у одного из дальних родственников на Обводном канале.

Через два дня после прибытия Суворова в Петербург Павел распорядился отозвать от него всех его адъютантов. В полдень 6 мая 1800 года Суворова не стало. Одиноким, жалким, забытым всеми, умер великий полководец в доме приютившего его родственника. О погребении его не было ни одного извещения. Не было даже приказа о воинских почестях, которые обычно отдавали даже самому безвестному генералу. Суворова хоронили 12 мая 1800 года в Александро-Невской Лавре. Ни видных сановников, ни царедворцев на похоронах не было. Речей над могилой не произносилось. Люди разошлись в молчании».

Книга была издана Наркоматом обороны Союза ССР.

«Ледовое побоище» издавалось дважды: в 1938 году и в 1941-м, уже после начала Великой Отечественной войны. Рассказав о победе Александра Невского над немецкими псами-рыцарями на Чудском

озере, автор пророчески пишет во втором издании: «Ныне же, когда на мирные народы Союза Советских Социалистических Республик напали германские фашисты, изверги и грабители, Красная Армия не только отобьет их натиск, но и сметет их с лица земли. Это будет тяжелая, трудная война, которая потребует больших жертв, много крови, но из этой войны советский народ выйдет победителем и уничтожит врага».

С. Глязер родился в Москве 11 мая 1908 года в небогатой еврейской семье. Со школьных лет увлекался историей и коньками и пронес эти увлечения через всю жизнь. В 1927 году он организовал школу фигурного катания, а уже в 1930-м будущие мастера спорта Самсон Глязер и Лариса Новожилова стали чемпионами Москвы в этом виде спорта.

Постоянные тренировки не помешали Самсону поступить на исторический факультет МГУ, три курса которого он успешно окончил. С четвертого пришлось уйти – надо было зарабатывать на жизнь и помогать семье.

В 1930 году у Самсона родился сын Лев, будущий известный экономист.

Но через год это радостное событие было омрачено: в одну из его командировок жена, оставив сына Самсону, ушла к его другу. Леву растили бабушка и дедушка, которые его очень любили. К 21 году Лев Самсонович окончил два института: юридический и финансовый. Работая в НИИ, защитил кандидатскую диссертацию, опубликовал статьи и книги по экономике. Но его карьере ученого мешала болезнь – тяжелая форма диабета, заставлявшая его несколько месяцев в году проводить в больнице. В 55 лет, всего на год пережив отца и не успев защитить уже написанную докторскую диссертацию, младший Глязер скончался.

В энциклопедическом справочнике «Москва – спортивная столица» (2004) говорится, что Самсон Глязер «был душой и организатором всех праздников на льду сначала в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в Москве, а в начале 60-х годов – на катке парка Дзержинского района в Марьиной роще».

В 1937 году был объявлен конкурс на учебник истории для школ Советского Союза. Лучшим оказался упомянутый выше «Элементарный курс истории...» Самсона Глязера и его жены Ольги Жемчужиной. Брак их не был зарегистрирован, так как оформить развод с первым мужем Ольга не успела. Это стало причиной трагедии: мужа Ольги в том же 1937 году арестовали, а ее как законную жену, подобно тысячам других жен репрессированных мужей, отправили в лагерь. Учебник запретили. Его нет ни в Российской государственной библиотеке в Москве, ни в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Петербурге. Один экземпляр, возможно единственный, зачитанный до дыр, каким-то образом уцелел в Московской исторической библиотеке.

Самсон навещал жену в лагере, привозил передачи. Вскоре, однако, его призвали в армию. Началась война. Следы Ольги затерялись...

Глязера направили в Рязанское пехотное училище имени Ворошилова. Историю этого училища, героические подвиги его курсантов на фронтах войны Глязер в соавторстве с А. Гришиным описал в книге «Наше училище» (Рязань, 1943).

Из того же энциклопедического справочника: «Великая Отечественная война 1941–1945 годов прервала развитие фигурного катания в нашей стране. Но уже в 1944 году каток ЦПКИО возобновил свою работу. Занятия проводил лейтенант Красной Армии С. Глязер, который служил в Рязанском пехотном училище и по выходным дням приезжал в Москву. Его учениками в то время были Герой Советского Союза генерал-майор авиации А. Б. Юмашев, которому после ранения на фронте врачи посоветовали заниматься спортом, и он выбрал фигурное катание, профессора Академии бронетанковых войск Р. П. Доброгаев, А. И. Петрусевич и другие».

После демобилизации Самсон целиком посвятил себя спортивной и писательской деятельности.

«Культснайпинг». Фрагмент из серии «Знаете ли вы историю?»:

На конгресс съехались два императора, четыре короля, множество настоящих и бывших правителей государств, завоеванных наполеоновской армией.

В истории этот конгресс знаменует собой начало эпохи европейской реакции.

Что это за конгресс и в каком году он состоялся?

12 августа 1945 года в Москве, на Красной площади, состоялся Всесоюзный парад физкультурников. На трибуне Мавзолея стояли Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, будущий президент США Дуайт Эйзенхауэр, посол США А. Гарриман.

На следующий день «Правда», описывая парад, среди прочего сообщила: «На катке с настоящим льдом (как это неожиданно и необычно в жаркий августовский день!), который везут на огромном грузовике спортсмены общества “Большевик”, демонстрируют фигурное катание известные конькобежцы Т. Гранаткина и С. Глязер...»

В 1949 году по инициативе Глязера в Москве, в парке Марьиной рощи, началось строительство искусственного катка для фигуристов. Оно продолжалось два года, а пока Самсон со своей партнершей Ларисой Новожиловой выступали в соревнованиях по парному фигурному катанию. Их спортивные достижения отмечены в вышедшем в 2003 году Кратком спортивно-биографическом справочнике. В 1948-м они стали победителями зимней Спартакиады народов СССР, а в 1949 году – бронзовыми призерами первенств СССР и РСФСР.

Каток построили, и Глязер вместе с Новожиловой начали тренировать юных фигуристов. Ребята, освоившие начальные стадии катания, переходили затем к индивидуальным тренерам для дальнейшего совершенствования.

На этом катке получили путевку в большой спорт многие знаменитые мастера парного фигурного катания. Среди них – многократные чемпионы мира, Европы и Олимпийских игр Ирина Роднина, Людмила Белоусова. А первым их наставником был Самсон Глязер...

«В 1951 году, – вспоминает Л. Белоусова, – в Москве построили первый в Советском Союзе искусственный каток. Он принадлежал парку Дзержинского района. Я решила поступить в детскую группу фигуристов. Меня встретил добродушный полный человек. “Принимаю всех, приходи с коньками”, – весело сказал он.

На следующий день я была на льду. Тот же самый человек предложил: “Поезжай за мной по кругу”. (Посмотрев, как легко он скользит, я решила: “Это очень просто”. Но тут же изменила свое мнение, так как меня сразу же с дуги вынесло на прямую.) Имя этого человека – Самсон Вольфович Глязер. Я начала приходить на его занятия. С ним было интересно...»

С 1961 года Глязер – судья первой категории по фигурному катанию на коньках.

«В любом возрасте, – считает он, – можно стать на коньки, начать учиться, прочувствовать живительную силу этого спорта вечной юности». Слова свои он подтвердил, создав кружок любителей фигурного катания, куда принимали только с 45 лет.

Друг Самсона, а ныне руководитель ансамбля фигуристов старшего поколения Маргарита Николаевна Стёганцева пришла в кружок, уже обремененная не только возрастом, но и болезнями. Во время

Великой Отечественной войны она была радисткой в партизанском отряде, и это не могло не сказаться на ее здоровье. О коньках ей оставалось только мечтать. Но случилось неожиданное.

«Однажды в 50-х годах, – рассказывает она, – уже в тридцать пять лет, я пошла в ЦПКИО имени Горького и увидела на катке людей всех возрастов: дети, взрослые, совсем пожилые. Смотрела как замороженная.

Подъезжает Глязер: “Вам нравится?” Я: “Не то слово!” – “Так в чем же дело?” И он записал меня в группу взрослых, где были бабушки, дедушки... Я скрыла свои годы, сказала, что мне сорок пять. К следующей встрече Самсон Вольфович сам достал мне коньки, и началось фигурное катание, продолжающееся до сих пор».

Маргарита Николаевна размышляет о человеческих качествах Глязера-тренера: «Он имел удивительную способность подходить к людям с любовью и доброжелательностью, помогал советами и делом. Фигуристы считали его не только тренером, но и товарищем, другом, доверяли ему свои личные дела, оставались с ним десятки лет».

Отвечая корреспонденту газеты, спросившему, чем вызвана такая популярность его кружка, владеющего всего лишь самой обычной, скромно оборудованной площадкой в парке, Самсон сказал: «Лично мне довелось общаться в нашем кружке с людьми разных профессий, возрастов, интересов. И что особенно приятно отметить, этот стаж знакомства измеряется двумя-тремя десятилетиями. Люди заканчивали институты, женились, обзаводились детьми, потом внуками. Но никакие перемены в личной жизни не могли поколебать их желания встречаться в кружке, где царит дух доброжелательности, праздничности».

«Желания встречаться в кружке» не смогли поколебать даже спортивные чиновники, которые недолго любили Глязера и которых больше интересовали рекорды, чем работа со взрослыми.

«Есть еще околоспортивные деятели, – с сожалением писал Глязер, – которые придерживаются устаревшей восточной поговорки: “Тот, кто обучает старика, – пишет на воде. Тот, кто обучает юношу, – высекает слова на камне”. Правда, – продолжает он, – достигать значительных спортивных результатов со взрослыми людьми значительно труднее, чем с молодежью. Но одно сознание того, что, проводя занятия со взрослыми, укрепляешь их здоровье, повышаешь трудоспособность и, следовательно, создаешь условия для продления жизни, заставляет постоянно придумывать всё новые и новые формы, способствующие полноценности каждого урока».

Трудно представить, как можно было совмещать огромную спортивную нагрузку с литературной деятельностью. А работа над книгами не прекращалась. Близкие Самсона рассказывают, что он уходил из дому в девять утра и возвращался поздно вечером. В перерывах между тренировками трудился в библиотеке.

В 1951 году он выпустил еще одну книгу – «Познавательные игры (занимательная наука)». В предисловии объяснено: «Большинство игр, задач и головоломок, включенных в эту книгу, составлены автором и читателями газет “Пионерская правда”, “Комсомольская правда”, “Советский спорт”, журналов “Затейник”, “Огонек”, “Техника – молодежи”, “Семья и школа”, “Знание – сила”, “Физкультура и спорт”, “Смена”, в которых составитель книги руководил отделами игр и развлечений».

Благодаря своим организаторским способностям Глязер сумел привлечь к занятиям с фигуристами театральные постановщики, балетмейстеров, композиторов; он был участником и организатором различных фестивалей и праздников.

В 1962 году на весеннем фестивале «Танцы на льду» в Лужниках им вместе с хореографом Большого театра Борисом Хофманом были показаны два новых танца: «Джигиты» (10 участников) и «Русский танец» (16 участников). В фестивале участвовали сильнейшие фигуристы страны, в том числе Л. Белоусова и О. Протопопов. Главным судьей фестиваля, как гласили афиши, был мастер спорта Самсон Глязер.

Через несколько лет на другом большом спортивном фестивале, проходившем во Дворце спорта ЦСКА и длившемся 12 дней, композитор Е. Крылатов, балетмейстер И. Стецкий и С. Глязер показали зрителям представление «Костер дружбы» с участием фигуристов старшего возраста. Почти одновременно Глязер опубликовал «Азбуку начинающего фигуриста», популярную и поныне.

В 1975 году вышла новая книга мастера – «Ларчик с играми», совсем не похожая на предыдущие. Она тоже относится к научно-популярной литературе, она тоже о спортивных играх для детей и юношества, но об играх «неофициальных».

«Я знаю много игр, давно их собираю, – пишет Глязер в предисловии. – Игры, в которые можно играть во дворе, на спортивной площадке, в лесу, на речке, на полянке. Я записал игры ребят многих наших национальных республик, южных и северных, игры детей разных стран. Игра – это отличная и веселая спортивная тренировка. Тот, кто научится побеждать в игре, скорее других сумеет выполнить спортивные нормы». В книге описаны 200 игр разных стран и народов, приведены чертежи, расчеты, рисунки и советы, как своими силами оборудовать площадку для спорта и игры. Описания игр сопровождаются рисунками, выполненными другом автора художником А. Орловым.

Человек неумной энергии, Самсон Глязер до конца дней оставался верен пропаганде знаний и спорта. Будучи уже смертельно болен, он сокрушался, что не успел широко внедрить бальные танцы на льду и закончить начатую о них книгу. Он умер после тяжелой и продолжительной болезни в январе 1984 года в возрасте 76 лет.

Друзья не забывают Самсона. Подготовлена к печати книга «Фигурное катание на коньках в Петербурге и Москве. История становления» с фрагментами из спортивной биографии Самсона Глязера (авторы А. Мишин, Ю. Якимчук, К. Гуляев).

Следуя заветам учителя, Маргарита Стёганцева организовала ансамбль «Вдохновение»; участники его – фигуристы в возрасте от 45 до 80 лет. Несмотря на свои преклонные годы, она продолжает выступать с ансамблем в Ледовом дворце «Умка». И постоянно напоминает, что она ученица Самсона Глязера и продолжает его традиции.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2005 АВ 5765 – 9 (161)

ЖИЗНЬ, СУДЬБА, СЕМЬЯ

Маргарита Рюрикова

«Я смутно жил и неуверенно, / И говорил я о другом...» – писал некогда Илья Эренбург. Его слова могли бы повторить люди разных поколений, жившие при Сталине и советской власти.

О самом Эренбурге и о его семье рассказывает правнучка писателя Ирина Щипачева.

– Ира, ты помнишь своего прадеда?

– Мне было 12 лет, когда он умер, поэтому я его, конечно, помню. Мы с моей бабушкой Ириной Ильиничной (дочерью Эренбурга) гостили летом у него на даче, бывали в московской квартире, где он жил со своей женой – Любовью Михайловной.

Не могу сказать, что он был ко мне слишком внимателен, да и требовать этого было невозможно, поскольку он всегда был занят работой. Правда, за столом мог и поворчать, что мясо пережарено или что-то недоварено...

Но отношения у нас были замечательные, и если он встречал меня, идучи в сад (он очень любил цветы, на даче была огромная оранжерея), то всегда говорил: «Пошли со мной».

Присутствие прадеда в моей жизни подтверждают две фотографии: на одной мы в Уголке Дурова, на другой – в Шереметьево.

– Любовь Михайловна – первая жена Эренбурга?

– Нет, вторая. Первая была Екатерина Оттовна Шмидт; она была чуть старше Ильи Григорьевича. Это был недолгий гражданский брак, в результате его на свет появилась дочь Ирина. Двадцатилетний Эренбург не был приспособлен для отцовства и семейной жизни. Говоря современным языком, он тогда немного хипповал, и семья его тяготила: он был готов любить, но оказался не готов выполнять каждодневные

обязательства. И Екатерина Оттовна вскоре ушла к их общему другу – Тихону Ивановичу Сорокину. Эренбург дружил с ним всю жизнь. Сохранилось даже предание, что у них были парадные брюки одни на двоих, и они их носили по очереди. С Екатериной Оттовной прадед тоже сохранял теплые отношения, и даже дачи их стояли неподалеку друг от друга, хотя деревенскую избушку Сорокиных можно было назвать дачей с большой натяжкой, особенно если сравнивать ее с домом Эренбурга.

– А к дочери Ирине молодой отец был внимателен?

– Отцовские чувства к Ирине он питал всегда и от обязательств не отказывался. Сначала Ирина училась в Москве во французской школе, а когда ей исполнилось 12 лет, Эренбург увез ее во Францию; там она и доучивалась.

Первая книга, которую Ирина написала, называлась «Записки французской школьницы».

Пребывание во Франции определило ее профессию – Ирина стала переводчицей французской литературы. Она познакомила нас с Мальро, Гюго, Веркором и другими крупными писателями.

– Несмотря на отцовскую привязанность, не было у Ирины комплекса брошенного ребенка или счета к отцу, как это часто случается?

– Никогда! Хотя так уж сложилось, что всю жизнь отца она называла Ильей, а отчима – папой. Но тем не менее, все это знают, отца она обожала. И было за что. Он с детских лет относился к Ирине с редким уважением, и она чувствовала это всю жизнь и всю жизнь была ему за это благодарна.

Потом, рассказывали мне, их отношения стали иными, потому что Ирина жила здесь, нашей жизнью. Она ее понимала. Когда Эренбург приезжал из Мадрида и задавал вопросы, Ирина прикладывала палец к губам и говорила: «Тс-с-с...» И шепотом перечисляла: этого посадили, того расстреляли... Эренбург абстрактно кое-что понимал, но весь кошмар советской жизни ощутить не мог. Ирина стала его гидом по этой жизни. Нам казалось, что он большой ребенок, которого она опекает.

– Не могу в этой связи не спросить: существует какое-нибудь домашнее предание, объясняющее, почему в то страшное сталинское время Эренбург не только уцелел, но даже имел возможность свободно перемещаться в пространстве?

– Ирина считала, что отец слишком уж известен на Западе; его арест мог вызвать нежелательный резонанс. Хотя, может быть, дело не в этом. Жизнь Эренбурга всегда висела на волоске, но кто-то незримый его хранил. Об этом, кстати говоря, немало написано. Вот, например, перед арестом членов Еврейского антифашистского комитета Абакумов представил Сталину список, где рядом с каждой фамилией собственной рукой ставил две буквы: «ар» (арестовать). А возле фамилии Эренбурга поставил какую-то закорючку, похожую на вопросительный знак. И Эренбург остался цел. Жизнь его действительно висела на волоске, но все знали, что только сам Хозяин может ею распорядиться.

И когда на каком-то большом собрании некий функционер по фамилии Головченко произнес: «Хочу сообщить вам радостную весть – космополит номер один, Илья Эренбург, арестован!» – тот тут же слетел с должности, ибо даже говорить на эту тему было не его ума дело.

При Сталине Эренбургу, конечно, угрожала смерть, но все главные неприятности начались при Хрущеве, после печально известной выставки в Манеже. Хрущев ополчился на Фалька, а прадед мой пытался ему объяснить, какой это выдающийся художник. Ему устроили, что называется, разгром – как в устной форме, так и в печати. На нервной почве Илья Григорьевич несколько дней не мог ничего есть, хотя жизнь его тогда, конечно, была вне опасности.

– Ирине, наверное, приходилось выслушивать об отце нелюбезные суждения. Как она реагировала?

– Она была очень терпима и делала вид, что всё понимает и отчасти разделяет. Но ей это было весьма неприятно.

– А как сложилась личная жизнь Ирины Ильиничны?

– Очень и очень нелегко. Незадолго до войны она вышла замуж за Бориса Лапина – журналиста, прозаика, поэта. Это был счастливый брак; Борис Лапин так навсегда и остался ее единственной любовью.

В 1941 году он и его близкий друг и соавтор Захар Хацревин поехали корреспондентами в Киев и там попали «в котел». Понятно было, что надо срочно выбираться. Хацревин страдал эпилепсией. Но он скрывал это даже от Лапина.

По одной из версий, у Хацревина случился приступ; кто-то видел, как он лежал на дороге. Над ним склонился Лапин, и Хацревин просил его: «Уходи... Оставь меня». Но Лапин не мог бросить друга, и оба погибли.

Ирина долго не могла смириться с его смертью, и ей – она мне об этом говорила – часто снилось, будто Лапин вернулся. Она была однолюбкой. Хотя, может, у нее и были романы... Не знаю... Однако для себя она твердо решила, что замуж больше не выйдет.

– Но раз ты появилась на свет, значит, кто-то отвлек Ирину от горя?

– Это сделал Илья Григорьевич. Он привез с войны девочку Фаню, на глазах у которой в Виннице немцы расстреляли родителей и сестер. Старшие же братья служили в польской армии. Фаню успел спрятать какой-то старик, но так как это было связано с большим риском, он велел ей: «Беги, ищи партизан». И Фаня побежала.

Эту девочку Эренбург привез в Москву именно в надежде отвлечь Ирину от горя. И она удочерила Фаню. Поначалу всё было довольно сложно, поскольку девочка плохо говорила по-русски. Изъяснялась на какой-то чудовищной смеси языков. Но потом русским быстро овладела и даже стала отличницей.

– Фаня считала Ирину Григорьевну мамой?

– Не знаю. Но звала она ее Ириной. Однако, когда после войны нашлись братья и один из них приехал, чтобы забрать ее в Израиль, Фаня спросила у Ирины и спросила: «Что мне делать?» Ирина ответила: «Думай сама». Фаня куда-то надолго ушла, а когда вернулась, сказала: «Я остаюсь».

Это решение о многом говорит. Правда, спустя много лет, она всё-таки уехала к братьям.

– Тебя называли Ириной... Это тоже что-то значит. А о чем говорит твоя литературная фамилия – Щипачева?

– Ирина с Фаней жили в Лаврушинском; там же жил и поэт Степан Щипачев с сыном Виктором. С Виктором Фаня познакомилась еще в писательском пионерлагере; полудетский роман продолжился в Москве и завершился браком. Мама поступила на филфак в МГУ, но быстро поняла, что это не ее, и, поступив в медицинский, стала врачом. Брак продлился недолго – три года. Но я всё-таки успела родиться.

– Вырастила тебя Ирина Ильинична. Это было общее решение?

– Сначала мы жили все вместе – я, мама и бабушка – на улице Карла Маркса. Потом появился мамин второй муж, и у меня, пятилетней, с этим чужим дядей сложились плохие отношения. Но мы жили по-прежнему с мамой, пока бабушка не купила кооперативную квартиру у метро «Аэропорт». Мне тогда было уже 12 лет, и я имела право выбирать, с кем жить. Я выбрала бабушку и с радостью переехала к «Аэропорту». Наверное, маме это не пришлось по душе. Отношения стали натянутыми; такая, знаете ли, необъявленная война. И длилось она довольно долго. Потом появился третий мамин муж, и вот с ним и у меня, и у бабушки

были нормальные человеческие отношения – я уже сильно повзрослела, да и бабушка с возрастом стала терпимей.

– А с отцом ты поддерживала связь?

– Мы с ним всю жизнь прекрасно относились друг к другу. И тоже благодаря бабушке. Моя сводная сестра по отцу – мы-то сами считаем себя родными сестрами – привезла из Одессы архив, где хранились мои письма из детского сада, из Коктебеля. Бабушка аккуратно пересылала их отцу с приписками (надо сказать, что мать некоторое время запрещала мне общаться с папой): «Витя, детский сад уезжает восьмого, у вас последняя возможность увидеться с Иришкой...» Одним словом, «роман» с папой устраивала бабушка. У нее и с его родней тоже всегда были очень хорошие отношения.

– Твоим воспитанием бабушка занималась вплотную? Наставляла, давила?

– Никогда. Но к желаниям внучки прислушивалась. И когда я захотела рисовать, тут же устроила меня в Студию Бориса Биргера.

– Ну, если не давила, то наверняка влияла на твое становление?

– Конечно. Мое отношение к жизни, к людям, принципы – всё от бабушки. А художником я не могла не стать, потому что росла в этой атмосфере (показывает рукой на стены, где висят Шагал, Пикассо, Фальк... – М. Р.).

– Это наследство Ильи Григорьевича?

– Да, это его собрание картин. Их ему дарили сами художники. Он редко что-то покупал сам.

Но с наследством была большая морока. Когда Эренбург умер, Ирина Ильинична на словах договорилась с Любовью Михайловной о том, что, пока та жива, всё останется как есть. Никаких документов, подтверждающих, что Ирина – дочь Эренбурга, при этом не было. Послали запрос в Ниццу, где родилась Ирина, и оттуда пришло письмо, подтверждающее, что действительно такого-то числа и месяца Екатерина Шмидт родила дочь Ирину. А об отце ни слова. Но нотариус, умная женщина, прочитав мемуары Эренбурга, сказала: «Вот ваш документ».

Договоренность о наследстве, однако, так и осталась только на словах, и, когда Любовь Михайловна умерла, она всё оставила брату – режиссеру Григорию Козинцеву. Он приехал за вещами. Но тут возник вариант: сделать квартиру музеем Эренбурга, если Ирина сдаст свое жилье на «Аэропорте». Ирина отказалась: «Я не могу жить на кладбище». Тогда Козинцев, как настоящий джентльмен, предложил ей взять всё, что она хочет. И бабушка набралась смелости: «Я бы хотела сохранить кабинет Эренбурга». Таким образом, и библиотека, и мебель переехали на «Аэропорт», целиком заняв жизненное пространство и оттеснив бабушку на тахту, где она и уютилась всю жизнь.

Самое печальное: Козинцев вскоре умер, и литературное наследство Эренбурга частично попало в чужие руки.

– Ну а твои, уже взрослые, дети интересуются Эренбургом?

– Они, конечно, его читали, но далеко не всего... Нет, такого интереса к Эренбургу, как у моего поколения и у предыдущего, у них, к сожалению не возникло. Сейчас ведь и в литературе другие «песни о главном».

СТО ТЫСЯЧ ГОРОЖАН

КАК И КОГДА ПОЯВИЛИСЬ ЕВРЕИ В АРМЕНИИ

Георгий Кубатьян

Евреи живут в Армении свыше двух тысяч лет. Звучит, спору нет, эффектно, хотя две здешние общины, светская и религиозная, насчитывают от силы человек шестьсот или семьсот. Однако ж из песни слова не выкинешь.

Два тысячелетия – срок столь огромный, что впору засомневаться: чем обосновано громкое заявление и обосновано ли вообще? Покоится ли оно на достоверных источниках или исходит из устной традиции? К примеру, распространена версия, будто в соседней Грузии евреи появились гораздо раньше, две тысячи шестьсот лет назад. Однако датировка носит условный характер и доказывается (вернее, навязывается) лишь умозрительными построениями да предположениями. Какие-либо письменные свидетельства на этот счет отсутствуют.

О том, как образовались еврейские колонии в нашей стране, повествует «История Армении» Мовсеса Хоренаци (Моисея Хоренского). Мне сразу же возразят: писатель жил в V веке, стало быть, отделен от излагаемых им событий бездной времен. Его фактография напоена народными преданиями, в которых, как известно, эпохи частенько смещаются, а совершенно разные происшествия и персонажи смешиваются воедино. Где же достоверность? И тем не менее...

Мовсес Хоренаци был не летописцем, а подлинным историком. Он утверждал только то, что представлялось ему бесспорной истиной. Он искал и добывал источники, до нас не дошедшие. Он откровенно досадовал на предков, оставивших ему лишь убогие – малочисленные, путаные – свидетельства своих деяний. Он анализировал иноязычных авторов и сопоставлял их показания. Да, случалось, он черпал сведения из преданий, но везде, где возможно, сверял фольклорные данные с данными книг[1]. (Одна из них – «Иудейская война» Иосифа Флавия.) Это чрезвычайно важно. То, что сообщено Мовсесом Хоренаци, нередко подтверждается, напрямую или косвенно, латинскими и греческими памятниками. Словом, у нас нет оснований воспринимать его труд как собрание занятых небылиц. Это в высшей степени авторитетный документ.

Согласно Мовсесу Хоренаци, поселил евреев в Армении царь Тигран II Великий, правивший в 95–55 годах до новой эры, причем сделал это в два приема.

Вот что рассказывает Мовсес в главе «О строительстве храмов и походе в Палестину»: Тигран «направляется в Палестину, чтобы отомстить за преступления против своего отца. Он забирает много пленных иудеев и приступает к осаде города Птолемаиды» (не претендуя на строгую научность, я привожу цитаты с сокращениями). Птолемаида располагалась южнее Тира, на берегу Средиземного моря. Тигран, обратите внимание, пленил иудеев еще до того, как приблизился к ней. А поскольку шел он с севера, то, стало быть, его пленники жили в тогдашней Сирии. Запомним это.

Далее читаем: «Армянский царь поселяет пленных иудеев в Армавире[2] и в аване (селении. – Г. К.) Вардгеса, что на реке Касах». Еще ниже, вкратце рассказав об этом поселке, Мовсес повторяет: «Тигран же поселил в нем половину иудеев первого пленения, и стал этот аван городским поселением с торжищем».

Что касается второго пленения, то, согласно Мовсесу Хоренаци, армяне вмешались в междоусобные распри двух претендентов на иудейский престол – Антигона и Гиркана. «Армянские войска при помощи сторонников Антигона вступили в Иерусалим и, никому не нанося ущерба, захватили лишь имущество Гиркана... Совершая набеги на окрестные области, они грабили сторонников Гиркана. Взяли в плен жителей города Марисы, поставили царем Антигона, а Гиркана в путях вместе с пленниками повели к Тиграну. Тигран же приказал поселить пленных иудеев в городе Шамирам», то есть в Ване. (Шамирам – армянское имя царицы

Семирамиды.) Поскольку известно, что Гиркан лишился престола в 40 году до н. э., легко сделать вывод об ошибке Мовсеса: вторая часть иудеев была переселена в Армению не Тиграном, а его сыном Артаваздом II, который царствовал в 55–34 годах.

Между прочим, это существенно. Коль скоро сын вслед за отцом уводил иноземцев на родину, мы, стало быть, имеем дело не со случайной акцией, но с последовательной политикой. Тигран и Артавазд усиленно развивали в Армении города; городам же требовались горожане – люди с навыком именно городской жизни.

Много ли евреев осело в Армении? Разобраться с этим помогает «История Армении» другого писателя V века Фавстоса (Фауста) Бузанда. Повествуя о нашествии персов во второй половине IV века н. э., Фавстос почти всякий раз указывает число армянских и еврейских семей, угнанных в плен из того либо иного города. Городов упомянуто восемь, и в шести из них имелись евреи. Скажем, из Ервандашата персы вывели 20 тыс. армянских семей и 30 тыс. еврейских, из Вана – 5 тыс. армянских и 18 тыс. еврейских, из Нахичевана – 2 тыс. армянских и 16 тыс. еврейских. Ученые, правда, полагают, что и процент евреев, и общее число угнанных (около миллиона) сильно завышены. Исходя из примерных данных о населении тогдашних крупных армянских городов, они заключают, что в ту пору в Армении жило несколько десятков (очень возможно, до ста) тысяч евреев. Как бы то ни было, в шести городах население по меньшей мере наполовину состояло из евреев. Интересно, что при ряде разночтений Фавстос и Мовсес излагают одни и те же сведения. Мовсес уже цитировался, теперь очередь за Фавстосом: «Всё это множество евреев, которое увели <персы> в плен из Армянской страны, великий царь Тигран привел из Палестинской страны в древние времена... Великий царь Тигран всех этих евреев в свое время поселил в городах Армении».

Ассимилировались они или нет?

Рассказывая о том же, что и Фавстос, – о нашествии персов на Армению, – Мовсес пишет о приказе персидского шаха «увести в плен иудеев, тех, которые были приведены <в Армению> в дни Тиграна и жили в Ване, оставаясь при своей вере (выделено мною. – Г. К.). Увели в плен также тех иудеев, живших в Арташате и Валаршапате, которые в дни святого Григора и Трдата[3] уверовали во Христа». Таким образом, евреи родом из Иудеи не поддались ассимиляции, тогда как их соотечественники, жившие прежде в Сирии, то есть уже в значительной мере эллинизированные, легче приняли местные порядки, а затем вместе с коренным населением обратились в христианство. При всем том автор отделяет их от армян, а вот о греках и сирийцах – ими Тигран и Артавазд тоже заселяли свои города – Мовсес даже не вспоминает. Их уже не было. Смешавшись с армянами, они, должно быть, ассимилировались и ничем уже не выделялись.

Между прочим, одному из исследователей этого вопроса, ныне покойному Гагику Саркисяну, академик Иосиф Орбели поведал интересную деталь. Еще в начале XX века крестьяне из сел и деревень, окружавших Ван, видели в жителях города евреев, переселенных в Армению Тиграном Великим[4]. И до сих пор иногда доводится слышать, будто ванцы (выходцы из этого города дали армянской культуре, науке и политике много значительных имен) – потомки евреев. Это, может быть, и забавно, но характерно. Национальная память искажает и преобразует реальность, однако же сохраняет ее существенные черты.

Прижились ли евреи в Армении? Трудный вопрос, ибо сколько-нибудь объективных данных об этом нет. Имеет смысл обратить внимание на интонацию двух древних историков; в их рассказе при всем желании не расслышать оттенка недоброжелательства или враждебности. Случайно ли в одном из романов Л. Фейхтвангера об Иосифе Флавии возник эпизод, который я перескажу, не заглядывая в книгу. Рим объявляет Армении войну. Все кругом об этом лишь и толкуют. Иосифа, с головой погруженного в еврейские проблемы, новость нимало не занимает, и на вопрос о его к ней отношении он невпопад отвечает: «Армения? Что Армения? Евреям там живется хорошо».

Такой же вывод следует из исторического романа «Самвел» классика армянской литературы Раффи. В нем изображены перипетии IV века, в частности персидское нашествие. Целая глава романа посвящена угоняемым из Армении в Иран евреям. Она написана с симпатией, сочувствием и проникновенностью. Симпатией и сочувствием пронизана также «История евреев, проживавших в городе

Исфахане, а также и других евреев, которые проживали под владычеством персидских царей» писателя Аракела Даврижеци (XVIII век). Похоже, живописуя страдания товарищей по несчастью, какими выглядят у него евреи, автор держал в уме пассажи Фавстоса Бузанда и Мовсеса Хоренаци.

Что часть евреев, успевших достичь в Армении высокого положения, осталась верна религии своих предков, подтверждается рассказом Мовсеса Хоренаци о крупном сановнике Енане. Тому в языческие времена было предъявлено «окончательное требование: либо полностью отречься от иудейской веры, поклоняться солнцу и почитать идолы царя, взамен чего царь вернет ему прежнюю власть», либо погибнуть.

К слову сказать, этот Енан происходил из рода Багратуни, давшего впоследствии две царские династии – армянскую и грузинскую. Вот что сказано у Хоренаци о происхождении этого княжеского, а затем и царского рода: дескать, при мифическом царе Храчия «жил Навуходonosор, царь Вавилона, уведший в плен иудеев. И он (Храчия. – Г. К.), говорят, выпросил у Навуходonosора одного из пленных иудейских вождей, по имени Шамбат, привел его и поселил в нашей стране с большими почестями. Летописец утверждает, что именно от него происходит род Багратуни, и это правда». Заметно, как гордились армянские Багратиды своим еврейским якобы происхождением.

Далее Мовсес рассказывает, «каких усилий стоило нашим царям склонить их (то есть Багратидов, потомков Шамбата) к идолопоклонству и сколько из них поплатились жизнью за Б-гопочитание». «Узнай, – обращается Хоренаци к своему покровителю, – что твое имя Смбат, которым Багратуни часто нарекают своих сыновей; это по-настоящему, на их прежнем, то есть иудейском, языке – Шамбат». Не знаю, есть ли у евреев имя Шамбат, а вот имя Смбат и производная от него фамилия Смбатьян и донныне распространены среди армян.

Остается добавить, что сведения, сообщенные Фавстосом Бузандом, объясняют, отчего в Армении не осталось евреев. Их едва ли не поголовно переселили в Иран. А впрочем... Несколько лет назад в области Вайоц-дзор (она лежит километрах в ста к юго-востоку от Еревана) обнаружено еврейское кладбище XIII века. Это открытие способно перевернуть устоявшиеся представления. В раскопках активно участвуют израильские специалисты...

[1] Впрочем, если чужеземный источник откровенно противоречил устной национальной традиции, Мовсес отдавал предпочтение последней.

[2] Имеется в виду город, одно время бывший столицей Армении, ныне областной центр. Не путать с одноименным городом в Краснодарском крае, основанным армянскими переселенцами в XVIII веке.

[3] Имеются в виду Григорий Просветитель и царь Трдат, в самом начале IV века провозгласившие христианство в Армении официальной религией; традиционная дата крещения страны – 301 год.

[4] Г. Х. Саркисян. Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. М., 1960. С. 57.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2005 АВ 5765 – 9 (161)

РАЗГОВОРЫ В «ДАЛЬНИХ КОМНАТАХ»

Бенедикт Сарнов

В предыдущем отрывке я так подробно рассказал о странных разговорах, которые время от времени заводил со мной Евгений Иванович Осетров, не просто потому, что разговоры эти сами по себе показались мне весьма любопытными.

После нашего визита к Маршаку я уже не сомневался, что разговоры эти отражали не только личные настроения впечатлительного Евгения Ивановича, а выношенные, не раз уже высказывавшиеся настроения (мнения) некоего КРУГА, к которому Евгений Иванович Осетров принадлежал. Ну а каков он был, этот его круг, я представлял себе совершенно ясно.

У меня и раньше не было ни малейших сомнений в том, что, помимо КПСС, Евгений Иванович состоит еще и в другой – так называемой РУССКОЙ ПАРТИИ. А теперь, после этого последнего разговора, мелькнула мысль, что в ТОЙ партийной номенклатуре он – кто знает? – занимает, может быть, куда более высокую должность, чем в официальной, цековской.

Раскрыв эту книгу и заглянув в именной указатель, я сразу нашел там не только Е. Осетрова, но и С. Маршака.

Так, может быть, и знакомство с Маршаком понадобилось ему совсем не по «литгазетским», служебным его делам, а совсем с иной, тайной – и более важной – целью?

Уж не собираются ли они предложить Самуилу Яковлевичу в каком-то там своем «теневом кабинете» портфель, скажем, министра культуры (как некогда это, кажется, было с академиком Тарле, которому какие-то заговорщики предназначали портфель министра иностранных дел)? Это было бы очень даже неглупо. Помимо всего прочего, сняло бы с них подозрения в неофашистской природе той власти, которую они готовят на смену родной нашей советской.

Это последнее мое предположение было, конечно, чистым бредом. Да и высказал я его (самому себе), так сказать, «в тоне юмора», как этакую саркастическую небывальщину.

Но насчет принадлежности Евгения Ивановича к «русской партии» и роли, которую он там играл, я, кажется, не ошибся.

Совсем недавно попалась мне в руки книга (увесистый том, 600 с лишним страниц), которая так прямо и называется: «Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985».

Заглянув в именной указатель, я сразу обнаружил там Е. И. Осетрова и, раскрыв обозначенные там страницы, узнал, к какому именно отряду этого «движения» он принадлежал. Автор этой книги (Николай Митрохин) уверенно причислил Евгения Ивановича к генерации новых русских националистов, отличающихся от «красных» патриотов-антисемитов (Шолохова, Бубеннова, Софронова) большей политической определенностью и откровенностью своих националистических взглядов.

В списке, в который попал мой Евгений Иванович, я нашел людей известных, многие из которых были не только давними моими знакомыми, но и однокашниками по Литинституту: Михаил Алексеев, Юрий Бондарев, Сергей Викулов, Владимир Бушин, Михаил Годенко, Егор Исаев, Игорь Кобзев, Михаил Лобанов, Алексей Марков, Владимир Солоухин, Иван Стаднюк, Иван Шевцов... Называю только самых известных.

Е. И. Осетров в этом списке оказался между двумя едва ли не самыми одиозными фигурами – Алексеем Марковым (между собой мы – не без иронии – называли его Марков Второй) и Владимиром Солоухиным.

А несколькими страницами ниже Евгений Иванович обозначен уже как «активист движения русских националистов», и сказано о нем там следующее:

Е. Осетров был одним из немногих русских националистов, кто позиционировал себя в этом качестве четко и открыто. Даже в подготовленной КГБ справке о настроениях в писательской среде он сам характеризует себя как «славянофила».

Николай Митрохин. Русская партия. М., 2003. С. 162.)

А листая эту замечательную книгу дальше, я вскоре обнаружил в ней и фамилию Маршака. Правда, уже в несколько ином контексте:

О Родина, и боль моя, и грусть,

Гляди, опять без тени благородства

Сжигает всё, чем ты дышала, Русь,

Слепое сионистское уродство.

Я в их глазах пустыню узнаю,

Тоску тысячелетних фараонов,

*Я ненавижу их, как смерть свою,
Идущую вне рамок и законов.
Они, они, трибуны полоня,
На языке картавом и кургузом,
Рассорили с украинцем меня,
С грузином пылким, с тихим белорусом.
Я весь, от шляпы и до башмака,
В руках у них, я ими аттестован
Бездарность Самуила Маршака
Превозносит над гением Толстого.*

В списке видных членов русской партии» я нашел людей, хорошо мне известных, многие из которых были не только давними моими знакомыми, но и однокашниками по Литинституту.

Стихотворение это сочинил челябинский поэт В. Сорокин. Сочинил в 1963 году, то есть как раз тогда, когда Евгений Иванович попросил меня познакомить его с Самуилом Яковлевичем. (Пять лет спустя этот В. Сорокин жил уже в Москве и занимал пост главного редактора издательства «Современник».)

Вряд ли он знал, что Самуил Маршак в юности увлекался идеями сионизма и писал сионистские стихи. (В эту, самую дальнюю свою, «комнату» С. Я. ни разу не пустил даже меня. Об этих его юношеских, а может быть, и потом не вовсе исчезнувших настроениях я узнал уже после его смерти.)

Скорее всего, Сорокин стрелял, что называется, наугад, навскидку: слово «сионист», как за пятнадцать лет до того слово «космополит», было тогда эвфемизмом, замещающим обозначение «лица еврейской национальности».

Знал ли Евгений Иванович эти стихи?

Не исключаю, что и не знал. Но о таких настроениях своих коллег и однопартийцев не зная, разумеется, не мог. В своем кругу они не стеснялись.

Так что по поводу желания Е. И. Осетрова познакомиться с С. Я. Маршаком можно высказать два предположения.

Либо Евгений Иванович принадлежал к другому, более либеральному крылу «русской партии», нежели его коллега В. Сорокин, либо он хотел вблизи посмотреть на «внутреннего врага», поглядеть, так сказать, ему в глаза.

После этого нашего визита к Маршаку мне – да и Евгению Ивановичу тоже – работать в «Литературной газете» оставалось уже недолго, так что пути наши вскоре разошлись. Позже я не раз встречался с ним в редакции журнала «Вопросы литературы», где мне иногда случалось печататься и куда партия (думаю, что обе: и КПСС, и та, другая) бросила его на должность заместителя главного редактора. Но о Маршаке мы с ним никогда больше не говорили.

Имело ли продолжение это их, при мне и не без моего участия завязавшееся знакомство? Случилось ли Евгению Ивановичу еще хоть раз побывать в «квартире» Маршака? И пустил ли его – хоть однажды – Самуил Яковлевич дальше своей «парадной гостиной»?

Этого я не знаю.

О том, какие разговоры велись в других «комнатах» «квартиры Маршака», более или менее удаленных от его «парадной гостиной», я кое-что уже рассказал. Но – далеко не всё. Да и то небольшое, о чем упомянул, тоже нуждается в некоторых разъяснениях, а иногда и в расшифровке.

Взять хоть вот эту насмешливую его реплику о песне Исаковского «Летят перелетные птицы...». По тем временам она была совсем не безобидной. Назвать эту любимую народом песню «Песней домашнего гуся» – это по тем временам было даже рискованнее, чем позволить себе какой-нибудь откровенный выпад против «Софьи Власьевны», как все мы тогда меж собой именовали осточертевшую нам советскую власть.

Отношение С. Я. к «Софье Власьевне» было вполне однозначным. Это не обсуждалось, но подразумевалось как нечто безусловное. Однажды, правда, он высказался на эту тему впрямую.

Это было в день смерти Тамары Григорьевны Габбе. Или на другой день после известия о ее смерти, сейчас уже не помню. Помню только, что говорить в тот день он мог только о ней.

Тамара Григорьевна была последней его любовью – во всех, в том числе и в главном, смыслах этого слова. И весь вечер он говорил о том, какая это была замечательная женщина: умная, талантливая, обаятельная. Каким изящным, грациозным было ее художественное дарование. Каким тонким было ее чувство стиля, каким безукоризненным – ее литературный вкус. И тут – в этом его панегирическом монологе – вдруг мелькнуло:

– Вы знаете, голубчик, и в политике она была гораздо умнее меня. У меня порой еще бывали кое-какие иллюзии. У нее – никаких. Никогда.

В те времена такой свободный разговор о священных коровах социализма уже не был чем-то из ряда вон выходящим, даже меж людьми не очень близкими. Не только о Сталине, но даже о Ленине или Марксе то и дело можно было услышать анекдот – вроде, например, такого:

– Мама, кто такой Карл Маркс?

– Экономист.

– Как тетя Рая?

– Ты сошел с ума! Тетя Рая – старший экономист.

Или еще того похлеще:

– Мама, Маркс был ученый?

– Был бы ученый, сперва попробовал бы на собаках.

Но С. Я. и тут переходил «границы дозволенного».

Вот, например, такой случай.

Пришел я к нему однажды и вижу: лежит у него на столе удивительно мне знакомая толстая папка. И тут же оказалось, что не только папка, но и содержимое ее было мне хорошо знакомо. Заметив задержавшийся на ней мой любопытный взгляд, С. Я. сказал:

– Это рукопись книги некоего Аркадия Белинкова. Вы с ним знакомы?

Я сказал, что да, конечно, знаком.

– И рукопись, наверно, читали?

Я подтвердил, что да, конечно, читал.

– Ну, и что вы о ней думаете?

Вопросом этим я был, признаться, несколько смущен.

Рукопись книги Аркадия об Олеше я читал не раз, и на разных этапах, и мы с Аркадием много о ней спорили.

По мысли Аркадия, эта его книга должна была стать одной из трех частей задуманной им трилогии.

Героем первого тома по этому его замыслу должен был стать писатель честный, но не входящий в конфронтацию с режимом, лояльный. Таким в его представлении был Тынянов. Героем второй – писатель сдавшийся, пошедший на службу, старающийся услужить, вписаться в законопослушную советскую литературу. Эта роль предназначалась Олеше. Героем третьего тома (так им, увы, и не написанного) должен был стать писатель, сумевший остаться самим собой, выстоять в жестком противостоянии с тоталитарным режимом. (На эту роль Аркадий прочил то Ахматову, то как раз в то время упавшего на нас, «как огонь с неба», Солженицына.)

Прочитав рукописный вариант уже написанного им вчерне второго тома («Сдача и гибель советского интеллигента»), я сказал Аркадию, что Олеша на эту предназначенную ему роль совершенно не годится. Он, может быть, и хотел вписаться в официальную советскую литературу, но не смог. Ничего у него из этого не вышло. Вы, говорил я, Олешу клеймите, разоблачаете, а он заслуживает скорее жалости: сломленный человек, раздавленный молотом тоталитаризма. И не случайно ведь, что, в отличие от многих других своих собратьев по перу – Катаева, Федина, Эренбурга, – он так и не смог вписаться в официозную советскую литературу, найти там свое место.

Я знал, что в последнее время Аркадий, отчаявшись эту свою книгу напечатать, стал давать ее читать не только друзьям-приятелям из числа своих сверстников, но и писателям старшего поколения. В том числе ближайшим друзьям покойного Юрия Карловича: Льву Славину, Виктору Борисовичу Шкловскому.

Вот, стало быть, теперь эта его рукопись дошла и до Маршака.

Ответить на прямой вопрос Самуила Яковлевича («Ну, и что вы про нее думаете?») мне было нелегко, потому что «продавать» Аркадия (то есть выносить на суд все наши с ним вечные споры) мне не хотелось. Но и не сказать о своем неоднозначном отношении к этому Аркадиеву сочинению я тоже не мог. Поэтому я стал что-то мямлить: да, мол, книга, конечно, очень талантливая, но к несчастному Олеше автор всё-таки несправедлив...

– Голубчик, при чем тут Олеша? – вдруг прервал меня С. Я.

А. Белинков... «Голубчик! – сказал мне о нем Маршак. – Это же Герцен!»

Выхватив из папки, чуть ли не наугад, несколько листов, он, захлебываясь, стал читать:

– «Андрей Петрович Бабичев, обладающий колбасой, трубами и громадной бесконтрольной властью, плюет на ветвь, полную цветов и листьев... Не потому, что он администратор или техник, не любящий поэзию, но потому, что он не любит ТАКУЮ поэзию. Эти люди любят совсем другую: хрустальные люстры и сливочные торты... Они требуют колонн, памятников, фонтанов, красивых (лучше полных) женщин, станций метро из сплошного мрамора, победителей на коне, сытной еды и глубокого уважения. Им нужно, чтобы всё было, как в лучших домах, чтобы было солидно, прочно, богато и хорошо поставлено на великое историческое прошлое. Ну, как в доброе старое время. Они отбрасывают современников эпохе – предшественнице революции. Пройдет несколько лет, и они не на живот, а на смерть начнут тяжелую, изнурительную борьбу за бороду, зипун и охабень. Пройдет несколько лет, и этот герой, эта машина, этот мерзавец, перерожденец,

термидорианец, предатель, убийца создаст ситуацию и идеал, которые разовьют лучшие идеи концепции и в более полном и усовершенствованном виде станут называться “культом личности” – ничтожными словами, лишь краешком сопровождающимися с невиданным в истории мира уничтожением людей, идей, чести, нравственности, жизни на земле...»

Воспользовавшись тем, что Самуилу Яковлевичу не хватило дыхания, я попытался вставить несколько слов в том смысле, что да, конечно, пишет Аркадий прекрасно, но я, мол, имел в виду совсем другое...

Но С. Я. не дал мне себя прервать.

– Дальше, дальше, слушайте дальше, голубчик!..

И, перелистнув страницу, он продолжил чтение Аркадиева текста:

– «Бесхитrostное соединение любви к родине с доброй традицией казалось необыкновенно привлекательным и выглядело так:

“Но вот и пехота и рабочие батальоны прошли, стих оркестр, а сердце сильнее забилося... Тра-тра-та-та-та... – Это наш старый, знакомый кавалерийский сигнал „Рысь!“ Неужели появившаяся у Исторического музея конница перейдет в рысь?”

Перешла, и глаза впиваются в прекрасных коней, в отличную посадку комсостава.

На рысях же проходит и артиллерия в конных запряжках: первая батарея на рыжих. „Неужели вторая пройдет на вороных? Так и есть. А третья – на гнедых? Быть не может!“ – думаю я. И радостно становится, что русские военные традиции сохранены...

...и хочется снять шляпу не только перед знаменами, заслуженными в боях, но и перед рабочими и техниками, превратившими мою родину из кабальной – в могучую, гордую, независимую от заграницы страну...”

Так пишет вернувшийся на родину патриот сначала своей монархической, потом своей социалистической родины, сначала императорский военный агент, потом советский член Союза писателей товарищ граф Алексей Алексей Игнатьев...»

Я хорошо помнил эту цитату из книги А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю», блестяще иллюстрирующую любимую Аркадиеву мысль о перерождении, о термидоре (слово «термидор» было в яростных монологах Аркадия чуть не каждым вторым), и, вероятно, мимикой как-то на нее прореагировал, потому что С. Я. тут же предостерегающе поднял руку, давая понять, что и тут еще не позволит мне себя остановить.

– «Рысью прошли рыжие, – захлебываясь, продолжал он, – потом вороные, гнедые. Пронесся автомобиль Андрея Петровича Бабичева.

А за восемьдесят лет до него на одной из важнейших страниц русской литературы пронесся другой транспорт.

Это была незабываемая птица-тройка.

Она неслась, оставляя за собой все народы и государства.

Она безудержно и неотвратно стремилась в будущее.

Тройка была заложена в бричку, а в бричку заложен Павел Иванович Чичиков.

Можно предположить, что тройка неслась так быстро, что исследователи просто не успели заметить это решающее обстоятельство.

Оно всё еще ждет своего внимательного исследователя...

Но мы ведь знаем, что тройка летела не сама, а везла именно Павла Ивановича Чичикова.

Когда приехали, Павел Иванович вылез из брички и огляделся по сторонам. Глаз у него был опытный, нос острый, а ум быстрый.

– Ничего, – сказал Павел Иванович, окинув опытным глазом, – ничего-о. И добавил: – То есть в том именно смысле, что ничего особенного не изменилось. – И повел налево-направо носом острым и чутким. – Дороги не в пример лучше стали. Особенно стратегические. И жандарм будто крупнее из себя нынче, – отметил он. – А как по части мертвых? – с быстротой молнии пронеслась мысль в его мозгу. – Больше их против Венгерской, тьфу, прости Г-споди, Турецкой 1828–1829 гг. кампании? Или после прошлогоднего недороду-то и других целительных забот и мероприятий? – Оценив прибыль целительных забот и мероприятий, Павел Иванович понял, что не ошибся дорогой, и велел Селифану распрягать...»

Переведя дыхание и уложив вынутые страницы назад, в папку, С. Я. заключил:

– Вот... А вы – про то, что Олешу несправедливо обидели... Какой Олеша?.. При чем тут Олеша?.. Голубчик! Ведь это же Герцен!

Я был приятно поражен тем, что мой друг Аркадий был вознесен на такой высокий пьедестал. Но, по правде сказать, гораздо больше, чем такая высокая оценка литературных достоинств его сочинения, поразило меня то, что С. Я. не скрыл, что полностью разделяет не только идеи только что прочитанного отрывка, но и весь его накал, весь его саркастический пафос.

Нет, отношение С. Я. к тому, что Аркадий именовал перерождением и термидором, меня не удивило. Я знал, что оно – это отношение – иным быть и не могло.

Удивила меня его солидарность с глумливым тоном Аркадия по отношению к гоголевской птице-тройке. Ведь что ни говори, а эта тройка – кто бы там в ней ни сидел – символ самой России! А глумиться над Россией – это было не в его, не в маршаковском духе.

Но разве не то же глумление, что в ядовитых словах Аркадия про «победоносную борьбу за бороду, зипун и охабень», слышится и в насмешливой реплике С. Я. о «песне домашнего гуся»?

Тут еще надо помнить, какая погода стояла тогда на дворе.

Это было время, когда недавно вменяемая всем нам в обязанность необходимость поминутно заявлять о своей вере в идеалы коммунизма уже окончательно сменилась другой. Взамен этого теперь надо было застенчиво признаваться в своей любви к Родине, в невозможности жить без нее, вдали от нее.

И вдруг – такая злая насмешка над этим священным для каждого, уже даже не советского, а просто русского человека правом сказать вслух, что не нужен ему ни берег Турецкий, ни Африка, ни даже никакой Париж или Лондон, а нужна одна только его любимая Россия.

Помню, как раз в это самое время чуть ли не впервые в жизни на две недели отправился в давно чаемую им, но ранее не достижимую для него заграничную поездку – во Францию, в Париж, – один мой любимый писатель. И не успел он вернуться, как тут же в «Известиях» появилась его статья – что-то вроде путевых заметок, где подробно, с большим нажимом говорилось о том, как, едва только «за холмом» скрылась родная земля, он с мучительной нежностью испытал тоску по ней. И не раз еще повторял он на протяжении всей этой – не такой уж и большой – газетной статьи, как неудобно ему было в той холодной чужой загранице, как тосковал он там по Москве, по Тарусе, по любимой своей Мещёре.

Своим удивлением по этому поводу – не скрою, слегка даже раздраженным – я поделился с Самуилом Яковлевичем, который – я знал – этого любимого мною писателя тоже высоко читил.

– Ну да, – насмешливо кивнул он. – Всю жизнь просидел в тюрьме, на пять минут его выпустили на волю, и он сразу затосковал по любимой камере.

Но эта рожденная Маршаком ироническая фраза – «Песня домашнего гуся» – в его устах несла в себе еще и другой, пожалуй, даже более глубокий смысл.

Поэтическая формула Исаковского – «Не нужно мне солнце чужое, чужая земля не нужна» – помимо всего прочего, отталкивала его еще тем, что он воспринял ее – и не без некоторых к тому оснований – как декларацию некоего культурного, духовного изоляционизма.

Русскую литературу он любил не просто сыновней, но какой-то безоглядной, пристрастной, я бы даже сказал, ревнивой любовью.

Однажды он спросил меня, как я думаю: соизмеримы ли «Анна Каренина» и «Мадам Бовари»? Можно ли поставить их рядом? Я сказал, что у меня нет права отвечать на этот вопрос: чтобы ответить на него честно, надо прочесть «Мадам Бовари» по-французски. Но для меня, лично для меня несомненно: гениальный роман Толстого на голову выше флоберовского шедевра. Хотя и «Мадам Бовари», наверно, тоже великая книга.

– Вот и для меня тоже, голубчик, – сказал он. – Если б вы знали, сколько я спорил об этом с Алексеем Максимовичем, который упрямо стоял на том, что такого писателя, как Флобер, у нас, русских, пока нет.

В другой раз он спросил:

– Кто для вас выше: Гофман или Гоголь?

Тут я уже не стал говорить, что для чистоты эксперимента надо бы прочесть Гофмана по-немецки, а сразу, без всяких экивоков ответил, что и вопроса такого для меня быть не может: конечно, Гоголь.

Он прямо просиял от этого моего ответа. И снова вспомнил бесконечные свои споры с Горьким: тот и Гофмана ставил выше родного нашего Николая Васильевича.

Что говорить, русская литература была не только его любовью, она была смыслом всего его существования.

Но в то же время он не мыслил, не мог представить себе свою жизнь без Шекспира, Милтона, Бернса, Блейка, Вордсворта, Шелли, Китса, Браунинга, Теннисона, Киплинга, Элиота, Эдварда Лира, Милна... Все они (и не только они, конечно) были такой же органичной, неотъемлемой частью его внутреннего мира, как Гоголь, Толстой, Пушкин, Лермонтов, Тютчев. И не потому, что он их переводил. Он именно потому-то их и переводил – старался сделать достоянием русской поэзии, русского слова, – что они были частью того мира, в котором он жил и которым жил.

Чтобы было более или менее ясно, какой смысл я вкладываю в эти слова, приведу небольшой отрывок из одного коротенького письма:

Вчера позвонил мне Маршак и просил, если я не занят и если есть у меня к тому охота, прийти к нему. Я пришел. В прихожей произошла сцена с обниманиями и поцелуями... Потом Маршак бегал вокруг меня, не давая мне даже сесть в кресло, рассказывал о Риме и Париже, жаловался на свою усталость. Маршак

говорил о Риме очень хорошо. Потом перешел разговор на Данта. Маршак научился уже говорить немного по-итальянски, и мы сидели до 3 ч ночи и читали Данта, оба восторгаясь.

Меня, подымаясь к таким вершинам, он с собою не брал (потому я и решил подкрепить свои воспоминания живым, непосредственным свидетельством Хармса). Но кое-что об этой стороне его жизни я тоже могу вспомнить.

Д. Хармс: «Маршак научился уже говорить немного по-итальянски, и мы сидели до 3 ч ночи и читали Данта, оба восторгаясь»

Однажды он вдруг – уже не помню, что толкнуло его на эти неожиданные признания, – рассказал мне о своей размолвке с Горьким.

Кто-то передал ему, что Алексей Максимович сильно им недоволен. «Маршак, – будто бы сказал он, – который был мне так близок, совсем свихнулся. Занимается Б-г знает чем... Переводит Блейка!»

Что именно Горький имел против Блейка, я не понял. Если память мне не изменяет, увлечение Блейком он воспринял как обращение С. Я. к религии, к мистицизму.

Я спросил:

– А вы не пробовали с ним объясниться?

Он вздохнул:

– Не вышло... Может быть, надо было попытаться. Но я очень тогда на это обиделся. Не за себя, конечно, – за Блейка... Вы ведь знаете, чем был для меня Блейк!

Я промямлил что-то в том смысле, что да, конечно, знаю. Но он, как видно, почувствовал, что знаю недостаточно. И тут его словно прорвало. Он стал читать Блейка. Сперва по-английски:

– Tiger, tiger ...

Но, как видно сообразив, что на языке оригинала его любимый поэт доходит до меня туго, перешел на русский.

Высоким своим, глуховатым и в то же время остававшимся при этом удивительно звонким голосом он читал:

А. М. Горький: «Маршак, который был для меня всё равно, что сыном, совсем меня забыл. Не звонит, не приходит...»

Тигр, о тигр, светло горящий

В глубине полночной чащи,

Кем задуман огневой

Соразмерный образ твой?..

Что за мастер, полный силы,

Свил твои тугие жилы

И почувствовал меж рук

Сердца первый тяжкий стук?..

Что за горн пред ним пылал?

Что за млат тебя ковал?

Кто впервые сжал клещами

Гневный мозг, метавший пламя?..

Неужели та же сила,

Та же мощная ладонь

И ягненка сотворила,

И тебя, ночной огонь?

К стыду своему, этих стихов Блейка я тогда не знал. Может быть, поэтому, а может быть, потому, что впервые услышать их мне посчастливилось в «авторском исполнении», впечатление, которое они на меня тогда произвели, было... Я даже не знаю, с чем его сравнить... Это было – как внезапно влетевшая в тесную душную комнату шаровая молния...

Особенно, помню, меня поразила смелость, с которой поэт, родившийся в середине XVII века, сравнивал Творца с мастером, стоящим у пылающего горна и сжимающим в руках клещи. Потрясающая конкретность изображения этого «трудового процесса» («свил твои тугие жилы и почувствовал меж рук сердца первый тяжкий стук»), да и само это слово «мастер» – вся эта лексика и эти образы напомнили мне моего любимого Маяковского, которого С. Я. называл байстрюком.

И едва опомнившись от впечатления, произведенного на меня его чтением, я высказал сожаление, что ему так и не удалось объясниться на эту тему с Горьким. Если бы тот услышал из уст Маршака одно только это стихотворение, подумал я, он, конечно, сразу изменил бы свое предвзятое отношение к Блейку, а может быть, даже и разделил бы это увлечение Маршака великим английским поэтом.

– Я очень тогда на него обиделся, – повторил С. Я.

И рассказал, что, помимо переданного ему раздраженного суждения Алексея Максимовича о Блейке, те же доброхоты доложили ему, что Горький жаловался им на его черную неблагодарность. «Маршак, – будто бы сказал он, – который был для меня всё равно что сыном, совсем меня забыл. Не звонит, не приходит...»

– Услышав это, – продолжил он свой рассказ, – я сразу кинулся ему звонить, добиваться встречи. Но мне весьма сухо было сказано, что Алексей Максимович принять меня не сможет... Ну, и тут я уж совсем обиделся... Теперь уже не за Блейка, а за себя. Особенно возмутило меня это его лицемерие: жалуется, что я его забыл, а сам не хочет меня видеть!.. И только много лет спустя, уже после его смерти, я понял, что это не он, а кое-кто другой не хотел, чтобы мы увиделись... Он был изолирован... Полностью изолирован, голубчик...

Возвращаясь к впечатлению, произведенному на меня тогда Блейком, я должен сказать, что, пожалуй, больше, чем самим Блейком, я был потрясен той мощью, с какой Маршак сумел передать громовые раскаты блейковского голоса. Это мое потрясение было особенно сильным еще и потому, что переводы Маршака (за исключением с детства любимых «Королева Британии тяжело больна...» и «Послушайте сказку минувших времен о доблестном принце по имени Джон...») я считал несколько анемичными. Его переводу 66-го шекспировского сонета решительно предпочитал перевод Пастернака (однажды даже об этом написал), а переводу баллады про «Джона Ячменное Зерно» – с самой ранней юности пленивший меня перевод Багрицкого.

Маршаковским переводам шекспировских сонетов и «Джона Ячменное Зерно», как мне казалось, мешала чрезмерная его приверженность «классическому стиху». Вернее, даже не стиху, а той классической эстетике, сущность которой он сам выразил с той же классической ясностью:

В. Блейк... «Вы ведь знаете, голубчик, – сказал Маршак, – чем был для меня Блейк!

Какую огромную роль он сыграл в моей жизни!»

Полные жаркого чувства,

Статуи холодны.

От пламени стены искусства

Коробиться не должны.

Как стены античного храма –

Души и материи сплав –

Пушкинской лирики мрамор

Строен и величав.

Я полагал, что и в переводах, да и в собственных его лирических стихах ему как раз не доставало того огня, в котором «коробились» строчки Багрицкого, Цветаевой и «байстрюка» Маяковского. Его перевод блейковского «Тигра» открыл мне, что и та страсть, от которой «коробятся стены искусства», и яркость красок, и не сдерживаемый, не тронутый холодком темперамент, и поэтическая мощь, так пленявшая меня в стихах трех названных выше поэтов, – что всё это и ему тоже могло быть присуще.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2005 АВ 5765 – 9 (161)

ЗЯТЬ

Γάαεὶ Αἰδᾶεὶ ἄδ

Надин Гордимер (1923), писательница из Южно-Африканской Республики, лауреат Нобелевской премии по литературе 1991 года, родилась неподалеку от Йоханнесбурга в еврейской семье, отец ее был родом из России, мать из Англии. Образование получила в монастырской школе, потом в университете Витватерсранда. После окончания университета преподавала историю искусства и литературу в университетах США.

Писать начала в десять лет. В пятнадцать лет опубликовала свой первый рассказ в серьезном южноафриканском журнале «Форум».

Гордимер – автор плодовитый, она написала несколько романов, в их числе «Лживые дни» (1953), «Мир чужаков» (1958), «Позднебуржуазный мир» (1966), «Почетный гость» (1970), «Дочь Бургера» (1979), «Люди Джулая» (1981). Издала также много сборников рассказов: «Лицом к лицу» (1949), «Сладкоголосый голос змия» (1952), «Шесть футов земли» (1956), «Спутники Ливингстона» (1972), «В какой-нибудь понедельник, непременно» (1976), «Солдатские объятья» (1980) и др.

Пишет Гордимер по преимуществу о сложности понимания между людьми разных рас и культур, об омертвлении нравственного чувства, прежде всего у белых южноафриканцев. Но временами – отнюдь не часто – обращается в своих рассказах и к еврейской теме.

Рассказ «Зять» входит в сборник «Не для печати» (1965).

Во время войны они прятали его от немцев, а в первые дни после освобождения прятали от своих особо рьяных соотечественников, потому что он хоть и был евреем, но был когда-то и немцем.

Старик – он сидел в фуражке железнодорожника и с трубкой в зубах у окна – спросил:

– Он когда сегодня идет на работу?

Дочь протянула отцу чашку.

– Вот твой кофе.

Отец махнул рукой, мол, поставь рядом.

– Так когда, Вернер?

– Вы о чем? – Он перекладывал варенье из банки в вазочку с плетеной бамбуковой ручкой: она ничего не позволяла ставить на стол в той таре, в которой это было куплено. Их глаза встретились, ее –

ничего не выражали, и лишь обмен взглядами показал, что думает каждый о своем. – Сегодня около десяти. Наверное. Может, выйду пораньше, зайду по дороге в контору в одно место – по делу.

Старик, глядя в окно, удивленно качал головой.

– Я уходил в шесть утра, и так изо дня в день, пятьдесят один год.

– Пап, но он же не на железной дороге работает.

– А ты, деточка, на меня не кидайся.

– Конторы в шесть утра не открываются.

– Вот я и говорю – нынче совсем не то, что раньше.

Она надела цветастый шелковый шарфик, коричневую шляпку, перчатки; она тоже привыкла вставать рано, и ее уже не юное, но довольное красивое лицо было аккуратно и умело подкрашено – точно так же, как по вечерам, когда они уходили в гости на чашечку кофе. Она положила в сумку сверток с бутербродами и поцеловала отца.

Быстро кинула на него взгляд – когда-то она только одним таким мимолетным, телепатическим взглядом, даже глазом не моргнув, успевала предупредить его, что по улице идет немецкий патруль. Дверь за ней закрылась.

Когда она ушла, напряжение, царившее в квартире, испарилось. Словно в ее отсутствие связь между ними прерывалась, и старику уже было его не достать. Даже физиогномические различия между ними гарантировали безопасность – как бывает, что два животных, из отряда хищников и из отряда жертв, – могут мирно сосуществовать до тех пор, пока кто-то из них не осознает, кто из них кто. У старика были маленькие голубые глазки – как огоньки, горящие в пустой комнате. Свою вставную челюсть он не носил, и розовые щеки у рта стягивались, как кисет на тесемочке, а высокие скулы выпирали двумя кулачками. Из дома он никогда не выходил.

Второй тихо мыл посуду. В его движениях чувствовалась неловкость человека, привыкшего к сидячей жизни. Его обширную бледную лысину окаймляла кромка курчавых черных с проседью волос. Почти у всех здешних глаза были голубые, и его черные, с тяжелыми веками и набрякшими буро-лиловыми подглазьями, производили пугающее впечатление – казалось, они умеют видеть и в темноте.

Он отвел старика на утреннюю opravку в уборную и оставил его там, а сам тем временем домыл и вытер посуду, развесил посудные полотенца. Старик, когда закончил, позвал его скрипучим голосом, он сходил за ним и снова усадил в кресло.

– Папа, если хотите, я свожу вас в табачную лавку, время у меня есть.

Ноги у старика слабели, и по улице он передвигался только в инвалидном кресле.

– Сегодня не нужно.

– Деловой визит я могу и отложить, – сказал он.

Старик только отмахнулся. Но машинально вытащил кисет и снова проверил, хватит ли табака на день. Его день заполняли незамысловатые обряды, их становилось все меньше, и повторялись они всё чаще.

Он пошел в спальню. Раньше это была спальня старика и его жены – до того, как они с Анн-Мари поженились, а старуха умерла. Две старомодные высокие кровати занимали всю комнату. Взбитые перины вздымались, как птичьи грудки; Анн-Мари перед уходом прибирала всё до последней шпильки. Судорожно вздохнув, он уселся на кровать и включил радио у кровати – на минимум.

Через несколько минут старик крикнул:

– Который час?

Ее позолоченный дорожный будильник показывал без десяти десять. Он, украдкой выключив радио, ответил старику, поднялся и сделал несколько медленных вдохов. Потом снял с вешалки пальто, надел шляпу, достал из ящика комода пакетик с мятными леденцами и сунул его в карман. И снова застыл на месте – словно пытался что-то вспомнить. С подставки с маникюрными принадлежностями он снял ее пилочку для ногтей, провел острым кончиком под каждым толстым и белым ногтем – тем же движением, каким обычно чистят яблоки.

В гостиной рядом со стариком лежали утренняя газета и подарочные карманные часы с открытой крышкой. Он наблюдал за сизыми голубями, которые, возникнув в сизом небе, садились на подоконник снаружи.

– Летят прямо в лицо. Как им еще остановиться удастся, об стекло не...

На циферблате было уже без семи десять, и часы тикали, как заведенная бомба.

Со снисходительностью, которую испытывают обычно к старикам – делать-то им всё равно нечего, – он сказал:

– Ну, мне пора. – И добавил, громко и четко: – Папа, сегодня я в обед не приду.

– Знаю, знаю. – Когда старика оставляли одного, приходила консьержка, кормила его оставленным Анн-Мари обедом.

Старик взял часы, приложил к красному, шелушащемуся уху и убрал в карман.

Значит, уже без пяти.

– До свидания, – сказал он напоследок. Старик посмотрел на него сквозь мутные стекла очков и только махнул рукой: мол, чего уж там, иди.

Когда сердце города ухнуло одним-единственным ударом, который пробил часы на соборе, она вышла к нему из конторы в цветастом шелковом шарфе, коричневой шляпке и перчатках. Взглянула на скамейку, и он расстелил на ней носовой платок, приглашая сесть.

– Рыбу купил? – спросила она.

Он показал на влажный сверток, она кивнула.

– Камбала?

– Не было ее сегодня. Взял три куска палтуса. Он посоветовал.

– Сегодня надо в прачечную. Не забыл?

– В прачечную завтра. Сегодня вторник.

Она в шутку постучала пальцем по виску, но выглядела по-прежнему озабоченной, насупленной – обычная для нее мина, такая еще бывает у некоторых пород собак.

Она развернула бутерброды. Бутерброды у нее получались отличные, и он всегда ждал их с голодным нетерпением. Они принялись за еду, и она сказала:

– Надо тебе хоть изредка уходить пораньше.

Его крупное лицо, светившееся удовольствием, тут же помрачнело.

– Уходишь в десять, а в три-четыре уже дома. – Она, не переставая жевать, выжидательно смотрела на него.

– Не всегда, – сказал он. – Бывает, я и в девять выхожу.

– В половине, – уточнила она. – Да и то раз в год по обещанию. – Она озабоченно посмотрела на него, двигая губами, чтобы удалить остатки пищи из зубов.

– Старики всё забывают. Им что девять, что десять – без разницы.

Она покачала головой – за годы детства, отрочества и взрослой жизни она изучила отца вдоль и поперек – не только как отца, но и как своего соотечественника, человека ей соприродного.

Последний бутерброд она хотела всучить ему.

– Нет, не хочу, я кофе с булочкой выпил.

– Где?

– Там, рядом с рыбной лавкой.

Она брезгливо поморщилась. Однажды она была там с ним, и ей подали грязную чашку. Она разломала бутерброд и протянула ему половину. Они не разговаривали: прямые, открытые взгляды – так смотрят друг на друга люди среднего возраста, когда уже не ищут в глазах партнера восхищения, когда не пытаются с помощью кокетства преодолеть наметившийся разлад; так они общались, так она предупреждала его о появлении немцев, а потом, после войны, так они решили, что он на ней женится.

– Еврею пора возвращаться домой, – сказал тогда старик, вовсе не желая его обидеть: старик всегда называл его евреем, как мог бы называть постояльцем.

– Куда это – домой? – сказала она.

И он остался.

– Он ищет работу, – сказала Анн-Мари матери.

– Дай-то бог, – ответила старуха.

Семья жила на секретарскую зарплату Анн-Мари и на пенсию, которую получал от железнодорожного ведомства старик; содержать его им было не по средствам. Но раз уж он не ушел, раз уж и в самом деле ему некуда было возвращаться, как они могли избавиться от него, тем более, что дочка,

теперь, когда он уже мог появляться на людях, стала выходить с ним в открытую? Как его выгонишь, если она прогуливается с ним под ручку по соборной площади?

– Кем будешь работать? – спросила его Анн-Мари во время одной из прогулок.

Он сказал, что намерен заняться каким-нибудь бизнесом. Чем раньше занимался? Пожалуй, это будет импорт-экспорт. Да, скорее всего: это будет что-то, где пригодится знание родного языка. У родителей его жены был крупный бизнес – меха, кожа: судя по всему, для него учредили некую руководящую должность. Но он не очень понимал, как устроиться на работу самостоятельно, да еще и в чужой стране. «Он ищет», «Есть несколько вариантов», – успокаивала Анн-Мари отца с матерью. Так и повелось: каждое утро он должен был уходить из дома на поиски работы, а возвращаться следовало, только потратив на эти поиски подобающее время.

Всякий раз, обсуждая женитьбу, они думали прежде всего о родителях. А когда наконец собрались назначить день (в начале ее ежегодного отпуска), он сказал:

– А как они... – Он имел в виду то, что он еврей.

Она же, прервав обычное молчание, сказала задумчиво:

– Пока что мы скажем им, что ты нашел работу. Иначе они мне покоя не дадут, мол, на что он собирается содержать жену и так далее... Ты уж уходи каждое утро.

Импорт и экспорт, сказал он им. Кабинетик в конторе одного знакомого. Он сам себе хозяин. В разумных, разумеется, пределах; может приходить и уходить по своему усмотрению. Когда ты на самом деле что-то найдешь, сказала ему Анн-Мари, они ничего и не заметят. А пока что... Город, к счастью, был большой. Старики знали только свой закуток – мясника, хозяина табачной лавки, нескольких приятелей с железной дороги. Когда их спрашивали, чем занимается зять, они неуверенно, как люди, далекие от торговли, отвечали: импортом, у него контора в центре. Они решили, что денег это приносит немного; и жили они так же скромно, как и до того, как заимели зятя-бизнесмена, но старуха так поняла: Анн-Мари, как и она поступила бы на ее месте, о заработках мужа не распространяется, откладывает на черный день.

Сложнее было, пока была жива старуха: она больше общалась, и среди ее приятельниц были такие, у которых сыновья занимались страхованием и даже импортом-экспортом. А что имя ее зятя им ничего не говорило, лишь подтверждало то, о чем она и так догадывалась: он пока что мелкая сошка, вдобавок чужак. Потом она умерла, старик практически не выходил, и уже не имело значения, в каком районе, на какой улице, в каком здании, в каком хитросплетении коридоров и переходов, за какой из закрытых дверей без номеров, а может, и еще дальше, находится та контора. Нужно было только, чтобы она хоть где-то находилась. И пока старик был жив, следовало каждый день убеждать его в ее наличии.

Он так ничего и не нашел, и Анн-Мари – настоящая жена – никогда не спрашивала, как он проводит время вне дома. В плохую погоду она только обеспокоенно напоминала:

– Вернер, не забудь теплый шарф, у тебя же грудь слабая.

Одно время считалось, что он доказывает свое право на Wiedergutmachung, компенсацию, которую немцы выплачивали тем, кто по их вине лишился нажитого. Вечерами он заполнял анкеты («Вернеру нужно со всем этим разобраться», – говорила она родителям) и рассказывал о том, что ему

назначили прием в учреждении, которое этими анкетами занимается. Но в конце концов выяснилось, что соблазнительных сумм, которые он насчитал, ему не получить, поскольку документов, подтверждающих его права, в Германии не сохранилось. Изредка ему приходили официальные ответы, он их внимательно изучал, а Анн-Мари говорила отцу:

– Столько приходится возиться с этой компенсацией.

Дни вроде этого случались всё чаще. Она возвращалась на работу, а он сидел с купленной рыбой в парке и ждал, когда можно будет пойти домой. Порой необходимость прикидываться работающим человеком становилась невыносимым бременем; удивительно, как может так тяготить то, чего не существует. Так же, как его претензии к Германии: разве может то, что перестало существовать, столько стоить? К тяжести в желудке от ее замечательных бутербродов прибавлялся груз всего несуществующего, что накопился в его душе. Он встал и прошелся по скверу – среди голубей, которые, как и он, принимали на виду у всех пропитание из рук чужака.

Он отправился на вокзал, посмотрел, когда отходит поезд, которым они с Анн-Мари собирались на Троицу, через пять недель, съездить на экскурсию. В зале, гудящем эхом шагов и голосов, он купил газету. Заглянул в прачечную, предупредил, в котором часу зайдет завтра. В кафе, где его хорошо знали – как знают в кафе крупных городов посетителей: «тот тип в твидовом пальто» или «тот, что ужасно кашляет», – он выпил еще чашку кофе в дальнем углу, где и теперь, в начале весны, воздух был спертый, будто застоялся с начала зимы. В трамвае он нашел место у входа, где сиденья лицом к лицу. Над ним покачивались пассажиры, а женщина с противоположного сиденья смотрела на него, не пялилась, нет, рассматривала, голова ее была слегка откинута назад, на меховой воротник. На ней были изящные светлые туфельки и перчатки – такие в этом грязном городе могли позволить себе только состоятельные люди. Под шестьдесят, вдова при деньгах – видно, покупает себе всё самое лучшее, но на такси деньги не транжирит. В уютных частных гостиницах на горе таких было много. Его большие глаза были опущены и будто давили на щеки. Он это делал уже не раз: нужно было только поднять их, не быстро, но внезапно, не улыбаться, лишь опустить уголки век, и тогда морщины под глазами распрямлялись, и из потаенных глубин начинал струиться завораживающий янтарный свет – как дух, поднимающийся из темных озерных вод. Быть может, ему бы что-то и обломилось – с одной из таких женщин. Но всякий раз, опробовав этот дававшийся без труда, но действенный прием, который он применял на автомате, не размышляя, он всегда отрывал взгляд, гасил его. И знал, хоть и не думал об этом, что этот прием – единственное, чем он мог бы воспользоваться, – скоро перестанет действовать; женщины будут видеть напротив лишь пожилого мужчину, только и всего.

Когда он сошел с трамвая, он почувствовал себя усталым и вымотанным, словно и впрямь вернулся домой с работы, и это было приятно. Сверток с рыбой порозовел от просочившейся крови, но он почти добрался до дому, и времени было уже четверть пятого. Старик пусть сверяется со своими часами, если хочет. Он открыл дверь, с благодарностью вдохнул душный, теплый воздух и крикнул:

– Папа, лучше поздно, чем никогда! Кофе пить будете?

Ответа не последовало, и он тихонько прошел мимо старика в кресле, снял пальто, шляпу, надел шлепанцы и отправился ставить воду. Но когда он попробовал разбудить старика к кофе, оказалось, что тот потерял сознание. Всю ночь Анн-Мари проплакала у его кровати в больнице, а к вечеру следующего дня старик скончался.

Когда они с Анн-Мари вернулись после похорон в пустую квартиру, он не знал, что ей сказать; на сей раз молчание, такое привычное для них, носило другой характер. Она тут же принялась убирать вещи старика, а он – можно подумать, он ее не знает – пытался ее остановить и говорил обычное в таких случаях:

– Оставь, ты так только больше себя расстраиваешь.

Она рылась в поисках небольшой коробки, подходящей по размеру и форме для карманных часов отца, как вдруг уронила руки и уставилась на него, а затем, не произнеся ни слова, снова с присущей ей аккуратностью стала пробовать одну коробку за другой.

Он тихо взялся за дело, которым должен был заняться с самого начала: снял чехлы с кресла старика, отнес их в грязное, сложил в ровную стопку газеты, высыпал табак, чтобы убрать кисет. И только робко вздыхал.

Наконец она сказала:

– Его одежду я разберу завтра. Что-то придется починить. Он бы хотел, чтобы вещи отдали в благотворительный фонд при железной дороге.

Она прошла в спальню. Он тихонько сел и стал ждать. Газету читать он не решился. А если она там снова плачет? Может, пойти туда, сказать ей что-нибудь, попробовать погладить по голове, по аккуратным, пыльного цвета, локонам, которые между еженедельными визитами к парикмахеру надежно защищает похожая на паутину сеточка?

Она вышла, крутя на пальце кольцо – как она делала всякий раз, помыв руки.

– С позавчера осталась холодная рыба. Или хочешь колбасы?

Он преувеличенно сдержанно, показывая, что не хочет, чтобы из-за него суетились, сказал:

– Какая разница? Что дашь, то и хорошо.

– Могу колбасу поджарить, – сказала она.

– И рыба годится.

За едой она сказала, имея в виду одежду старика:

– Ты их можешь туда отнести в пятницу.

– В пятницу? – переспросил он с сомнением, как человек, не уверенный, как он управится со всеми делами.

Она снова уронила руки.

– А почему нет?

– Хорошо. Только я не понимаю, к чему такая спешка. Успеешь с ними разобраться, отнесу. Можешь себя не подгонять.

Она продолжила есть – словно выключила разговор одним щелчком. Смотрела прямо перед собой, и если он, передвигаясь по комнате, попадал в поле ее зрения, никак на него не реагировала. Время от времени он принимался вздыхать по нисходящей: «Ох... Я, ја, ја...»* – но она будто не слышала, и ему

казалось, что она напряженно размышляет, в голове у нее проносятся беспорядочным потоком слова, и поток этот откуда-то из ее прошлого, в котором его не было, – слова на ее родном языке, в выражениях столь личных, местных, идиоматических, что он, владея этим языком по верхам, не смог бы понять ни слова, даже если бы она произносила эти слова вслух.

Но утром – а спали они оба крепко, – встав, он понял, что они наконец оказались вдвоем, напряжение ушло, ей больше не от кого его защищать, и старик со своими карманными часами не сидит больше в инвалидном кресле. Он побрился, а она готовила на кухне завтрак, делала бутерброды, и он вышел из ванной, прямо в шлепанцах уселся почитать утреннюю газету; в это утро не надо было куда спешить. Если пожелает, хоть весь день просидит за газетой. От предчувствия долгого тихого утра в пустой квартире по телу пробежала теплая приятная волна – словно в его организме стала вырабатывать секрецию новая железа.

Вошла Анн-Мари с кофе. Взглянула на кресло отца. Но любое слово она бы отшвырнула, как чужую руку; он видел, что она не хочет пускать его в свое горе, и понимал, что лезть туда не имеет права. Право имеешь только на то, что тебе разрешено. Ты должен ежедневно отмечаться в полиции или же должен ждать пять лет, пока не получишь гражданство.

– Белье из прачечной так и не забрали.

Он поднял на нее огромные черные глаза, пожал плечами – мол, о чем разговор.

– Ты сегодня не забудешь?

– Нет, конечно.

Она допила кофе, набросила шелковый шарф, надела шляпку и перчатки и, взяв сверток с бутербродами, в дверях обернулась попрощаться и вдруг опомнилась, словно увидела его впервые после смерти отца. И забыла попрощаться она. Спросила только:

– Вернер, ты в котором часу сегодня уходишь?

Ī āāāā nī āī āēēēīīā

Āāāū Ī ōōōēēēāē

** Āā, āā, āā (ī āī).*

БОЛЬНОЙ ВОПРОС

Владимир Набоков

Над еврейским населением бывшего Русского государства снова нависла черная туча. За последние месяцы с юга приходят вести о погромах. При господствующем хаосе и полной дезорганизации власти сейчас едва ли возможно ожидать точных и проверенных данных и – в частности – правильных цифр. Будем надеяться, что называемые в частных корреспонденциях и различных частных источниках цифры преувеличены, – но оттого, что гекатомбы не так огромны, жертвам не легче, а они, по-видимому, насчитываются тысячами.

Погромы происходят не только там, где хозяйничают банды разбойников; от них, увы, не свободны и местности, занимаемые Добровольческой армией, – несмотря на все меры, принимаемые генералом Деникиным. Постоянные тенденциозные запросы в английском парламенте демонстрируют стремление возложить на режим реакционных генералов ответственность за эксцессы. Это, конечно, злостная несправедливость. Имеется достаточное количество убедительных доказательств того, что и военные, и гражданские власти, подчиненные Деникину, употребляют все усилия для борьбы с погромами. Однако эти усилия нередко оказываются тщетными, и – как недавно было в Фастове – славные страницы героической истории Добровольческой армии пятнаются грубыми и кровавыми руками погромщиков.

К великому несчастью для евреев, дело не только в погромах. Страшны, бесчеловечны и невыносимы для нормального человеческого чувства эти проявления зверства, бесконечно жалки их несчастные и невинные жертвы, – но всякому понятно, что при теперешних условиях нет и не может быть такой организованной власти, которая сознательно допускала бы расправу с частью населения и не признавала бы первой своей задачей обеспечить жизнь и безопасность всего этого населения. Идеологов лозунга «бей жидов» можно найти только в темных низах, откуда вербуются махновцы, григорьевцы и проч. И только среди людей, находящихся с этими низами на одном моральном уровне, кровавые побоища воспринимаются. Опасность в распространении той психологии, которая и сводится не к оправданию погромов, а к «объяснению» их. И результатом такого «объяснения» является другая психология – психология пассивного отношения к вздымающейся волне антисемитизма. Ни один уважающий себя

политический деятель, ни один достойный уважения публицист не станет требовать пересмотра еврейского вопроса, возвращения к черте оседлости, восстановления других ограничений. Всякому просто здравомыслящему человеку понятно, что все эти атрибуты старого режима исчезли навсегда и бесследно вместе с самим режимом, коего они были ярким воплощением. Эта перспектива не страшна евреям. Их должно страшить другое: перспектива нравственной изолированности в новой, восстановленной России. Если те чувства, которые приходится теперь сплошь и рядом констатировать в самых неожиданных сочетаниях, будут развиваться, не встречая отпора, положение еврея – подлинного гражданина, любящего родину, желающего ей служить, – делается по истине трагическим, безвыходным.

Нам скажут – нет, нам говорили и говорят – что делать? Таковы требования исторической Немезиды. Массы еврейские, и среди них все лучшие элементы еврейства, расплачиваются за грехи других. Пусть большевистская революция ничего не дала еврейству, всё же в первых ее рядах мозолит глаза целая плеяда еврейских имен. В «Совнарком», «Совнархозе» и других большевистских учреждениях евреи играют видную, часто господствующую роль. Ими в значительной мере комплектуются всякие комиссариаты на местах, чрезвычайки и т. д., и в исполнение своих обязанностей они вносят некоторые из худших черт, свойственных худшим представителям их национальности, оскорбляя и озлобляя русских людей. Пусть они насчитываются только десятками, сотнями, хотя бы даже тысячами, среди многомиллионного еврейского населения, по существу им совершенно чуждого, ненавидящего и боящегося их, страдающего от их диких социальных экспериментов, от бесправия, возведенного в систему, от грабительства, не щадящего ни эллина, ни иудея, – они дают психологическое основание представлению о еврейском колорите большевистского режима, и это представление не может быть поколеблено даже тем фактом, что Урицкий погиб, а Ленину грозила гибель от еврейской руки.

Да, здесь мы имеем дело с психологическими переживаниями, и в этом вся опасность, весь ужас положения. Никто не станет отстаивать при современном состоянии правосознания принцип круговой ответственности. Юридическую нелепость и недопустимость этого института всякий понимает. Иное дело – круговая ответственность как психологический факт, психологическое переживание. Кто станет отрицать, что именно стихийные события этих кошмарных пяти лет принесли с собой укрепление привычки оперировать представлениями о круговой ответственности, падающей не только на отдельные группы, но и на целые народы за грехи, преступления и ошибки их вождей? Даже отдельных их представителей? Ведь вся война велась на эмоциях, коренящихся в таком отождествлении. Иные из нас знают, что значит оказаться жертвой его и после всех бедствий и ужасов борьбы с предательством большевиков в России почувствовать одиум этого предательства здесь, на чужбине, где самое имя русского одно время было символом вероломства и измены.

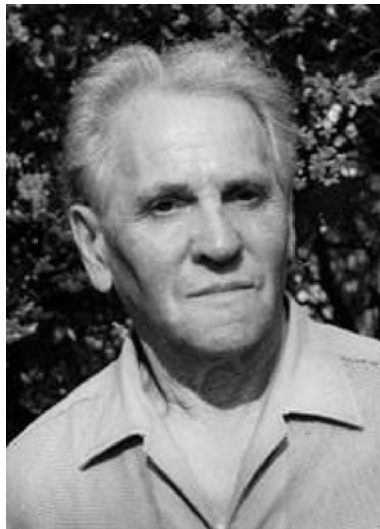
Где же выход? Увы, его легче указать на словах, чем найти на деле. Та пагубная психология, порожденная всем недавним прошлым, должна быть преодолена. Задача каждого из нас, кто дорожит своим политическим миросозерцанием, общественными своими идеалами, кто хочет сохранить чистоту своей политической совести и кто вместе с тем понимает, во что может превратиться и к каким последствиям привести рецидив воинствующего антисемитизма, задача каждого – всеми силами и доступными ему способами разрушать эту психологию. И одновременно задача евреев – истинных граждан и патриотов – участвовать в общей борьбе за восстановление России и противопоставить гнусной оргии большевистских насильников неуклонную и неустанную работу, исполненную жертв и самоотречения, не падая духом и не теряя уверенности в конечном торжестве истинно-человеческих начал.

«Αδελφείναι Ὀδessaίαι»

¹ 1, 1920

Я ВИТАЮ В ОБЛАКАХ...

*Οἱ ἀδ' Ἀλλεῖ Ἀδὰι Γαε: Ἀοὶ Γαῖοῦεε - ἠῆεῖαο, αεοδίαεεῖο, ἱῖγὸ, εἰαῖεῖαδ ἰοῖαῖ ἂ Νεῖαῖ,
ἀοῖδ ἰὰοῖαῖ αεοδίαεῖ. Ἰῖῆεῖαῖεε δαϑ ἰ ὕ ἰά:ἀοῖεε ἂῖ ἂ ἰ αεῖῆῖ, «ἰῖαῖῖῖῖῖ» ἰῖῖ ἂδᾶ Ἐ' αῖα ἰ ἂ δαϑ
ἰ ἂ ἰ:ἀοῖαῖ ἂῖ δᾶῖῖ Ἰ ἰ ὀ ἂῖ ἂδῖ οεᾶ ἂῖ ἠὸ εὖε ἠὸ αῖ οὸ «εεὸ ἂδᾶ ὀ οῖ ὕ ἰ ἰ ἂῖεῖεῖαῖ »...*

*Β ἀεὸ ἂρ ἂ ἰ ἂεῖεῖαο,
Ἰ ὀ ἂεῖ: αῖ ἰ ὕ ε ἰ ὀ ϑᾶ ἰ ἰ ἂ,
Ἐ δᾶγ: εεῖ ἂ ἂ ἠῆ ἂῖ
Ὀεῖ ἰ ῖ ἰ: ὀ ἰ ἂ δῆεῖ
ἠῆ ἂῖ ἂ ὕ δᾶῖ ὀ ἂ ὀ αῖ εῖ εῖ,
ἠῆ ἂ ἂ ἰ ἰ ἂεῖ ἰ ἂ ἰ ἂῖ
Ἐ ὀ ἰ ἂῖ ἂ ἠ ὀ ἰ ο ῖ δᾶῖ
× ὀ ἰ αῖ ἂεῖ οεᾶ ἂεῖ ὀ ὕ ἠ ἰ εῖ.
Δᾶῖ ἂ Ἰ ε ο ἰ ὀ ἂεῖ εῖ,
Δᾶῖ ἠ ἰ ὀ δᾶ ὀ ἰ ἂ ἂ ἰ ὀ ἂ ῖ*

- *Áññ ññíáà óáíäyò é Á-ññ*

Áññ íòòè áááòò áÑñíí.

Ì íæíí á íáæáéá íàðèòü

Áèää, èðíèüòèè áññò àèèññ..

Ðáá í áááááò ò àèèñ-

Áðáí ÿ ñÁ-ññí ññíðèòü

Èàæäüé çí àè ññíð ò ðííó

È çà Ì óçí é áèääááðí íé

B í éáòóññ, èàé í óæ í ðèí áðí üé,

Í áðííèèèòü èðíí ó

Áàæá Áóò í ááèèé

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2005 АВ 5765 – 9 (161)

ВЫБИТЫЕ ОКНА

Ôâè Aéçàì àí

Всё началось с того, что новая соседка со второго этажа мадам Роза попросила Румиэля сбегать в лавочку и купить ей папиросы. Деньги она завернула в какую-то бумажку и, сбросив их из окна вниз, прокричала:

– На сдачу купи себе что-нибудь сладкое.

Настоящее имя паренька было Рахмиэль, но почему-то все звали его Румиэлем, из-за чего его мама – торговка рыбой Хая – ужасно сокрушалась.

– Почему всех зовут так, как их на самом деле зовут, а у моего сыночка такое дикое имя? – жаловалась она. – Его дед, светлый ему рай и да печется он на небесах о нашем здравии и достатке, не заслужил того, чтобы после смерти так коверкали его честное имя.

Постепенно мадам Роза вошла во вкус и почти ежедневно посылала Румиэля то за папиросами, то за какой-нибудь другой мелочью, однако свои деньги больше не заворачивала в бумажку и не сбрасывала их из окна вниз, а просто приглашала Румиэля к себе на второй этаж. Щипнув его в знак своего расположения несколько раз за щеку, она вручала ему денежки и по обыкновению восклицала:

– Ты славный парнишечка!

Голос ее звучал так ласково, что ее можно было слушать и слушать. До полудня мадам Роза ходила в легком шлафроке из какого-то тончайшего заграничного материала. Шлафрок всегда был наполовину распахнут, и жильцы дома без труда могли полюбоваться ее пышными грудями.

Сначала Румиэль на ее прелести не обращал никакого внимания, но в один прекрасный день они настолько поразили его мальчишеское воображение, что у него задрожали коленки.

С того памятного дня Румиэль стал прислушиваться к голосу мадам Розы больше, чем к ее просьбам о папиросах. Голос, как и распахнутый наполовину шлафрок, обладал какой-то загадочной и завораживающей силой. Стараясь скрыть свое замешательство, Румиэль отворачивался от мадам Розы, и его смятенный взгляд то и дело натывался на висевшее в салоне большое сверкающее зеркало. Ему казалось, что это зеркало глумится и насмехается над ним – мол, что это у тебя за жалкий вид, бедняга. Стоишь, как оболтус, и не знаешь, что с собой делать.

В доме его матери, торговки рыбой Хаи, такого зеркала не было. Семья жила так бедно, что у нее не хватало средств не то что на зеркало – на хлеб насущный. От блесков рыбьей чешуи в волосах Хая избавлялась при помощи густого гребня и им же вслепую, лучше сказать – наизусть, зачесывала их к затылку. Парика Хая не носила, но была на свой лад набожна, соблюдала кашрус, на Рош а-Шона и в Судный день ходила в какой-то частный дом, который его владелец превращал на праздники в молельню и в котором Б-гослужение совершалось почти что даром.

Хаю очень огорчало то, что ее сын тянется к этой заносчивой и франтоватой «графине» со второго этажа – стоит ей только сверху кликнуть Румиэля, и он тотчас бежит выполнять все ее приказы и прихоти. Из-за нее он даже не успевает сделать уроки, опаздывает к почтенному раввину, который готовит его к бар-мицве – обряду совершеннолетия. Всякий раз мать выбивалась из сил, чтоб заставить его что-то сделать для дома, к «графине» же он мчался по первому ее зову.

Румиэль обижался на маму, когда та упорно называла соседку, мадам Розу, не по имени, а как-то пренебрежительно и отстраненно: «она». «Она» ничего дурного им не сделала. Когда мама случайно встречалась с ней на лестнице, то мадам Роза первая почтительно здоровалась и желала доброго дня.

С мужем мадам Розы Румиэль не был знаком. Он играл на скрипке в маленьком оркестрике ночного клуба, расположенного в одном из богатейших кварталов города. На рассвете он, усталый, с мешками под глазами, возвращался оттуда домой, снимал фрак, белую сорочку и галстук, громко, со вздохами, зевал, закуривал сигару, принимал душ и закрывался в спальне.

Настоящая жизнь в доме мадам Розы обычно начиналась в полночь, когда туда съезжались гости. Слышно было, как они громко смеются, поют под пианино, произносят тосты и здравицы. Мадам Роза и ее низкорослый, короткопалый муж частенько сами куда-то отправлялись – расфранченные, расфуфыренные, надушенные.

Румиэль прятался в какой-нибудь темный уголок, чтобы они его, «сыщика», не увидели и не догадались о слежке. В такие минуты его сердце колокольню бухало в груди, словно после уличного забега, который устраивала дворовая ребятня, чтобы выяснить, кто из них самый быстрый. Только после того, как мадам Роза и ее муж садились в такси, Румиэль переводил дух и рукавом пиджачка вытирал пот со лба.

Случилось так – Б-г весть почему, – что мадам Роза и ее муж решили съехать со двора и вообще покинуть этот округ. Румиэля не было дома в тот день, когда они оставили свою прекрасную квартиру и куда-то в накрытой брезентом машине перевезли всё нажитое добро. Румиэль очень сожалел, что не был свидетелем их переезда. Соседи долго и подробно судачили при нем о случившемся, тщетно доискиваясь причины, заставившей мадам Розу сменить местожительство, и Румиэль ловил каждое их слово. Его томило странное и смутное чувство – это он, дескать, виноват в том, что они с такой поспешностью отсюда уехали. И доказательство его вины – эти пустые, не занавешенные шторами окна и исчезнувшие с подоконников вазоны с причудливыми цветами.

Из окон квартиры мадам Розы струились безысходность и отчаяние, как из глаз покинутых всеми на свете старых нищобродов, которые застряли в пути без куска хлеба и без ночлега.

Вечерело. На землю пали ранние сумерки. Румиэль примостился на каменном крыльчке напротив темных, безжизненных окон и принялся чего-то ждать. Он и сам не мог взять в толк, чего именно. Сидел и ждал. Мама Хая позвала его домой, но Румиэль в ответ только вяло и невнятно вымолвил: «Сейчас» – и даже не пошевелился. Пока он сидел на крыльчке, ночь спустилась с городских крыш и зачернила всё вокруг.

Не видно было ни одного огонька. Мама позвала его еще раз, громче, чем прежде:

– Сколько раз я должна тебя звать? Иди же, золотце мое, ужинать! Ты меня слышишь? – и ее голос вскоре растаял в пустынном дворе.

Румиэль пропустил ее слова мимо ушей. Из-за туч показалась приподнявшаяся луна – круглый, светящийся шар, заливший своим светом не только двор, но и весь уснувший город. Румиэлю почудилось, что он отчетливо видит в этом зыбком лунном сиянии мадам Розу. Она стоит у окна и протягивает к нему свои белые холеные руки – лицо ее мертвенно бледно, залито слезами. Луна спряталась под приплывшим облачком, но через короткий миг снова вынырнула из-под него и выхватила из темноты круглое лицо мужа мадам Розы, грозившего Румиэлю из застекленного окна кулаком. Румиэль наклонился, схватил с земли камень и запустил его прямо в это круглое и сытое лицо. Осколки стекла вспугнули прикорнувшую на крыше парочку голубей, которые шумно захлопали крыльями и улетели прочь.

Камень расшиб стекло вдребезги. Вместе с осколками в ночную полутьму полетели заплаканное лицо мадам Розы, сморщенный кулачок ее ревнивца-мужа и ломти равнодушной луны. В окнах зияла черная, таящая угрозу пустота. Во дворе снова воцарилась удивительная тишина, какая бывает только тогда, когда ночь уступает место новорожденному дню.

Румиэль встал, отвернулся от пустых, выбитых камнем окон на втором этаже и, ссутулившись, как после похорон, не спеша отправился домой, чтобы наконец, к удовольствию мамы, поужинать. Он шел по двору, и у него под ногами морозно поскрипывали стеклянные осколки.

Àíèùù tíé ìádààá ñèèèòá

Àdèá dèy Èáí íàè÷á

ХРАНИТЕЛЬ МОГИЛЫ

Яков Шехтер

Окончание. Начало в № 8, 2005

Второй симптом, куда опаснее первого, принес в своем клювике зам гендиректора. Проходя по коридору заводууправления, товарищ Панка, вместо обычного едва различимого кивка, удостоил меня несколькими словами.

– Ты, это, зайди в первый отдел, там бумага для тебя лежит. Иди прямо сейчас.

Первый отдел мог означать или вызов в КГБ, или повестку в военкомат. Так «доставали» тех, кто не принимал обычные повестки, приносимые почтальоном. Я погулял полдня, не решаясь подойти к двери на втором этаже, обитой, точно школьные тетради по математике, коричневым дерматином, пока не сподобился еще более высокой чести.

Секретарша отдела позвала меня к телефону.

– Ну, ты это, чего не идешь? – раздался в трубке знакомый голос. – Я же сказал: прямо сейчас. Не откладывай до завтра.

Такой интерес к моей особе не сулил ничего хорошего. Однако деваться было некуда, и я пошел.

В первом отделе мне вручили повестку в военкомат. Срок явки был замечательный – сразу после Рош а-Шона, в обещанный день получения ответа из ОВИРа. В общем-то, можно было сказать, что ответ я уже получил.

Последнее мое столкновение с военкоматом произошло зимой. Меня вызвали на военные сборы, но не через первый отдел, а обыкновенной повесткой на дом. Тогда в глазах власти я еще был вполне законопослушным гражданином.

Сборы, или «скачки» на сленге, должны были происходить за городом, в военном лагере. Две недели без отрыва плюс казенная пища – весьма непростой период для человека, соблюдающего заповеди. Если с кошером еще можно было управиться, питаюсь только хлебом и картошкой, то о субботе и молитве не могло быть и речи. Стоило лишь представить, как я накладываю тфилин в углу казармы или заворачиваюсь в талис, а пятьдесят рож начинают вытягивать носы и вострить уши, и всякое желание молиться пропадало напрочь.

Собрав рюкзак, я долго не решался затянуть узел, вертя в руках мешочек с тфилин. Брать или не брать? А вдруг представится возможность? Но если найдут, начнут расспрашивать... И вообще, могут испортить, тогда где другие возьмешь? Эти я долго выпрашивал из Москвы, пока не сжалились надо мной распределители и не бросили с барского плеча пару хороших тфилин, только привезенных из Нью-Йорка всё теми же «невинными» туристами с бородами и тщательно запрятанными кистями цицис. Соображения логики и здравого смысла были против столь явного безрассудства. Я еще немного повертел мешочек в руках и засунул его в рюкзак. Будь что будет...

Утро выдалось холодное, минус пятнадцать, по масштабам вильнюсской зимы – суровый мороз. Возле места сбора, клуба завода топливной аппаратуры, топталось на снегу несколько сот человек. Над толпой витали морозный пар, смешанный с никотином, и густой мат. В этой компании мне предстояло провести две недели без всякого перерыва.

Из клуба вышел капитан и бодро покричал в толпу. Его никто не слушал. Капитан ушел обратно в здание и спустя несколько минут вернулся с мегафоном в руках.

– Значит, так, орлы, – прогавкал мегафон. – Сейчас подойдут автобусы, на каждом написаны буквы, чья фамилия на какую начинается, тот туда и садится. Вопросов нет? Исполняйте.

Автобусы подъехали через час, когда все замерзли до основания ног и хотели только одного: поскорее добраться до тепла. Возможно, в этом и состояла истинная причина опоздания, хотя трудно ожидать такой психологической подкованности от командиров Советской армии. Скорее всего, они просто опоздали.

Не успели автобусы остановиться и открыть двери, как толпа бросилась на штурм. Ехать далеко, сидячих мест на всех не хватит. Я тоже рванул к автобусу со своей буквой и вдруг замер. В моей замороженной голове внезапно стало так же спокойно и ясно, словно тогда, на могиле Гаона. Я дошел до последнего автобуса и остановился прямо перед ним.

Через пятнадцать минут посадка закончилась. Вдоль колонны сновали несколько пока еще не нашедших свою букву резервистов. Я продолжал стоять на месте.

Из клуба вывалилась группа сержантов, по одному на автобус. Проходя мимо меня, каждый грозно вопрошал:

– А ты чего стоишь, фамилию свою забыл?

– Капитан приказал, – спокойно объяснял я, – стой здесь, и всё. Почему, чего, сам не знаю.

Сержанты заняли свои места, двери затворились, и колонна тронулась. Спустя несколько минут перед клубом остались я и еще несколько человек, то ли опоздавших, то ли со справками об освобождении.

Капитан вышел из клуба и оглядел оставшееся воинство.

– Всем зайти внутрь, – приказал он и тут же личным примером продемонстрировал правильное выполнение команды.

Внутри стояла теплынь, батареи работали на полную мощность, и мы несколько минут «отходили», расстегнув пальто и сняв шапки.

– Ну что, лодыри, симулянты, «справочники», – провозгласил капитан, обходя наш заиндевельный строй. – Кто хочет сегодня поработать?

С юмором у капитана всё было в порядке, и я не выдержал.

– А на ликероводочный заявки есть?

– Ликероводочный на сегодня заявок не прислал, – подхватил капитан, – зато на каждый штык имеется по десять повесток, которые нужно доставить в течение дня. После этого можете считать себя свободными.

– А как с нашими повестками? – поинтересовался кто-то опытный.

– Личность, доставившая в военкомат десять подписанных повесток, получит обратно свою, с погашенной на текущий год задолженностью Советской армии и Военно-морскому флоту.

Лучшего варианта нельзя было ожидать. Повестки я разносил до самого вечера, по несколько раз возвращаясь к одним и тем же адресатам. Нужно было не просто вручить повестку, а заставить жертву подписаться на корешке. До военкомата я добрался только в девять вечера, сдал подписанные корешки и, отпущенный на все четыре стороны до следующего указания, отправился домой.

Весточка, принесенная Панкой, выглядела куда серьезнее; вручение повестки через первый отдел означало обязательную явку и, почти наверняка, встречу в военкомате с сотрудником КГБ. Могли отобрать паспорт, могли «забрить» на три месяца в армию, могли посадить на пятнадцать суток – в общем, могли всё, что угодно.

В такой, весьма способствующей раскаянию обстановке я встретил Рош а-Шона. Праздник прошел как обычно, разве только молился я с большей сосредоточенностью и рвением.

На следующий день, помахав перед носом секретарши повесткой из военкомата, я ушел с работы с самого утра. Здание комиссариата находилось в центре Старого города, в десяти минутах ходьбы от синагоги, и ноги сами собой привели меня к ее уютному зданию. Реб Берл сметал пыль со ступенек.

– Соскучился?

– Соскучился.

Я поднялся на второй этаж, достал том Талмуда и распахнул его там, где закончил читать перед праздником. По еврейской традиции в трудную минуту нужно отложить в сторону все дела и немного поучиться.

Но учеба не шла, мысли разлетались в разные стороны, словно птицы, упорхнувшие из сети птицелова. Минут через десять снизу раздался голос реб Берла:

– Спускайся, гости пришли.

Под «гостями» обычно подразумевались иностранцы. Старики совсем не знали английского, и объясняться с туристами приходилось мне.

Я не ошибся, в большом зале синагоги восхищенно озиралась пара явно зарубежного происхождения. Дело было не в одежке, хотя и одеждой они явно выделялись из общей массы, а в иной манере стоять, поворачивать голову, двигать руками.

– И эти лопочут о Гаоне, – голос реб Берла выдавал его раздражение, – так передай им, что встретиться с ним невозможно. Пусть обождут до своих ста двадцати.

Несколько месяцев назад в синагогу забрела группа американцев из медвежьего угла, то ли Миннесоты, то ли Миссури. Откуда-то они прослышали о знаменитом еврейском мудреце из Вильны и на полном серьезе просили реб Берла устроить им встречу с Гаоном.

– Последний раз его видели в этом городе лет двести назад, – ответил реб Берл, – но, если вы хотите, попробуйте поискать, возможно, он бродит по улицам в ожидании встречи с вами.

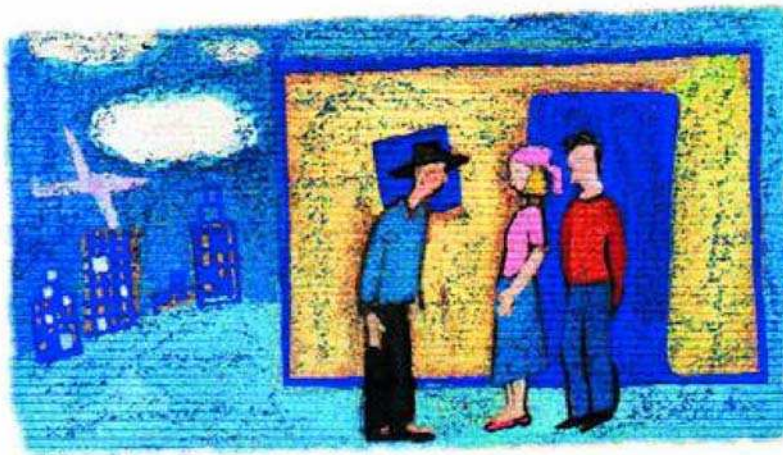
Сегодняшняя пара точно знала, чего она хочет. Им нужна была могила Гаона, и прямо сейчас. Если можно, пожалуйста. Мы очень просим. И жалобные взгляды человека, попавшего в стесненные обстоятельства.

Особенно просяще выглядела жена, симпатичных размеров крашенная блондинка в джинсовом сарафане. Вообще-то говоря, американок другого колера я никогда не встречал; то ли все они в качестве маскировки специально перед поездкой в Россию перекрашивались под блонду, то ли иные цвета считались в Америке неприличными. Честно говоря, у меня не было никакой охоты ехать на кладбище, предстоящее посещение военкомата занимало мысли без остатка. Но блондинка так жалобно смотрела, строила такие умильные гримасы, что я не выдержал и согласился.

– Только, пожалуйста, – предупредил я их, – в такси ни слова. Все таксисты – агенты КГБ, могут сразу сообщить, и нас заберут прямо из автомобиля.

Перепуганные американцы забились на заднее сиденье и всю дорогу просидели точно мыши, поблескивая любопытными глазами на проплывающие за окнами пейзажи старой Вильны. Когда машина остановилась перед воротами кладбища, они резво выскочили из такси и рванули к воротам, створки которых украшали два огромных моголеновида. Таксист вопросительно посмотрел на меня.

Положение получилось просто идиотское. Обычно встречи с иностранцами неплохо обогащали, расчувствовавшиеся туристы одаривали гида мелкими, с их точки зрения, подарками, стоившими в СССР немалых денег. Однажды мой приятель получил от особенно растроганного туриста фотоаппарат, который тот жестом грузинского князя попросту снял с шеи и передал несчастному советскому еврею. Несмотря на всплеск эмоций, пленку из камеры он всё-таки вытащил, продемонстрировав сим разницу между отсталым грузинским феодалом и просвещенным американцем.

Мой приятель, работавший инженером в проектно-институте, отнес фотоаппарат в комиссионку и вернулся из нее с вытаращенными глазами. За подарок «князя» ему тут же отсчитали его полугодовую зарплату и усиленно приглашали заходить еще. В продажу камера так и не поступила, видимо, продавцы «наварили» на ней еще пару месячных окладов советского инженера.

Наверное, я был единственным гидом американских туристов, который рассчитался за такси из собственного кармана. Но деваться было некуда, парочка уже скрылась за воротами и осторожно поглядывала из-за створок, выжидая, когда я освобожусь от «агента КГБ».

Не успел я отворить до конца дверь, как блондинка веретеном ввернулась в прохладный полумрак склепа. На голове у нее оказалась невесть откуда взявшаяся косынка, сразу превратившая гладкую

американку в обыкновенную еврейку. Я отвернулся: у нас не принято рассматривать молящегося, особенно женщину.

Ее муж тем временем расстегнул сумку, извлек из нее штатив, видеокамеру, не торопясь, свинтил их вместе и, установив напротив склепа, принялся за съемки. Так продолжалось несколько минут; ухали голуби в ветвях кладбищенских сосен, осторожно стрекотали сверчки в траве на братской могиле жертв погрома, тихонько жужжала видеокамера. Вдруг из склепа послышались странные звуки, напоминающие то ли заглушаемый кашель, то ли сдавленные рыдания.

Я заглянул внутрь. Американка билась головой о плиту над могилой Гаона и стонала сквозь крепко сжатые губы. Слезы обильно текли из ее глаз, орошая бетон надгробия. Благополучные люди так себя не ведут на могилах праведников, видимо, проблем у этой благополучной с виду парочки хватало.

Я высунул голову из склепа и отошел в сторону. Через несколько минут американка позвала мужа. Разобрать ее неразрывное бормотание я не смог, но муж разобрался в нем с завидной легкостью. Он вытащил из сумки небольшую косметичку и на секунду заглянул в склеп. Блондинка появилась спустя несколько минут, успев привести себя в порядок. Кроме припухших век и отяжелевших мешков под глазами, ничто не выдавало в ней женщину, недавно рыдавшую навзрыд. Косынка сидела на ней уже кокетливо, превратившись из ритуального покрытия волос в украшение.

– Я слышала, будто на виленском кладбище есть могилы и других праведников, – спросила она, выходя из склепа.

– Да, недалеко лежит реб Хаим-Ойзер, последний раввин Вильны. Но, – тут я понизил голос, – нельзя ли попросить вашего мужа чем-нибудь прикрыть голову.

– А ему не нужно, – улыбнулась блондинка, – он не еврей, он гой!

– Гой! – отозвался на знакомое слово американец и широко улыбнулся. – Да, да, я гой, семь заповедей Ноя. Но зато мои дети – сплошные еврей!

Он улыбнулся блондинке и она, отведя рукой пролетающую паутинку, грустно улыбнулась в ответ.

Усаживаясь в такси, я любезно предложил американке место возле водителя – теперь пусть сама расплачивается. По моей просьбе таксист высадил нас за два квартала от гостиницы, показываясь в обществе туристов на просматриваемой со всех сторон площади я не хотел. Американка, не глядя, сунула таксисту крупную купюру и выскочила из машины. Для нее это, очевидно, были не деньги. Обрадованный таксист еле дождался, пока захлопнется дверь, и рванул с места. Сдачу он дать и не подумал.

Широкая лестница перед гостиницей вела к набережной. В такое время дня там было пусто. Зеленоватая вода Нериса быстро неслась мимо каменных плит, крутя травинки и цветы, брошенные кем-то в знак прощания или встречи. Американцы, словно спохватившись, принялись расспрашивать о моей жизни, проблемах, планах. Не знаю, какой стих на меня накатил, но я выложил им всё, что предстояло пройти в ближайшее время. Перспективы вырисовывались самые неблагоприятные. Американцы сочувственно кивали головами. Скорее всего, они плохо представляли опасность ситуации, или я неверно разгадывал их язык жестов и мимику. Вернувшись к гостинице, мы распрощались. Американец крепко пожал мою руку, а блондинка вдруг заглянула мне прямо в глаза.

– Я не хотела говорить, – сказала она дрожащим от волнения голосом, – но я потомок Гаона. Самый настоящий, по прямой линии. В нашей семье всегда этим очень гордились. Я не большая праведница, – тут она горько усмехнулась, – но от имени моего святого предка я благословляю тебя. Пусть все преграды, стоящие на твоём пути, испарятся, словно утренняя роса. Счастливой тебе дороги в Эрец Исраэль, и молись там за нас.

Она резко повернулась и пошла от меня к гостинице, красивая женщина в джинсовом сарафане и белых кроссовках, потомок виленского Гаона. Муж семенил сбоку, закинув объемистую сумку за спину.

Мне почему-то показалось, будто это не просто добрые пожелания, а нечто большее, имеющее настоящий вес и значение. Будто все мои молитвы и просьбы, ожидавшие своего часа и спавшие под гнетом обстоятельств и причин, освободились словами американки и взмыли к сияющему Престолу.

Подлинные причины всех бед находятся внутри нас. Я шел в военкомат спокойный и даже веселый, я был абсолютно уверен, что всё закончится благополучно.

Так и получилось. Дежурная, посмотрев на мою повестку, кивнула в сторону лестницы.

– На второй этаж, двести пятая комната.

В комнате у меня попросили военный билет, быстро поставили в нем штампик и отпустили восвояси. На крыльях того же стиха я помчался в ОВИР. Отсидев длинную очередь – визы на постоянное место жительства и туристические выдавали в одной комнате, и очередь состояла из поляков, собирающихся в Польшу к родственникам или просто покататься, – отворил дверь и увидел знакомое лицо.

Милая белесая капитанша приветливо улыбнулась. На сей раз ее улыбка не вызвала у меня ощущения подвоха.

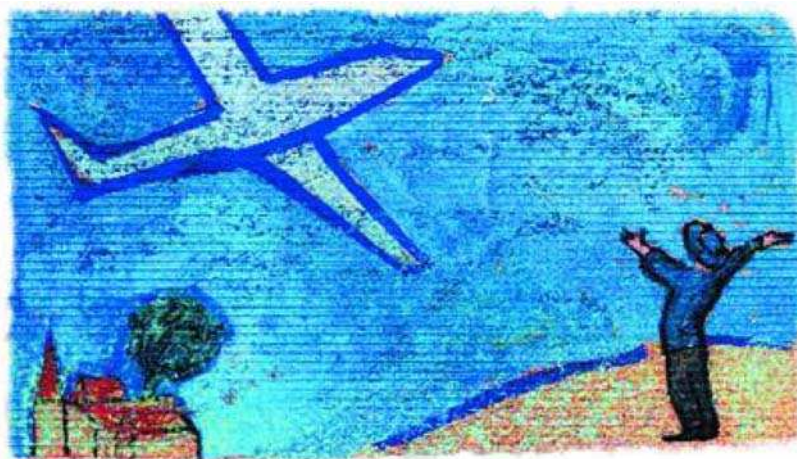
Раскрыв папку, она достала из нее зеленый листик и произнесла:

– Вам открыта виза через Чоп, начиная со вчерашнего дня. Оформляйте документы и выезжайте.

Вот так, простым, будничным голосом, мне возвестили о том, что с этого момента моя жизнь будет делиться на два периода: до и после.

Я много думал о смысле происшедшего в тот день: когда американка благословляла меня, зеленый листочек визы уже лежал в папочке. Возможно, благословение переменяло задним числом прошлое, ведь ось времени перед Его лицом – обыкновенная ось координат, словно в наших школьных тетрадках по математике, и прикоснуться к любой ее точке для Него не составляет никаких проблем.

А может быть, с Неба решили меня успокоить и приоткрыли завесу, чуть обнажили механизм с медленным поскрипыванием его колес, неспешным проворачиванием, постукиванием и равномерным боем часов.

Волна удачи подхватила и понесла, случайности ловко зацеплялись одна за другую, и отъездную пору, представляющую для нормального человека бег с препятствиями, я преодолел за рекордно короткий срок. Всё получалось: нужные люди оказывались на своем месте, легко подписывали бумаги, не терзали придирками и заморочками. В принципе, к отъезду я был готов уже через три недели, но вмешались всякие мелкие пакости, порой оказывающиеся важнее всего прочего, и только спустя два месяца после разговора с капитаншей я вышел из здания аэропорта «Бен-Гурион», потрогал слоистый ствол пальмы, взглянул на небо с незнакомым расположением звезд и, впервые за последние месяцы, заплакал.

Устройство на новом месте также пошло легко, я записался в ульпан и посещал его через день на третий, поскольку ивритом, в рамках программы, владел совершенно свободно. В общем-то, я бы мог сам преподавать в этом ульпане или просто отказаться от него и сразу начинать поиски работы, но возможность полгода отдохнуть и насладиться спокойным узнаванием страны оказалась сильнее страха перед неведомым будущим. Я много ездил по Израилю, навещал знакомых, часами сидел в уличных кафе и рассматривал проходящих мимо людей. Они были очень разными и совершенно не похожими на тех, кого я привык наблюдать в Литве.

Через полгода ульпан закончился, я зашел в первое попавшееся агентство по трудоустройству, заполнил бланки. Оказалось, что предварительно нужно заплатить несколько сот шекелей, и я заплатил их, без лишнего слова. Агентша, смуглая восточная еврейка, стройная, как лулов, с пышной копной иссиня-черных, проволоочно торчащих волос, выдала мне направление на интервью. Я поехал.

Фирма называлась «Мульти-Лок» и выпускала всевозможные замки, железные двери для квартир, сейфы. Начальник отдела кадров переправил меня начальнику производства, тот начальнику цеха. В цеху стояли знакомые станки, привычно скрипело железо, сыпалась под ноги такая же стружка – обстановка выглядела куда более знакомой, чем на улице. Мы поговорили на общетехнические темы, начальник подивился моему ивриту, нестандартному для вновь прибывшего, я осторожно поинтересовался зарплатой – для начала она почудилась вполне приличной – и подписал договор.

По условию, мне полагалась отметиться в агентстве по трудоустройству, я вернулся обратно в городок, ставший теперь моим, и отдал агентше подписанный начальником отдела кадров корешок направления. Ее лицо выразило крайнее удивление.

– Что-нибудь не так? – осторожно поинтересовался я.

– Нет, нет, всё в полном порядке.

Через два дня я вышел на работу. С тех пор прошло пятнадцать лет, я давно получил «постоянство» и даже сделал небольшую карьеру. Фирма оказалась прочной и за эти годы превратилась в солидное предприятие, с которого я рассчитываю уйти на пенсию.

Несколько лет назад хозяин устроил для сотрудников день отдыха: всех посадили в автобусы и повезли на Мертвое море, в гостиницу с неподходящим для Израиля названием «Нирвана». В автобусе был телевизор, и всю дорогу крутили старые израильские фильмы, милые сердцу так же, как и пустынный пейзаж за окнами. После Арада дорога нырнула вниз, и автобус, не снижая скорости, понесся вдоль края обрыва. За голубой пропастью Мертвого моря вздымались сапфировые горы Моава, но на пейзаж никто не смотрел, внимание было приковано к телевизору. Даже водитель нет-нет да бросал взгляд на экран, вызывая у меня живейшее беспокойство за благополучный исход поездки.

Но добрались мы вполне нормально, публика сменила джинсы и куртки на плавки и купальники и рассыпалась по пляжу. Я уселся под зонтиком во дворе гостиницы, достал из сумки книжку и погрузился в чтение. Курортные восторги меня давно не трогают, а вид сотрудников и сотрудниц без верхней одежды настолько не эстетичен, что диву даешься, зачем людям понадобилось публично позориться. Я бы с удовольствием отказался от поездки и провел этот день дома, рядом с женой и детьми, но хозяин фирмы был непреклонен – танцуют все!

Рядом с нашими работницами на пляже резвилась еще одна организованная группа, видимо, идея дня отдыха оказалась не столь оригинальной. Часа через два ко мне за столик уселась женщина из второй группы, стареющий экземпляр бывшей восточной красавицы. Дамы Востока прекрасны в девушках, но, выйдя замуж, начинают стремительно утрачивать привлекательность. Раскурив тонкую черную сигарету, она осмотрела меня с головы до ног и вдруг спросила:

– Не узнаешь?

– Нет.

– Когда-то ты через меня на работу устраивался. Агентство помнишь?

Я присмотрелся; да, действительно, она. Но как изменилась!

– Простите, зачитался, не обратил внимания. Вы почти не изменились.

– Ну уж, ну уж, – притворно засмушалась она, – многое ушло, другое прибавилось.

Она покосилась на свои жировые складки и тяжело вздохнула.

– Знаешь, почему я тебя запомнила?

– Почему?

– Сейчас уже можно рассказать; агентство давно разорилось, а владелец сбежал в Канаду. Чтоб по-настоящему найти работу, нужно много связей и опыта, а хозяин хотел легких денег. Бюро это было просто «подставкой», липовой конторой. Он договорился с несколькими приятелями в разных фирмах и посылал к ним простачков вроде тебя. Клиент платил деньги, ему выдавали в течение нескольких месяцев три-четыре направления. Принимать его, конечно, никто не собирался, но ощущение, что деньги заплачены не зря, оставалось. Промашка вышла только с тобой, не знаю почему, но тебя приняли. Просто чудо!

Она попыхивала сигареткой и жадно пила пиво из одноразового пластмассового стаканчика. Я смотрел на ее крашенные под блондинку волосы, мокрой тряпкой лежащие на плечах, морщинки у крыльев носа, мешки под глазами и думал о тех маленьких случайностях, которые часто оказываются важнее больших и главных решений. Никогда нельзя знать, где можешь оказаться, наклонившись за укатившейся монеткой.

Моя судьба в Израиле сложилась благополучно; постоянная работа позволила спокойно устроиться, окружить себя удобными вещами и без страха поджидать старость. Жену я выбирал долго, пока не нашел ту, которая полностью вписалась в уже налаженный образ жизни. Трепет и восторги любви остались в прошлой судьбе, я искал товарища и помощника, а не предмет страсти. Надежды оправдались, жена не мешает мне делать мое дело, а я, в свою очередь, стараюсь максимально облегчить ей заботы по дому и воспитанию детей.

Впрочем, когда я пытаюсь сформулировать, в чем оно состоит, мое дело, то замираю в недоумении. Неужели два недельных урока по Талмуду и есть то, к чему я стремился? Волшебный мир чудес, которым мне представлялся Израиль из серого Вильнюса, оказался мифом. Если бы мне сказали, что всю оставшуюся жизнь придется вставать каждое утро в пять пятнадцать и убегать на работу, я бы решил, что меня проклинают. В Вильнюсе истории про праведников и мудрецов находились на расстоянии вытянутой руки – еще чуть-чуть, и они произойдут со мной, – в Израиле они удалились за книжные переплеты. Талмуд выбил из моей головы романтическую дурь, теперь меня занимают вопросы куда более правильные с точки зрения закона, но и куда более прозаичные. Наверное, я где-то ошибся, пошел не в ту сторону, и благословение Гаона потихоньку оставило меня, словно воздух, утекающий сквозь неплотно завязанный узелок воздушного шарика.

Если долго жить на одном месте, то потихоньку встречаешь всех, казалось бы, навсегда утерянных знакомых. Еврейский мир весьма тесен. Лет пять назад я оказался на Мухраке, одном из отрогов горы Кармель, где, по устной традиции Эрец Исраэль, пророк Элиёу устроил соревнования со жрецами Баала. На том самом месте располагается христианский монастырь, и чтоб попасть на его территорию, нужно пройти сквозь арку с крестом. Делать этого я не стал, а решил просто побродить вокруг, со склона открывался живописный вид на нижнюю Галилею. Неподалеку от ограды монастыря я заметил некое подобие буровой вышки, рядом располагались несколько фургончиков. Рабочие возились возле вышки, проверяя какие-то бурильные снасти.

Подойдя поближе, я узнал в одном из них геофизика из Вильнюса. Он раздобыл и весь лоснился, то ли от пота, то ли от прорывающегося наружу благополучия. Меня он узнал не сразу или не захотел узнавать, но я не постеснялся напомнить.

– А, – сказал он, запрокидывая на спину «стетсоновскую» шляпу, – старый знакомый. А я всё в поиске, всё в экспериментах.

То, что он рассказал дальше, звучало анекдотично, но тем не менее являлось реальностью, данной нам в ощущениях.

– Помнишь соревнования пророка Ильи со жрецами Ваала?

– Помню, – сказал я, – но церковно-славянские имена вызывают у меня идиосинкразию.

– Так вот, – продолжил геофизик, не обратив на мое замечание ровно никакого внимания, – что сделал Илья, перед тем как огонь пожрал жертвы?

– Облил их водой, – ответил я, дивясь глубине познаний геофизика.

– А откуда взялся огонь? – хитро прищурившись, спросил геофизик. Вид у него был торжествующий, чувствовалось, что эту загадку он задает не в первый раз.

– С неба спустился, – сказал я. – Пророк попросил, и Всевышний послал.

– Ну-у-у, – насмешливо протянул геофизик, – пророк, Всевышний – мы ведь взрослые люди, в двадцатом веке живем, должны разбираться в сути чудес. У каждого чуда есть материальная подоплека, понимаешь.

– Не понимаю, – сказал я. – Если есть подоплека, то это уже не чудо.

– Ты на правильном пути, – геофизик похлопал меня по плечу. – Всё просто, мокрое мясо может загореться только в одном единственном случае. Еще не догадался?

– Нет, – честно признался я.

– Если вокруг него есть газ! Понимаешь, газ! А где газ, там и нефть! Вокруг Израиля полно нефти, куда ни ткни, сплошные скважины, а тут ничего, пусто! А почему, ведь геологическая-то платформа одна?

– Так почему, действительно?

– Потому что не там ищут! В Книге Книг, Священном Писании, древние ученые оставили для нас зашифрованную запись, где искать нефть, и я первый, кто смог ее отгадать.

Меня начал разбирать смех.

– Так это вы нефть тут ищите?

– Да, – гордо произнес геофизик, – я проехал по всей Австралии с серией лекций и сумел убедить спонсоров в перспективности такого поиска. Скоро, очень скоро о нас заговорит весь мир.

– Ну и как скважина? – осторожно поинтересовался я. – Есть результаты?

– Нефти пока нет, – чуть сбавив тон, ответил геофизик, – но все сопутствующие признаки налицо.

Я подивился было его наивности, но, окинув взглядом буровую вышку, фургончики и рабочих, решил, что наивным геофизика назвать трудно. Какая-то иная причина заставляла его крутиться возле святых мест и не просто крутиться, а зарываться, закапываться в них. От могилы Гаона я его отогнал, тут ему удалось достичь большего.

Заметив мою скептическую улыбку, геофизик нахмурился.

– Ты что, и тут сторожишь? – произнес он, указывая в сторону монастыря. – Неусыпный часовой, понимаете ли! Так у меня официальное разрешение на руках. По форме и с печатями, могу показать.

– Успокойся, к этому капищу я никакого отношения не имею.

Геофизик приблизил ко мне свое лицо.

– А может, ты теперь другое место охраняешь, может, проблемы есть? Только скажи, мы тебе опять пособим.

Я уже раскрыл рот, чтобы спросить, кто это «мы» и как они собираются мне пособить, но запах, исходящий от геофизика, сразу всё поставил на место. Он был хорошо пьян, работничек, наверное, «принял» с самого утра и нес теперь всякую ерунду. Но одну вещь я всё же спросил.

– А чем, собственно, ты можешь мне помочь? И где?

– По жизни, – осклабился геофизик. – По жизни. Всем и везде. Благословение, например, получить или разрешение выхлопотать.

Он вдруг сменил тон и угрожающе зарычал:

– Что ты вечно болтаешься у меня под ногами! Из Вильнюса тебя выставили, так ты здесь топчешься. Брысь, пока не задавил!

Разговаривать с этим пьяным оболтусом было не о чем, я распрощался и ушел.

И с Авигдором мне довелось пересечься. Вернее не с ним, а с легендой о нем. Приехав в Израиль, Авигдор долго выбирал для себя подходящую компанию, пока не прилепился к ешиве на могиле Йосефа в Шхеме. Хабад к тому времени ему разонравился, и он с головой ушел в учение рава Кука. Обосновался Авигдор в Элон-Море, небольшом еврейском поселении возле Шхема и каждый день ходил в ешиву пешком, закутавшись в талис. Путешествие было довольно небезопасным, Авигдора несколько раз останавливал военный патруль и на джипе привозил к главе ешивы. Но Авигдор не обращал на опасности никакого внимания, утверждая, будто во время ходьбы его душа соединяется с душой праведника Йосефа и лучшей защиты невозможно придумать.

Так продолжалось несколько лет, арабы не трогали Авигдора, то ли считая его сумасшедшим, то ли предполагая, что за его подчеркнутым бравированием скрывается очередная уловка сионистов. В конце концов его оставили в покое, он даже превратился в местную достопримечательность.

Говорят, будто каждую из трех ежедневных молитв он читал по другому обычаю: утреннюю – как сефарды, дневную – как ашкеназы, а вечернюю – по молитвеннику кабалистов. Этот молитвенник Авигдор случайно обнаружил в лавке арабского старьевщика, неподалеку от гробницы праотцев в Хевроне. Старьевщик не читал на иврите и не понимал, о чем книга, но на всякий случай заломил тройную цену. После длительного торга, с уходами и возвращениями, молитвенник перешел к Авигдору.

Книга была издана в Стамбуле триста лет назад, и, чтобы установить подлинную ценность покупки, Авигдор показал ее раввину иерусалимской ешивы кабалистов, четыре века работающей в Старом

городе. Учеба в ней не прерывалась даже во время иорданского владычества над этой частью Иерусалима. Рассказывают, будто по личному указанию короля Хусейна в нее разрешили переехать нескольким кабалистам из сирийского города Халеб, и занятия проводились в подвале, при свете свечей.

Увидев молитвенник, раввин разволновался. Оказывается, это был один из десяти исчезнувших экземпляров уничтоженного издания. После смерти Шабтая Цви султан стал опасаться повторного возникновения ереси, смутившей души его еврейских подданных, и усилил контроль над типографиями. Молитвенник был набран по рукописному экземпляру, принадлежавшему главному кабалисту Стамбула. Кто-то донес, будто издание молитвенника может привести к усилению мистических настроений, и султан распорядился уничтожить тираж вместе с оригиналом. При подсчете перед сожжением выяснилось, что не хватает десяти экземпляров. Работников типографии пытали, но попытки ни к чему не привели.

Раввин попросил Авигдора продать ему молитвенник, но Авигдор не согласился. Тогда раввин предупредил, чтобы он молился по этому обычаю не больше одного раза в день.

Еще рассказывают, будто во время еды Авигдор часто надкусывал нижнюю губу, и, опасаясь проглотить капельки крови, предпочитал поститься от субботы до субботы. Седьмой день недели он проводил в здании ешивы, рядом с могилой Йосефа, воздерживаясь от сна и посвящая все двадцать четыре часа молитве. Молился он с таким жаром, что талисы у соседей по скамейке иногда начинали тлеть. В субботу запрещено гасить огонь, и глава ешивы распорядился установить в углу двора большую бочку из нержавеющей стали, куда молящиеся могли выбрасывать горящие талисы.

На Хануку волчок, запущенный Авигдором, крутился всегда дольше других и, останавливаясь, падал вверх гранью с буквой «нун». В Пурим, во время чтения «Мегилас Эстер», от его ударов ногами об пол, при произнесении имени Омана, трескались гранитные плиты, а на Пейсах он ел только мацу, запивая ее холодной водой из ручья.

В одно утро Авигдор не явился в ешиву. Поначалу никто не обратил внимания, мало ли какие дела могут быть у человека. Но когда он не явился и на дневную молитву, глава ешивы позвонил в Элон-Море. Соседи сказали, что этим утром Авигдор, как обычно, закутался в талис и ушел по направлению к Шхему. Подняли на ноги военную часть, собрали всех свободных поселенцев и начали поиски. Авигдора обнаружили только ко времени вечерней молитвы; он лежал, закутанный в талис, испещренный красными пятнами крови. На его теле обнаружили десятки ножевых ран, словно бандиты никак не могли насытиться только одной смертью. Стамбульский молитвенник, который он всегда держал при себе, бесследно исчез.

Когда талис развернули, показалось лицо Авигдора, с навеки застывшей улыбкой счастья.

Его похоронили возле поселения, на маленьком кладбище, откуда видны и гора Грзим, и гора Юваль, и зловещее скопище домов в ущелье между ними – Шхем.

Наверное, это всё. Впрочем, еще одна небольшая подробность.

В нашем городе проживает Кречневский Ребе. Настоящий Ребе, с настоящим хасидским двором, несколько сотен хасидов в «штраймлах» и белых чулках сильно оживляют городской пейзаж. На седьмой день Пейсаха, в ту ночь, когда Г-сподь разверз перед беглецами воды, Ребе тоже переходит море. На пол синагоги наливают воду, и Ребе танцует, пока она не просохнет. Зрелище необычайно живописное, и я уже много лет хожу в Кречнев послушать хасидские песни, исполняемые хором в несколько сот голосов, и посмотреть на танцующего Ребе.

В этом году всё шло как обычно, я поднялся на крыльцо, где курили молодые хасиды, и стал пробираться к входу. Внезапно один из них бросил сигарету и двинулся за мной. В зал мы вошли вместе. Обыкновенный парень, рыжая борода, черная капота из набивной ткани, новенькая меховая шляпа – видно, недавно женился. Он осторожно прикоснулся к моему рукаву и по-русски спросил:

– Вы меня не узнаете?

– Нет, не узнаю.

Еще бы, кречневский хасид, разговаривающий на русском языке. Вот не думал, что такие вообще существуют!

– Я Авраам, внук реб Берла.

– Почему Авраам, вас же звали Витаутас?

– Ну, когда это было. Одно ушло, другое прибавилось... Вам большой привет от дедушки.

– От дедушки?!!

Реб Берл переехал в Израиль семь лет назад и поселился в Бней-Браке. Я несколько раз побывал у него, помогал с устройством на новом месте.

В один из визитов он посадил меня за стол, сам уселся напротив и произнес маленькую речь. На реб Берла это не походило, обычно он довольствовался двумя-тремя фразами, да и то произнесенными сквозь зубы, словно нехотя.

– Ограда мудрости – молчание! – было его ответом на большинство моих вопросов. Наверное, я раздражал реб Берла своим суетливым стремлением ухватить сразу и много.

– Если перескакивать через ступеньку, – говорил он, – этой ступеньки будет не хватать. В духовном восхождении нельзя торопиться. Ногу нужно ставить обдуманно, словно идешь по канату над пропастью. И не суетиться, не суетиться!

– Ты знаешь, – спросил он, – что Эрец Исроэл накладывает тфилин?

– Эрец Исроэл? Тфилин?!

– Да, Эрец Исроэл. Тфилин для головы – могила патриархов в Хевроне, а для левой руки – могила Йосефа в Шхеме. Каждая страна, в которой живут евреи, накладывает свои тфилин.

– И Литва?

– Литва – уже нет. После того как перенесли с правильного места могилу Гаона, тфилин упали с ее головы. Теперь евреям в Литве делать нечего.

– А где тфилин для руки?

– Не знаю. Я ведь не настоящий хранитель могилы. Последний, кто по праву получил это звание, погиб в Штутгофе. С ним пропали тайны, которые передавались по цепочке от хранителя к хранителю. Мы с тобой эрзац, подделка, сосиски из сои.

– А зачем могиле хранитель?

– Как знак почтения. Если место охраняется, значит, в глазах людей оно важно. Вроде почетного караула, как сам знаешь где, не будь рядом помянуто. Кроме того, «Псалмы» отгоняют от могилы праведника нечистые силы.

– Про силы вы мне уже рассказывали, еще в Вильнюсе. Но им-то зачем могила?

– Оттуда, где лежит тело праведника, приоткрывается вход в иной мир. Душа праведника иногда спускается к телу, поэтому дверь не прикрыта так плотно, как во всех остальных местах. Иной мир – это много света, много энергии. Нечисть ищет подпитку. А хранитель своим присутствием мешает. Настоящие хранители знали много секретов, а у нас, кроме веры и «Псалмов», ничего не осталось. Но и они – мощное оружие.

– И кто теперь хранитель могилы Гаона?

– Никто. Ключ висит в синагоге. Никто. Но ты будь поосторожней, ты меченый, она такого не прощает.

– Кто она?

– Нечисть. Тому, кто борется против нее, нужно держать ухо востро. Пока ты держался возле могилы, тебя охраняла святость Гаона. Будем надеяться, что здесь нас защитит святость Эрец Исраэл.

Через год реб Берла навестил внук, Витаутас, и на следующий же день они поехали в Тель-Авив, посмотреть пуримский карнавал. Возле Дизенгоф-центра, когда реб Берл уже подзывал такси, чтобы ехать домой, раздался взрыв. Араб-самоубийца разлетелся на куски, а вместе с ним около десятка детей в карнавальных костюмах. Витаутас остался жив, но волна огня сожгла его лицо. Реб Берл не отходил от постели мальчика ни на минуту.

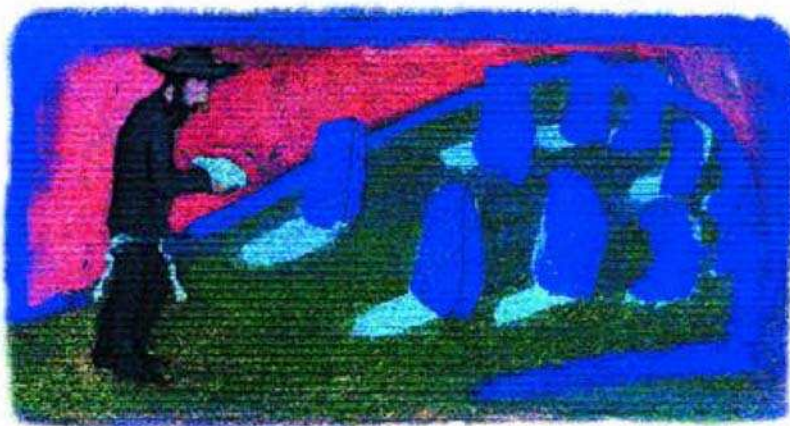
– Ему не больно? – спрашивал он врачей. – Ему не больно?

– Он в коме, – отвечали в пятый, в десятый и в пятнадцатый раз терпеливые врачи. – Болевой шок. Он даже не успел ничего почувствовать.

Витаутас умер, не приходя в сознание, в момент смерти реб Берл держал его за руку и читал «Псалмы».

Тело выдали родителям в запечатанном гробу – узнать мальчика было невозможно. Юозас ничего не сказал тестю, ни одного слова, а в ответ на предложение похоронить Витаутаса на Святой земле, отрицательно покачал головой.

– Он литовец, – произнес он, обращаясь к жене, – и должен упокоиться в священной земле Литвы.

После того как самолет с гробом и родителями взял курс на Вильнюс, реб Берл вернулся в Бней-Брак, сел на диван в своей комнатке, раскрыл Талмуд и скончался от обширного инфаркта.

Я часто хожу к нему на могилу, читаю «Псалмы». Через три ряда похоронен Хазон Иш, – закончив у реб Берла, я иду туда и задерживаюсь надолго. Недавно я познакомился там с одним стариком. Он молится как-то по-особенному, необычно. Мне кажется, что он настоящий хранитель могилы, и я изо всех сил пытаюсь сойтись с ним поближе. Но старик неразговорчив, пока мы только здороваемся.

Кто он, этот кречневский хасид, почему он выдает себя за погибшего внука реб Берла? Что ему нужно от меня, и хасид ли он вообще? Если шутка, то дурная, впрочем, нет, на шутку не похоже. Неужели нечисть пришла за мной? Неужели наступил мой черед? Самые причудливые мысли закружились у меня голове.

Я обязательно расскажу и эту историю, но как-нибудь в другой раз. Если доживу. Дай то Б-г! Если доживу.

МАЛО НЕ ПОКАЖЕТСЯ

Yoad Eyal

АНА, ЕАЕ ІАВАО...

Ночью накануне вылета Гершона в Нью-Йорк его жена видела сон.

– Это было до того реально, – рассказывала она, когда он упаковывал чемодан. – Бордюрный камень, выкрашенный красным и белым, а на столбах – объявления о продаже квартир, знаешь, с такими отрывными листочками... Всё, как наяву. И даже был мужчина, который убрал за своей собакой и выбросил скомканный обрывок газеты в мусорный бак. До того обычно, буднично...

Гершон торопливо и тщетно пытался запихнуть в небольшой чемодан побольше одежды и рекламных проспектов. Обычно жена помогала ему собираться, но сейчас она была так увлечена своим сном, что даже не подумала предложить ему свою помощь. Сон, очевидно, продолжался не более десяти секунд, но жена пересказывала его так долго, что почти довела Гершона до слез.

Через три часа он должен был улететь в Нью-Йорк, чтобы встретиться там с крупнейшим производителем игрушек во вселенной, а когда мы говорим «крупнейший во вселенной» – это не избитое клише, а реальный факт, основанный на многочисленных данных. И этот промышленник, если Гершон правильно разыграет свою карту, меньше чем через двадцать часов может купить у него идею детской настольной игры под названием «Задержанный полицией» и превратить ее в «Монополию» двадцать первого века. Никак не меньше. И не только в Америке – во всем мире. Это, конечно, не красно-белый бордюрный камень или собачье дерьмо, которое собирают «Спортивным приложением» к газете, но успех такого масштаба – это, согласитесь, тоже кое-что, и было бы приятно увидеть, как жена реагирует на него хотя бы с некоторым воодушевлением.

– ...И тогда вдруг передо мной появляется папа с детской коляской и говорит: «Посторожи ее». Точно так и говорит. Оставляет коляску возле меня и уходит, словно это самое обычное дело на свете, – продолжала жена Гершона, в то время как он сам безуспешно пытался застегнуть молнию на своем чемодане. – А девочка в коляске выглядела печальной и одинокой, словно крохотная старушка, и мне захотелось взять ее на руки и прижать к себе. И всё было так реально, что, проснувшись, я лишь через минуту поняла, как с улицы я попала в нашу спальню. Тебе такое знакомо?

ААНИ ІЕІ ЕНОАІ

Альбинос, сидевший рядом, пытался завязать с ним беседу. Гершон отвечал вежливо, но неохотно. Он слишком давно летал самолетами, чтобы не знать дальнейшего. Есть действительно симпатичные люди, а есть и такие, что стараются хоть немного сблизиться с вами лишь с одной целью – чтобы, когда после взлета они положат руку на общий подлокотник, вам стало бы неловко не уступить им права первенства.

– Никогда раньше не летал в Америку, – говорил альбинос. – Говорят, полицейские там совсем сумасшедшие. Стоит пройти на красный свет, и тебя сразу бросают в тюрьму.

– Всё будет нормально, – произнес Гершон и закрыл глаза.

Он представил себе, как входит в офис генерального директора «Глобал той», дружески, но твердо пожимает руку седовласому человеку, сидящему за столом, и говорит: «Мистер Липскер, у вас есть внуки? Сейчас я расскажу вам, во что они будут играть этим летом». Левая нога Герсона не переставая нервно постукивала по стенке салона. «Надо помнить, что нельзя дергать ногой во время встречи, – сказал он себе, – это выдает беспокойство».

К еде, что дали в самолете, Гершон не притронулся. Сосед-альбинос в два счета разделался с курицей и салатом, словно это было самое вкусное блюдо на свете. Гершон снова взглянул на тарелки, стоявшие у него на подносе. По виду ничего вкусного там не было. Шоколадный торт напоминал собачьи экскременты из сна жены; правда, яблоко показалось вроде бы неплохим. Он завернул его в салфетку и сунул в свой пустой «дипломат». «Нужно было и проспекты положить в “дипломат”, – подумал Гершон. – Что будет, если чемодан потеряется?»

ÀÑÀ Ì Û ÈPÀÈ

Чемодан потерялся. Пассажиры, летевшие одним рейсом с Гершоном, уже ушли, альбинос тоже. Пустая лента транспортера продолжала двигаться еще несколько минут, а потом утомилась и встала. Сотрудница компании «Континенталь» сказала, что она очень сожалеет, и записала адрес гостиницы Герсона. «Очень редко, – сказала она, – но ошибки, увы, случаются. Все мы люди». Гершон, однако, иногда чувствовал, что это не про него. Вот, например, Аран умер прямо у него на руках в больнице «Ланиадо». Если бы Гершон был человеком, он тогда, конечно же, расплакался бы или впал в депрессию... Нет, не случилось. Близкие объяснили ему, что он просто еще не осознал происшедшее, что на это требуется время, и лишь когда он действительно всё осознает, сердцем, а не умом, тогда его проймет. Только вот прошло уже десять лет, а Герсона всё не проняло. Ничего похожего. Когда ему не позволили поступить на офицерские курсы, он плакал, словно девчонка, он помнит: пораженный старшина смотрел на него, просто не зная, что делать. А когда умер его лучший друг – абсолютно ничего. Вы бы поверили?

– Мы, разумеется, вернем вам сто двадцать долларов за одежду и личные принадлежности, – сказала стюардесса. – Ну, знаете, зубная щетка, пена для бритья. Это всё перечислено на обороте бланка. – Она указала нужное место на листке и добавила: – Я действительно сожалею, ну просто очень.

Ì ÀÈÌ ÍÁ Ì ÎÈÀÈÀÒÑÛ

В холле здания компании игрушек «Глобал той» стоял молодой человек в дешевом костюме. Тоненькие усики слегка неестественно изгибались над верхней губой его приоткрытого рта. Гершон хотел спросить человека, где лифт, но через секунду обнаружил его сам. Тот факт, что он прибыл на встречу без проспектов, будет, конечно же, расценен мистером Липскером как непрофессионализм. Это Гершон понимал. Надо было положить в «дипломат» хотя бы описание товара. Он, разумеется, так бы и поступил, если бы не дурацкий сон жены, рассказ о котором неотрывно звучал у него в ушах, пока шли сборы.

– Удостоверение, – произнес усатый.

– Извините? – удивленно переспросил Гершон.

– Удостоверение! – повторил усатый и бросил стоявшему рядом с ним лысому негру в сером пиджаке: – Ты посмотри, что за типы сюда приходят!

Гершон медленно копался в карманах. В Израиле он постоянно предъявлял документы, но за границей это было впервые. Да и этот нью-йоркский английский. Усатый говорил так, словно еще миг – и он наденет на Герсона наручники и зачитает ему права.

– Мы отнимаем у них время, а? – сказал усатый чернокожему в пиджаке.

– А почему бы и нет, – обаятельно улыбнулся «пиджак», обнажив желтоватые зубы. – Нам-то всё равно здесь стоять.

– Вот что я скажу тебе, Патрик, – промолвил усатый и заглянул в паспорт, протянутый Гершоном, – мама не случайно назвала тебя Патриком. Ты просто святой.

Он вернул паспорт и что-то пробормотал. Гершон кивнул ему и двинулся к лифту.

– Минутку, – сказал усатый ему вслед. – Куда это ты рванул? Поди-ка сюда, придурок. Ты что, английского не понимаешь?

– Я таки очень понимаю английский, – нетерпеливо отвечал ему Гершон. – Только, с вашего позволения, я очень спешу на встречу.

– Я просил вас открыть чемоданчик, мистер «Я-таки-понимаю-английский». Вы сможете сделать это для меня? – передразнил усатый израильский акцент Герсона, а стоявшему рядом и забавлявшемуся «пиджаку», который изо всех сил сдерживал улыбку, бросил: – Говорю тебе, это просто какой-то зоопарк.

Гершон подумал о надкушенном яблоке в пустом чемоданчике. Он попытался представить, как издевательски среагирует на него усатый, и не смог. Черный в пиджаке несколько секунд старался сдержаться, но в конце концов разразился смехом.

– Ну, открывайте уже, – продолжал усатый, – вы понимаете, что такое «открыть», а, мистер? – И быстро произнес слово «открыть» по буквам.

– Я понимаю, что такое «открыть», – ответил Гершон и крепко прижал к себе чемоданчик. – Я понимаю также, что такое «закрыть» и что такое «номинальный доход» и «оксюморон». Я даже знаю, что такое второй закон термодинамики и трактат Витгенштейна. Я знаю массу вещей, которых ты никогда не узнаешь, пустышка заносчивый. И один из этих секретов, который никогда не попадет в твою крохотную черепную коробку, это то, что у меня лежит в этом чемоданчике. Ничтожество, ты вообще имеешь представление, кто я? Зачем я сегодня пришел сюда? Ты хоть что-нибудь знаешь о жизни, о мире, что-нибудь, помимо номера автобуса, который привозит тебя сюда и увозит назад, помимо имен соседей в грязном многоквартирном доме, где ты живешь?

– Мистер... – «Пиджак» попытался с профессиональной вежливостью остановить поток слов, но было уже поздно.

– Смотрю я на тебя, – продолжал Гершон, – и в один миг прочитываю историю твоей жизни. Всё ведь написано у тебя здесь – на твоём низком лбу. Всё. Самым счастливым днем твоей жизни станет тот, когда футбольная команда, за которую ты болеешь, победит в чемпионате. Самым ужасным – когда твоя толстая жена умрет от тяжелой болезни, на лечение которой не хватит вашей медицинской страховки. А всё, что останется между двумя этими вехами, пройдет, словно короткий непристойный звук, и, когда в конце жизни ты попытаешься оглянуться назад, ты и запаха, который ему соответствует, не сумеешь вспомнить...

Удар был настолько быстрым, что Гершон не успел даже почувствовать, как кулак врезался ему в лицо. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит в холле на полу из мраморных плит, уложенных с большим вкусом. Очнуться его заставили удары по ребрам, а также низкий приятный голос, чем-то напоминавший голос ведущего ночных радиопередач.

– Оставь, Хуан, не стоит он этого, – уговаривал голос.

На полу, Гершон заметил это только сейчас, маленькими золотистыми камушками была выложена буква «G», одновременно бывшая и первой буквой его имени. Ко всему этому можно было отнестись, как к цепи случайностей, однако Гершон предпочел вообразить, что строительные рабочие, возводившие небоскреб, знали, что однажды он придет сюда, и хотели в его честь сделать что-нибудь такое, чтобы он не чувствовал себя одиноким и нежеланным в этом бездушном, негостеприимном городе.

...Удары не прекращались, и он ощущал их с предельной реальностью – как ощущала сон его жена. Может, та малышка, которую ее отец оставил в коляске, – это она сама. Может быть. Ведь ее отец был изрядный балбес. Может, поэтому сон и был ей так важен. И если ей во сне хотелось, чтобы ее обняли, Гершон ведь мог это сделать. Мог просто оторваться на секунду от своей глупой возни с неподдающимся чемоданом, который сейчас наверняка обнюхивает чужие лодыжки на ленте транспортера в каком-нибудь малюсеньком аэропорте на Среднем Западе, крепко обнять ее и сказать: «Я здесь, милая. Пусть я сегодня и улетаю, но очень скоро вернусь».

Чернокожий в пиджаке, стоявший прежде рядом с усатым, помог Гершону подняться и спросил: «Вы в порядке, мистер?» Он протянул Гершону его «дипломат» и бумажную салфетку. «У вас чуть-чуть идет кровь». Он подчеркнул слово «кровь», но в то же время попытался уменьшить его до размера капли. Усатый сидел на стуле возле лифта и плакал.

– Прошу вас извинить его, – сказал чернокожий, – у него сейчас трудный период.

Слово «трудный» он тоже подчеркнул.

– Не извиняйся, – проговорил усатый сквозь слезы, – не проси прощения у этого мерзавца.

Чернокожий пожал плечами и растерянно запыхтел: «Его мать... – пытался прошептать он на ухо Гершону, – только не говорите ему...»

Усатый завыл в голос: «Не говори ему ни слова о моей матери, слышишь? Иначе и ты схлопочешь – мало не покажется».

DI DOA O

Мистер Липскер улыбнулся и спросил:

– Вы уверены, что всё в порядке? – А потом добавил: – Ваш глаз... и нос. У вас из носу идет кровь.

Он вовсе не был седовласым, как представил себе было Гершон. И был моложе его.

– Все мои проспекты в чемодане, – сказал Гершон, – а чемодан потерялся.

– А, проспекты, – проговорил мистер Липскер. – Ладно, не страшно. Вы ведь всегда можете прислать их мне по почте. Однако ваш глаз... Я не врач, но, похоже, нужно наложить швы.

– «Задержанный полицией», – Гершон оставил без внимания слова Липскера, – может быть, первая настольная игра в истории, которая не навязывает ребенку готовые решения, а побуждает его искать собственные. В некотором роде можно рассматривать эту игру как последовательное изучение пятен Роршаха: когда ты движешься к желаемой цели, вопросы заставляют тебя напрягать воображение.

– Поразительно, – улыбнулся Липскер, – это и в самом деле звучит поразительно. «Пятна Роршаха». Я беру это, честное слово, беру. Сколько крови, Г-споди, кто это вас так?

Ī adāāā ā ēādeōā

Āēāēāā ādā ēōpēāā

Я поляк, оттого что об этом говорили мне польскими словами в родительском доме. Оттого что с младенчества вскормлен польскою речью. Оттого что польским стихам и песням учила меня мама. И первая поэтическая волна, накрывшая меня с головой, рассыпалась брызгами польских слов. Поэзия – суть моей жизни – немыслима на другом языке, даже если владеешь им в совершенстве.

Я поляк, оттого что по-польски поведал о первой любви – лепетал о радостях ее и грозах. Я поляк, оттого что поэт. И поэт, оттого что поляк.

И еще оттого, что береза с ивой милее, чем пальма и кипарис, а Мицкевич с Шопеном – дороже Шекспира и Бетховена. Отчего дороже – разуму опять-таки недоступно.

Я поляк потому, что глубоко усвоил некоторые, сугубо польские недостатки. И польских фашистов ненавижу больше, чем всяких иных. Вот самое серьезное доказательство, что я – настоящий поляк.

И главное – хочу быть поляком.

3. Мне скажут: пусть так. Но если ты – поляк, откуда же – «мы, евреи»? Ответ прост: всё дело в крови.

Так, значит, расизм?

Нет, вовсе не расизм. Совсем не то.

Кровь бывает разная: та, что течет в жилах, и та, что выкачивают из жил. Кровь в жилах – телесный сок. Исследование ее – дело физиологов. Люди, которые приписывают ей таинственную силу и некие особые свойства, кроме органических, – такие люди превращают в развалины целые города, уничтожая миллионы живых существ, чтобы в конце концов, как скоро мы убедимся, обречь на гибель своих же братьев.

Но есть еще кровь иная. Атаман международной фашистской шайки выпускает ее из человечества во имя мнимого превосходства его породы над моей. Кровь невинно загубленных миллионов не тает в артериях, а льется у всех на глазах. Такого потопа не видел мир. Обильными, глубокими ручьями струится кровь евреев (не «еврейская кровь»). Бурные и потемневшие, сливаются они в бурную, пенистую реку... и в этом новом Иордане я приемлю крещение – кровное, горячее, мученическое братство мое с евреями.

Примите меня, братья, в благородный орден невинно пролитой крови: вашу кровью обязан я причаститься.

Звание еврея *Doloris Causa* – пусть оно будет даровано польскому поэту. Даровано народом, из которого вышел. Не за какие-нибудь заслуги, – нету заслуг. Только несколько польских стихотворений, которые переживут меня и память о которых будет связана с моим именем польского еврея.

4. На метках, пришиваемых в гетто, – звезда Давида. Я верю в такую грядущую Польшу, где моговид станет одним из высших отличий. Самые заслуженные солдаты и офицеры будут носить его на груди рядом с прежним *Virtuti Militari*. Появится и крест Гетто – глубоко символическое имя! – и орден Желтого Лоскута, более почетный, чем многие награды прошлого. В Варшаве и других городах сохранят нетронутым уголок гетто – памятник позора наших врагов и славы растерзанных наших братьев. Мы обведем его цепью, перекованной из добытых в бою гитлеровских пушек. Каждый день будем вплетать в железные звенья свежие, живые цветы, дабы вовеки живым и свежим остался в памяти грядущих поколений образ загубленного народа.

Появится новая святыня. Мы расскажем о мученичестве, которому нет равного в истории человечества. А в самом сердце памятника, что окружен «хрустальными дворцами» вновь отстроенного города, – в самом сердце затеплится неугасимая лампада. И прохожие обнажат головы... А христиане осенят себя крестным знаменем...

С гордостью, со скорбной гордостью примем мы, чудом спасенные, высокое звание польского еврея... С гордостью? Нет, с чувством раскаяния и жгучего стыда. Ибо звание это присвоено нам за ваши муки, за ваши подвиги, Искупители!

5. Мы, польские евреи... Вечно живые. Сгинувшие в гетто и лагерях. И евреи-призраки, что возвратятся на родину из-за моря-океана – пугать обитателей развалин уцелевшей телесной оболочкой своей как будто бы уцелевшей души.

Мы – иллюзия жизни. Тени замученных братьев. Гробовая правда. Ходячие скелеты с живыми лицами. Огромная братская могила. Кладбище, какого никогда не было и не будет.

Задохшиеся в газовых камерах. Перетопленные на мыло. Которому не смыть нашей крови, не выскоблить преступлений. Те, чьими мозгами обрызганы стены убогих жилищ. Расстрелянные только за то, что – евреи...

Две тысячи лет назад мы подарили миру невинно убитого Римской империей Сына Человеческого... Что же возникнет из миллиона смертей, пыток, издевательств, последних судорог?

Шлёмы, Срули, Мошки, пархатые Бейлисы, жидки чесночные, чьи имена и прозвища затмят Ахиллеса, Болеслава Храброго и Ричарда Львиное Сердце. Как встарь, в катакомбах, в подземных коридорах под мостовыми Варшавы шлепаем мы по грязи сточных каналов, удивляя товарищей наших – крыс.

С ружьями на баррикадах. В развалинах разбомбленных домов. Воинство свободы и чести.

– Эй, Ёйна, иди воевать!..

Пошел, милостивые государи, и отдал жизнь за Польшу.

Мы, для кого крепостью был каждый порог каждого дома, под обломками которого и погибали.

Польские евреи, одичавшие в лесах, кормившие перепуганных детей корешками и травами, пробиравшиеся ползком, припадая к земле, вечно настороже, с чудом раздобытой, дорого оплаченной древней двустволкой...

– А слышал, милейший, анекдот про еврея-лесничего? Великолепный! Он, понимаете ли, выстрелил, да со страху... Ха-ха-ха...

Мы – Иовы, мы – Ниобеи, оплакивающие сотни тысяч наших детей... Груда раздробленных, растертых в прах костей, изуродованных, исполосованных тел, заровнявших глубокие рвы и овраги.

Мы – вопль боли, такой пронзительный, что услышат нас самые отдаленные века. Мы – Плач, Стенание, Хор, завывающий надгробное Э-л-Моле-Рахамим, чье эхо будет звучать из столетия в столетие.

А еще – то великолепное мясное месиво, куча кровавых отбросов, органические удобрения, внесенные в польскую землю, чтобы возвращенный на ней хлеб свободы казался более сладким.

Мы – кошмарный заповедник, последние могикане. Какой-нибудь новый Барнум будет возить нас по свету, возвещая на пестрых плакатах: «Неслыханное зрелище! The biggest sensation in the world! Польские евреи – живые, настоящие!» Мы – Камера Ужасов, Schreckenskammer, Chambre des Tortures! **НЕРВНЫХ ПРОСЯТ УДАЛИТЬСЯ!**

На реках заморских стран сидим мы и льем слезы, как некогда на реках вавилонских. По всей земле с плачем ищет Рахиль детей своих и не находит!

Рассеянные на берегах Гудзона, Темзы, Евфрата, Нила, Ганга и Иордана, мы бродим, взывая: «Висла! Висла! Мать наша родная! Серая Висла, не зарею подрумяненная, а от крови порозовевшая!»

Áíεά, Áíεά! Ì àúú ðíáí áγ!

12. Άά άάάά ίίά άάάάά:άíά ðáçüíì áεάέçíüí è ñáéíüí. - «Ðáçüíì áεάέçíüí ñíέíáí, - íá άá:ίíά άάáí γíá εάí íá áíðáçáí ú áúέέ!» (Éíá, XIX, 24)

13. Íá όέέάά όάεαό ίά çáí εά άέóγ è ñáðáú... - Άάò è ñáðáúú εάεαό ίά çáí εά ίí όέέάí; áááí ì íè è þííθè ίάέè íò ì á:á; Óú όάέάè èó á ááí ú áááá Óáíáá, çáέέáé ááç íííááú (Í έá: Éάáí èè, II, 21).

14. Άðíñέè áεçíüí.. - Í έá: Éάáí èè, III: 53 «Í íááðάè áεçíüí ì íþ á γí ó è çáέέάάέè ì áíγ εάí íγí è. 54. Άíáú ííáíγέéñí áí áέíáú ì íáé; ñéαçé γ: "ίíάέά γ". 55. Β íðεçáάé èí γ Óáíά, Á-ñíáé, εç γí ú áέáíέíé. 59. Óú áεάέóü Á-ñíáé, ίάέάó ì íþ; ðáññúé ááéí ì íá 64. Άíçáé èí, Á-ñíáé, íí ááéáí. 65. Ííθέé èí íí ðá:άíεά ñáðáúά è íðíέéγóεά Óáíά 66. Í ðáñέάάé èó, Á-ñíáé, á ááí, è εñóðáé εç ííáí áááí íé».

15. Νíóεγ Άόάíá - Νíóüγ Νáí áííáíá Άόάííáá-Ýðééó (1885-1986) - áí:ú εçááíðííá éñóíðééá Ν. Άόάííáá, ίíάέάóάá á Ðεαéñéíí ááò óí (1941), è αάíá Ó. Ýðééóá, éεάáðá ííέúñέíá Άόάíá (Άάðéñέíá ðááí:áá ñþçá), óíáá αά (1941) ðáññóðáéγíííá á ΝΝΝÐ. Ó:άíέóá Άóí εέάáá Εέéá á Ðíñéé, Ííέúóá, Óðáí όέé, ΝΘÁ. Άáóíð óðáó ííγóέ:άñέéó éí εά..

ÉÉΒΘÁÌ

Í á ì íáέάó ñáεαγ óðáá,

Èí çáááí úγ íáò.

Í έ:áá íá óí:ó çááúάóú

Á :άάáá ì íέó áí áé.

È ó óíé, :óí ááú ñóðáí ðíáí áé,

Í έ:áá íá íðέó

Í áí ðáééíííçþ ááðí íñóú áé,

Νέíáí í óáí è, ííθά

È ííá ááíðéò ñ ì ííé

Áíέíñáí è ñóέóíá è ñóáí áé,

È ééγíóüü á þáíέé çáí ííé

Í á ñí èí ó óáí áé.

Á éíáá í áí ðíááí úé ñíí

Óάáþéááò íέíóú ì íþ,

Áú áñúóéóá óέóέé çáí -

Ýóí óáí è ì íé ííþò.

4

- *Í àì à, óεε ίίείίí:ú; à ì óεα àñ, ίαòó!*

Ýòíò ðàçáíείέέ ó εαί ùείú ãá-òí!

- *Çà:áì εάññαóí ñòðαοίίí, Άείά?*

Í ίεαò áúουú ίðñòí

ίίíáε ίίá ì àσείά

5

Áááεά ã ðεò á ί αόεά

Í à:áεúñò áí - á ãññε ùáí έε,

Í ίñέίεúέó áñáò ðύεε

Ááεεçε áá ã ðáí έý.

6

Έεάά ÷àì óεαí çà Í ίέσάε,

Ñíέíí ίί εαίáò ίá Έέçá

Ááε έì, Ά-ñí ίáε, ίίáíεúεά

Έί òάñí à-

öèííáεεçì á!

7

Í ó çà:áì ñòíεúέí ñ:áñòúý ññαçé

Í έαòýò áíεúεά à ááí áá ίáò...

Àã, øèèì àçé òú, àã, øèèì àçé!

Àõ òú, áúáøéé áúúéúé áõþí àò...

8

- Àèòà, ó í áúúí áèçí áúí í èáí í í í á èé àè ò úú.

Í úí : á ý í í çáí í í ðé áó áí í í é.

- Àã, Ñí èí í í : è é í í é áí ðí á é,

B í í áò ò á á á í í à ý ò í í á á ý ò ú ú ?

9

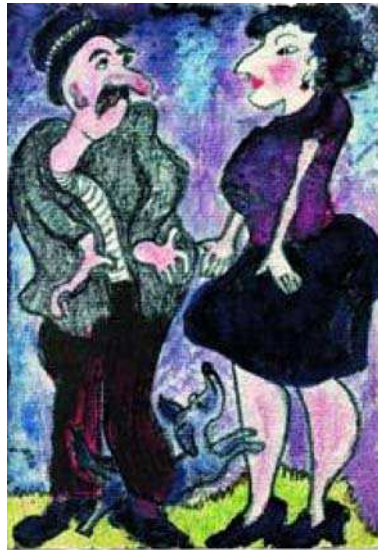
- Í ðé èí í í ó í è çí á (íúú ø è ø ú Í à ò á í ?)

È á æ á í í ó - íí á ú ò á á í í ú é á ý ð í í é á í.

Í ðá á ú ò á á ú ç á á ç è é í á ð á á ð é í

á Í á á á á í.

Á á ý ò ú : á ú á - è ý ó æ á ò á í.

10

- Çí è í ò í á ú ò ú ? Í ðé ç í á á á è í ú, Á á á á í !

- Í ó ò á è é á ú ò ú ð í á í í ò ò í è è í í á á í í .

- × ò í á í í é í é í ó

í í í á ú è í ò ó !

- Çí è í ò ó á Ñ á á á ! Ó á á ý ç í á ó !

МИРЬЯМ, ЛЕВИ И БОЛЬШАЯ ВОЙНА

Î àdê Çàé:éé

6 дней и лет

М.: Параллели; Дом еврейской книги, 2005. – 216 с.

«Мирьям Абрамовна Эшколь, скорее полная женщина, чем нет, лет около семидесяти, в платье до пола, вышла ко мне в кухню, где я был усажен у обеденного стола по приходе, быстрой неделовой походкой и подняла блестящие, любопытные глаза на мое широкое лицо неместного человека».

Первая фраза книги Зайчика об Эшколе. Мне приходилось слышать, что Зайчик «пишет плохо», в подтверждение ссылаются и на это начало: читать невозможно, спотыкаешься. Я, кстати, цитирую не как в книге, а как в рукописи; редактор не мог смириться, решил хоть немного улучшить: взял в скобки «где я был усажен у обеденного стола по приходе» – так структурней, стало быть, и понятней.

На самом деле, конечно, ухудшил. Непонимание эстетики текста: художественный эффект как раз в этой стилистической вязкости, – не разбежись, вернуться и неторопливо прочесть еще разок. Узнаваемо сразу, в этом весь Зайчик. Не для любителей хотdogов.

«В этот февральский иерусалимский день даже в полдень было темновато на улице в лучшем столичном районе Рехавия, расположенном на холме напротив парламента».

Февраль неслучаен: в феврале Эшколь умер. Самый темный и сырой месяц в году. В Иерусалиме, конечно. Насыщенный визуальный текст. Чередование общих и крупных планов. Чередование точек зрения: то он ее видит, то она его, то вообще взгляд откуда-то с неба. «Широкое лицо неместного человека» – это не Мирьям Эшколь так видит Зайчика, это Зайчик представляет себе, как видит его Мирьям Эшколь. Парламент – естественное завершение фрагмента – смысловое и визуальное; кухню сразу же, еще в увертюре, соединяет с кнессетом. Правда, увидеть его можно разве что сверху, воспарив над Рехавией, над неширокими непрямыми улицами, зелеными двориками, невысокими домами... Тогда да, действительно, на холме напротив, как на ладони, но это если сверху.

«Хозяйка налила мне и себе чаю, хорошего английского насыщения и запаха, подвинула одно блюдо с лимоном, другое с рассыпающимися маленькими пирожными дивного вкуса и сказала: “Я слушаю вас внимательно”».

В темный февральский день они сидят на кухне в доме в Рехавии, разговаривают. Это такое большое, на всю книгу, чаепитие с крошечными, дивного вкуса пирожными, большой политикой, большой войной, большой любовью и обыкновенной смертью. Конечно, Зайчик использует разные источники, разные точки зрения, конечно, взгляд вдовы поневоле ограничен и уж никак не может считаться главным, но драматургически, эстетически – конечно, главный. Мирьям Эшколь придает цвет и вкус всей книге.

ОДНИМ ХАСИДСКИМ СЛОВОМ

А. Овэри

Î äî èî ñîîâîî

*Jerusalem: The Israel Institute for Talmudic Publications; Î .: Èíñòèòóò
èóó:áí èÿ èóóàèèè à â ÑÍ Æ, 2004 – 214 с.*

«Одним словом» – коллекция хасидских притч и максим, собранных Александром Фейгиным. По всей видимости, многие читатели знакомы с подобного рода литературой благодаря Буберу, возможно, кто-то читал Визеля.

У Борхеса есть новелла «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”», рассказывающая об одном человеке – старшем современнике Борхеса, – слово в слово переписавшем «Дон Кихота». Рассказ Борхеса построен на сопоставлении двух романов – рассказчик находит в них бездну филологических и содержательных отличий. Естественно, они ведь написаны в разное время, в разных странах, людьми с разным опытом, с разной интенцией. Текст не существует сам по себе – он существует только в контексте.

Конечно, коллекция Фейгина не совпадает с коллекциями его предшественников, хотя отдельные совпадения неизбежны. Важно другое: в отличие от Бубера и Визеля, Фейгин – раввин и хасид, он – естественная часть мира, который рассказывает в этой книге сам о себе. Поначалу я недоумевал: почему нет вступительной статьи, комментариев? Что стоило бы Фейгину их написать? Ведь, сверх того, он еще и доктор филологии. Потом понял: чтобы это сделать, необходимо хотя бы мысленно дистанцироваться от предмета. А он не хотел дистанцироваться (даже мысленно), не хотел превращать свой мир в объект анализа, не хотел выступать в отношении его как исследователь. Хасидский мир говорит о себе сам – вместе с ним говорит и Фейгин.

В автобиографии Агаты Кристи есть размышление о людях, которые жалуются, что Всевышний не отвечает на их молитвы. «Они заблуждаются, – говорит Агата Кристи, – Он отвечает, Он внятно говорит: “Нет!”» Для детективной леди довольно неожиданно, скорей уж можно было бы ожидать такого от Честертона...

«Жил в Польше один коммерсант. Был он хасид и ездил на праздники к рабби Элимелеху в Лиженск. Дела его шли всё хуже, и однажды он пожаловался ребе:

– Я изо дня в день молюсь об успехе моих предприятий. Отчего же Всевышний не отвечает на мои молитвы?

– Он ответил, – произнес ребе. – Он ответил на твои молитвы: “Нет!”»

Конечно, Агата Кристи совпадает здесь с Элимелехом. Симпатичное совпадение. Во всяком случае, я был рад, увидев этот текст в собрании Фейгина, – я считал, что он адресован нам... с Агатой Кристи, то есть он адресован также и вам, но мне и Агате Кристи чуть в большей мере. Однако не обошлось без

парадокса Пьера Менара. У Агаты Кристи это некое обобщенное суждение, жизненная мудрость, не относящаяся ни к кому конкретно и в то же время ко всем.

Рассказ, приведенный Фейгиным, – это маленькая новелла с определенными героями, с заданным хронотопом: мы знаем, где жил Элимелех, знаем, когда он жил (он умер в самом начале XIX века). Элимелех – один из самых популярных героев хасидских рассказов. Неудачливый коммерсант (второй персонаж) – типичная еврейская социальная роль (в указанное время и в указанном месте). Элимелех в молодости был беден, потом разбогател, хотя к деньгам никогда не стремился. Замысел Всевышнего о коммерсанте не совпадает с пониманием жизни самого коммерсанта. Б-г преграждает ему ложный путь. Для Элимелеха это совершенно очевидно, для коммерсанта, отождествляющего жизненный успех с успехом коммерческим, – совсем нет. Проявление заботы свыше он воспринимает как неудачу. Точнее, он вообще не ощущает этой заботы и страдает от ее отсутствия.

Рассказ об Элимелехе и коммерсанте, как, впрочем, и другие подобные рассказы, носит модельный характер. Очень в духе еврейской традиции. И в Талмуде то же самое. Конкретная ситуация рассматривается как прецедентная и в таком качестве становится «моделью». В Талмуде речь может идти об осле или платке – и то и другое репрезентирует некое множество, но это не юридическая абстракция, не «X» в правовом уравнении, а живая картинка, в случае осла – движущаяся. Само собой, я говорю это не для того, чтобы бросить камень в любимую мной Агату Кристи, – я только апеллирую к Пьеру Менару.

Кстати, коль уж речь зашла о Борхесе, в серии «Личная библиотека Борхеса» есть том «Антология фантастической литературы». Борхес помещает в нее эпизод из «Хасидских рассказов Бубера» – как раз с Элимелехом. Элимелех выступает в этом эпизоде как чудотворец. Борхес искал для своей антологии «фантастическое» и нашел его у Бубера. Бубер искал совсем иное: его экзистенциализм укоренен в хасидизме. Борхеса интересовал рассказ о чудесном, интересовал механизм чуда; он спроецировал многомерный мир хасидизма на нивелирующую плоскость, где рядом с хасидским сюжетом помещена «фантастика» из иных культурных миров. Для Бубера вертикальное измерение – стояние перед Б-гом, хождение перед Б-гом, одиночество перед Б-гом – и есть самое главное, – Борхесу это совершенно неинтересно.

Теперь, чтобы книга могла рассказать сама о себе без моего посредничества, приведу несколько взятых наугад фрагментов. Задача моя сложна: хочется показать и то и это, и обязательно вон то, – да ведь всего не покажешь.

Neàçàè ì íéíáíé òàíèá ðàáàé Èáéá:

- Í íñ ì ò ðàé ý í à ý ò í ò ì è ð: è à è í é ó æ à ï!

Neàçàè ðàáàé Èáéá:

- Á è ò í neàçàè ò ááá ÷ ò í ò ù à è ááé ì è ð? Ò ù à è ááé ñá á ì ò ðà æ á í è á á í á í.

× ò í á ú ñ á ñ ò è ì ò ó í è: ò í æ á í é ý Ñá ï, í ó æ í ú á ú è è á á ñ ý ò ù ì ð à á á í é é í á × ò í á ú ó í è: ò í æ è ò ù á á ñ ì è ð, á í á í é ù ì í è í á í í á ñ á ò ð à è á.

«Í í é í æ è ñ ù í á ì ì ì ì ù ù Á ñ á á ù ó í á á ñ» - ý ò í ò ñ á á ò ÷ à é í á é ì í æ á ò á á ò ù ò í é ù é í ñ à ì ì ó ñ á á.

Á Ò ð á á á ð á á í ú 613 ç à í í á á á é: 248 ì í á á é á í é è 365 ç à í ð à ò í á Á ñ á ì í á á é á í é ý á á í ò ý ò í á í á í ì: á á ù ð à ç ò í á á Á ñ á ç à í ð à ò ù á á í ò ý ò: í á á á é á è ò í ñ ò á é.

Ñá è ò è ç è: á é é á í á á ñ ò á ò è è ÷ à é í á é à è è ò á ç à è á é á, á á ò í á í ú á - á á é é á í á í.

Ñ ò á ð ñ ò ù í á ç à è ñ è ò ì ò á í ç ò á ñ ò á: á ñ ò ù é þ á è, é í ò í ð á á ð í æ á á þ ò ñ ý ñ ò á ð è é á í è. Á ñ á è ì è á è ç à ì è à è á á é, è à è í á è ó ÷ á ð ñ á ú é ó é á í.

È í á á Á ñ á á ù ó í é é ì ð í é é ý è ç í á ý, Í í neàçàè: «... ì ð á á á á á á ù á ñ ò ù á í á á á í è æ è ç í è». Ð à ç á í ý ò í ì ð í é é ý ò è á? È á æ á ú é á ú é á ú ð á á ì è ð à ò ù ñ ý ò á í, ÷ ò í ì í æ á í í á é è ò á á ç ò ð á á è á è ç í á é é è. Í í í á ò

народ свой, тем не менее жив, как живы праведники, голоса которых звучат в этой книге. Такой большой семейный портрет, на котором праведный Шмуэль-Шимон и праведная Лея, рабби Хаим из Черновиц и рабби Исроэл из Ружина, дети рабби Александра Фейгина – Арье, Нисан и Мордехай – стоят рядышком между Великим Магидом и Садигорским Ребе, искренний друг и настоящий хасид Шая Гиссер (во втором ряду третий справа) беседует о чем-то с Алтер Ребе, рабби Ханох-Гершон из Радзина, тот самый, что речам мудреца предпочитал молчание дурака, протягивает рабби Адину Штейнзальцу, написавшему теплое предисловие к этой книге, кисет с табачком...

Книга иллюстрирована знаменитыми довоенными фотографиями Романа Вешняка: еврейский мир Восточной Европы, сгоревший в огне Катастрофы через полтора десятка лет после того, как Вешняк нацелил на него свой объектив. «Иллюстрирована» – неудачное слово: визуальный ряд самостоятелен и, взаимодействуя со словом, порождает новую целостность. Черно-белое фото автора смотрится портретом из альбома Вешняка: Фейгин действительно один из них.

יְעֹאֲבֵד אִרְבֵּי

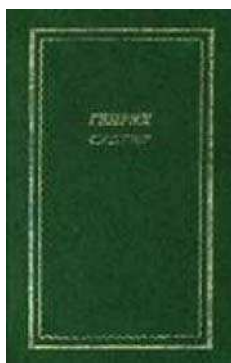
«ВЕЛИКИЙ ГЕНРИХ» В МАЛОЙ СЕРИИ

Ááí ðeõ Nái'æã

Nò è õí ò áí ðáí è ý è í ýí ú

Áñò. ñò à ò ú ý, ññò., í í á á ò á è ñ ò à è í ð è í. Á. Í à ò ð í á à è Í. Ø ð á á ð á

*Í í á á ý á è á è è í ò á è à í ý ò à Í á è á ý ñ ð è ý. Ní á: Á è á á á í è ÷ á í è è í ð í á è ò,
2004 – 606 с.*

«Великий Генрих» – так назывался сборник памяти Генриха Сапгира, вышедший в издательстве РГГУ. Если посмертная судьба замечательного поэта началась с этого вполне справедливого и филологически оправданного, на сегодня даже не отдающего авангардностью жеста, то и требования к тоѣму в зеленой обложке, вышедшему в серии «Библиотека поэта»¹, оказываются сразу достаточно высокими. Тем более что том этот содержит и большую вступительную статью, и обширные, даже необычные для малой серии БП комментарии.

Сразу оговоримся: полный анализ всего, что сделано отцом и сыном Шраерами в связи с наследием Сапгира, включая и первую монографию о поэте, критически оцененную Д. Давыдовым в журнале «Критическая масса» (2004, №3), нас сейчас не интересует. Это дело длительное и серьезное. Нас будет интересовать лишь одна составляющая работы составителей и комментаторов тома БП – русско-еврейская. Тема эта для Сапгира более чем важная. Поэтому существенно, чтобы с самого начала изучения обширного наследия поэта, прозаика и переводчика она получила адекватное описание. Ведь история русской литературы знает случаи, когда путаница в еврейских образах или их сознательный неучет приводили к крайне искаженному представлению о крупнейших русских поэтах (О. Мандельштам, Б. Пастернак и, не без участия М. Шраера, Э. Багрицкий).

Проследим, как рассматривается во вступительной статье и комментируется еврейская проблематика в книге БП.

Отец поэта «...был предпринимателем-обувщиком, что давало повод для самоиронии поэта, называвшего себя “сыном сапожника”. У Сапгира в сонете “Будда” читаем: “В неслышном свисте в вихре и содоме / Недаром отец мой сапожник <...>”. В самоиронии Сапгира большая доля горечи, если вспомнить другого “сына сапожника”, Иосифа Сталина (Джугашвили), в юношеском возрасте сочинявшего стихи по-грузински. Разлад с отцом, причины которого лежали, вероятно, не только в полезно-прикладной философии, безуспешно навязываемой молодому поэту, вынудил Сапгира рано уйти из дому. Отголоски давнего разлада с отцом и своим “происхождением” (кавычки должны, видимо, указывать на “Происхождение” Э. Багрицкого. – Л. К.) слышатся в стихотворении “Памяти отца” из книги “Молчание” (1963): “Раввин / Всѣ обращался к тебе: / – Беньямин! Сын Файвыша! / Но молчало / Тело. / Без имени? / Без рода и племени? / Неужели не стало времени?” К этой теме Сапгир возвращался в стихах на протяжении всей жизни».

Трудно сказать, какое отношение к разладу с отцом имеет малоизвестный грузинский поэт – сын сапожника – Джугашвили. Да и какое отношение к «разладу с отцом» имеют трагические стихи о его похоронах? Ведь на обращение раввина к «Беньямину, сыну Файвыша» тот, мертвый, просто не отвечает, то есть не узнаёт своего имени. Если же знакомый, но безмолвный облик, носивший когда-то то имя, которое называет раввин, не отзывается, то закономерно возникает вопрос: твое ли, отец, это имя? Не остановилось ли твое время?

Толкование сложного, многозначного и раздвоенного, иудео-христианского стихотворения Сапгира возможно лишь при понимании его начала: «И времени больше не стало... / Это не ново. / Это случается часто – / По заявлению Иоанна Богослова / и примечаниям Екклесиаста. / Под синим небом Вострякова / Белело / Неузнаваемым лицом / То, / Что было / Моим / Отцом. / Для нас / Был час. / А для него? / Ничего?»

Обращает на себя внимание инверсия: не Екклесиаст с комментарием Иоанна Богослова, но наоборот: Апокалипсис Иоанна с комментарием Екклесиаста! Так сын сапожника – поэт Сапгир – выразил потусторонность своего существования относительно отца. Причем здесь возможны толкования и христианского типа, и еврейского.

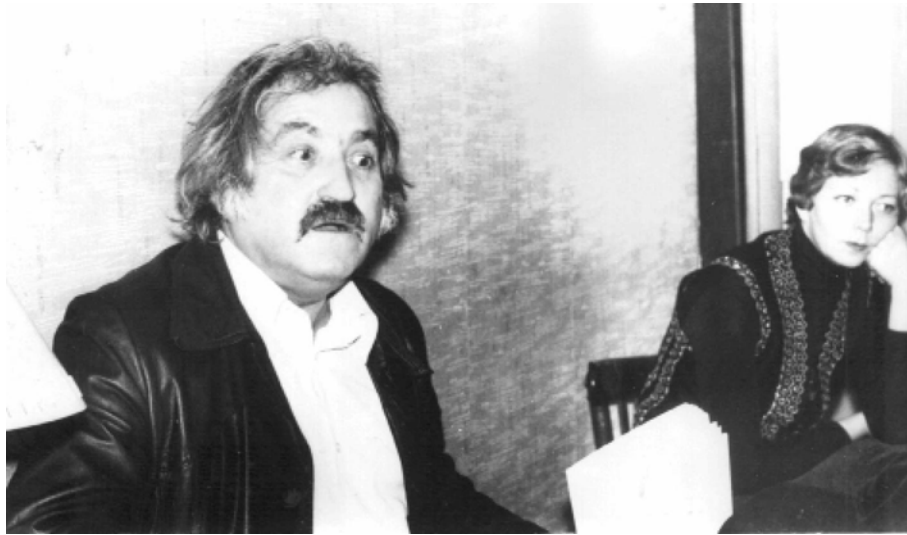
Нас, однако, интересуют стихи Сапгира. Они дают удивительно точное описание еврейских похорон и слов раввина, которые Сапгир превращает в русские стихи. Ведь совершенно очевидно, что не обращался раввин к покойному еврею с подобной фразой: «Беньямин! Сын Файвыша!» Он обращался к покойному так: «Беньйомин бен Файвель!» Звуковая тавтология при повторе слова «сын» – «бен», выделенного нами, в идишизированной древнееврейской речи востряковского раввина явно не устраивала чуткий слух Сапгира. Отсюда в раннем его стихотворении – учет еврейской фонетической реалии и «перевод» ее на русский язык.

Заметим и то, что комментарий к названию еврейского Востряковского кладбища – «Востряково – кладбище на юго-западе Москвы, названо по имени села Востряково» – не дает читателю понять, откуда там мог взяться раввин. Ведь далеко не на всех московских кладбищах совершаются обряды иудейских похорон.

Стихотворение «Снег из фонаря» на первый взгляд не имеет отношения к нашей теме. Вот что написано о нем во вступительной статье: «...набоковский каламбуризм и анаграмматизм: “Снег/ сыплется из фонаря/ Я думаю: / *Си – ва – но – ря* („Снег из фонаря“, в книге „Молчание“, 1963, ср. каламбур „Саванна рыло – кличка одного из вождей“ в „зoorландских“ эпизодах романа Набокова „Подвиг“)”».

Курсивное выделение слова «сиваноря» должно было бы насторожить комментаторов. Ведь Сапгир не так прост, чтобы выделять курсивом «квазинабоковскую» цитату.

Процитируем интересующую нас часть стихотворения: «Снег / Сыплется из фонаря / Я думаю: / *Си – ва – но – ря* / Она куда-то убегает / А он **горит** и не мигает / А мы его не замечали / Когда с приятелем скучали / Когда Людмила / Приходила / Мельтешили и мельчали // Ссорились / Сиваноря! / Сыпались / Из **фонаря** // Теперь / Совсем другое дело / **Фонарь** / Слепая сила / Света // И кажется / Все **фонари** // Си – ва – но – ри / Бежит куда-то (курсивные выделения – Сапгир; жирный шрифт – наш. – Л. К.).

Итак, происхождение загадочного «сиваноря» можно прояснить, если обратиться к еврейскому календарю, где имеется летний месяц сиван, который следует после ияра. Заметим, что «игры в названия месяцев» в русской литературе не редкость: от «мартобря» Гоголя до «январь, потом февраль, какой-то чертовый зимарь» Вознесенского. В этом контексте языковая игра Сапгира выглядит вполне уместно. Остается понять: при чем здесь «фонарь»? С одной стороны, если дело не происходит зимой, то ночной свет из фонаря вполне может напоминать сыплющийся снег. С другой стороны, как считает наш коллега Л. Городецкий, в слове «фонарь» слышится еврейское слово «нер» – «свеча», которое можно слышать в субботнем благословении на зажигание свечей «...нер шел Шабес».

Мы не стремимся преувеличивать еврейскую составляющую поэзии Сапгира. Однако еще со времен знаменитого «ШиШа» А. Крученых, созданного из двух букв «шин», еврейские образы русского авангарда служили любопытным средством создания авангардного «остранения».

Как особенность поэтического мира Сапгира составители его тома называют «актуальность еврейских и иудейских вопросов: Холокост, иудейско-христианские отношения, антисемитизм (книга “Молчание”, 1963; книга “Псалмы”, 1965–1966)».

О стихах из книги «Молчание» мы только что говорили. Перейдем к «Псалмам». Здесь нас особенно привлекает Псалом 136. Он посвящен близкому другу Сапгира и, по словам В. Пивоварова, едва ли не одному из центральных образов его поэзии.

Вот начало стихотворения Сапгира:

Ī āīp Ādēç

1. Ī à dāçāō Āāçēī Ī pēō pēāçē è ù è íēāçēē

- Ī íîðē - íîðā!

- Ī íîðē - íîðā ðííēī!

- P āā p āā í î é í î é! Ā ā ī ē ā ā!

m āyēēnī í ē ā í ē ā ç ē ā í ā n

- Ā ð ç ā í ā ð æ æ æ é í ē ā Ī ā ð ð æ ú

- Ā æ ē ē ā ā ç ā ð! Ā ā ð ē ē ā ā é í í!

- P ā ā p ā ā í y ç è! Ā ī ī - ā ī!

2. Ἰὶ ἐ πῶι γέε πῆι αἰά δῶε ἰά ἀὰ ὀιὶ ἀὸ ἀὸ

- Ἰ - βῶάι!

εὸ πῆ αἰέε-αἰέε ὀιὶ πῆ γῆ αἰέε ἰά ἰά πῆ

πῆ πῆ πῆ ὀιὶ ὀιὶ ὀιὶ

- Ἰ εἰάεε ἀὰ ἀὰ ἰά ἀὰ ὀιὶ ὀιὶ

ἰά πῆ εἰά - αἰέε!

Комментарий Шраеров включает в себя объяснение слова «юде» – «еврей», рассуждения о владении Сапгира идишем, в отличие от иврита, которого поэт не знал. Цитируются здесь и соответствующие места синодального перевода Псалмов и т. д. Однако знание самими Шраерами еврейских языков вызывает серьезные сомнения. Достаточно прочесть такое: «Несмотря на проблематичное “й”, слово “лейви” отсылает к слову “леви” (Левит), т. е. метонимически вызывает ассоциацию с коленами Израильскими, со всем еврейским народом».

Трудно сказать, что вызвало здесь «проблемы». Ведь в идишистском произношении слово «леви» произносится именно как «лейви». Шраеры явно не в курсе того, что в средневековом антисемитизме, благополучно дожившем до наших дней хотя бы в «Антиномиях языка» Флоренского, имитация звучания еврейской речи подобного типа применялась для описания разговора еврея с дьяволом. Последствия подобных представлений о евреях для последних хорошо известны.

Еще один комментарий Шраеров: «Легко подметить и следующие смысловые и структурные корреспонденции <...> слово “вейли” и слово “веселья” из русского перевода библейского Псалма (при том, что “вейли” и “лейви” анаграмматически зашифровывают друг друга)».

Здесь Шраеры явно перебарщивают. Достаточно знать выражение «Ой взй!», чтобы слово «лейви» ничего не зашифровывало. Кроме того, строки «О лейви баарам бацы Цион / на земле чужой!» могут означать: «О сыны левиины ба Арам (по правдоподобию предположению комментаторов, “в Араме” – в Вавилоне), дочери (“бас” – “бат”) Сиона»: действительно «в земле чужой». Другое дело, что действительно зачастую Египтом или Вавилоном евреи метонимически называют страны своего изгнания.

Трудно сказать, мог ли Сапгир знать о том, что немецких антисемитов больше всего в идишистской речи раздражало ее специфическое «цоканье», выраженное хотя бы в сцене с Мимой из вагнеровской оперы.

В любом случае, стихотворение Сапгира играет на сочетании немецкого и еврейского (идиш), что соответствует теме уничтожения немцами евреев.

Теперь обратимся к стихотворению «Еврейская мелодия».

(Ἰὶ πῆ ε ἰά ἀὰ ἀὰ ἀὰ ἰὶ ὀιὶ ὀιὶ αἰά)

αἰά αἰά πῆ ὀιὶ ὀιὶ ὀιὶ ε ὀιὶ ὀιὶ αἰά)

(Ἰ ὀιὶ αἰά αἰά αἰά ἰὶ ὀιὶ ὀιὶ αἰά ὀιὶ ὀιὶ αἰά)

ὀιὶ αἰά ε ἰά ἀὰ ὀιὶ ἰά ἀὰ ἀὰ)

ὀιὶ ὀιὶ ὀιὶ

ὀιὶ ὀιὶ ὀιὶ

ὀιὶ ὀιὶ ὀιὶ

оо̣̣̣-оо̣̣̣-оо̣̣̣

(Í ðí áááè ðóéíé íí ãããéíí ó áðúñéó

òóáà è íáðàòíí ááà ðàçà)

ñáè-ñáè-ñáè

ñáè-ñáè-ñáè

ñáè-ñáè-ñáè

ñáè-ñáè-ñáè

(Í ðí áááè áááí ÿ ðóéáí è íáí íáðáí áí íí

íí óáðóááíí ó è ãããéíí ó)

оо̣̣̣-оо̣̣̣-оо̣̣̣

ñáè-ñáè-ñáè

оо̣̣̣-оо̣̣̣-оо̣̣̣

ñáè-ñáè-ñáè

(áùá ðàç)

(Óááðíí ááá áðúñéá áðúá í áðúá)

áðáí ñí!!

Это стихотворение в комментарии удостоилось лишь пояснения слова «брамс», наряду с «Еврейской мелодией» Байрона, чье имя также попало в комментарий. Не попало же туда как раз то, что делает стихотворение Сапгира безусловной и одной из лучших в мировой поэзии «Еврейских мелодий». Однако услышать эту мелодию может лишь тот, кто знает сапгировскую книжку о хелемских мудрецах, основанную на стихах и рассказах Овсея Дриза. Именно там мудрецы, строившие баню, долго решали: строгать доски или нет: построгаешь – будет скользко, не построгаешь – будет колко. Решение было по-еврейски мудрым: построгать и положить струганным вниз!

А теперь процитируем окончание веселого и мудрого стихотворения «великого Генриха», в котором он сам вписал свою «еврейскую мелодию» в соответствующую поэтическую традицию:

Í ðèí á-áí èá

Ýóí í áñóíÿúáÿ ááðáéñéáÿ í áéíáèÿ

áí í áè éíñá-òí þí úé Áááéá í áðáí

öáðáí Ñáóéíí

òíò è íéáéáè è ñí áÿéíÿ

áðáí ñí!! - è í áðíóé á í ááúá éíí úá

Áá çáí èñáè ñí áðáí áí í úí è ñò è ðáí è

Áæíðæ Áíðáí Áæðíí - ñæáðè ò

èææá íà èíèáí ýò ó ñáíæ áðá:áí èè

íáðáá íúèàþùèì èàì èííì

áðàì ñí!! - è ì àòíóè íáðí áíáíú

ííáðííòíè Èáðí íí òíá - óðáí óóçñéíá

íéíí - òàì íááí çèì íèá ááðáçú -

ñí èííþ íðèñéííýýñí - èçðáçóú -

ì æíáèþ íáðæíæèè íà ðñíèèé

áðàì ñí!! - íí è íèáèèè è ñí áýèñý

Áðàì ñéñòàòè ñí:èíèè áá æý áððóú

Сапгир же сочинил свою мелодию для двух брусков с подтекстом. Это действительно весело и остроумно, в отличие от комментариев к его книге.

Èáííèá Èáðèñ

ПРЕМЬЕРА СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Odessa Ades d'ey Ades: ada «Ne'atzi ne'atzi»

I tne'atzi, 1928

В эпоху немого (и не только немого) черно-белого кино на Одесской киностудии работал Григорий Червинский, соединивший свое имя и фамилию в звучный псевдоним – Гричер. Это было время расцвета еврейских местечек, время, когда по Бердичеву и Жмеринке еще не прокатилась армия Третьего рейха. Гричер хорошо знал нравы и быт этих местечек. Об их жизни он снял много фильмов – художественных и документальных, «пропагандистских» и «для души».

Кто мог в то время оценить его работу? В годы великих строек коммунизма, первых пятилеток, построения социализма в отдельно взятой стране и борьбы с гидрой мирового империализма... Кому нужны были рассказы о мелком быте евреев?

Гричер был неавангардистом. В то время слово «неавангардист» означало «архаист» или «традиционалист». То есть – неинтересно и ненужно. Однако за рубежом фильмы Гричера ценились. И Гричер был «режиссером на экспорт», непопулярным в своей стране, но приносящим ей немалый доход.

В 1931–1932 годах разразился в том числе и пленочный голод. Были пересмотрены архивы киностудий, и многие фильмы смыты. Смыли и большинство фильмов Гричера. А зачем, спрашивается, их хранить? Фильмы проданы за рубеж, деньги за них получены, а в советских кинотеатрах зритель всё равно не будет их смотреть.

Возможно, фильм «Сквозь слезы» по рассказу Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл» погиб именно так. Возможно, пленка поизносилась в кинотеатрах, и восстанавливать ее посчитали излишним. А возможно, она погибла позже. В начале войны часть архива Всеукраинского фотокиноуправления (будущей Одесской киностудии) отправили морским транспортом. Была бомбежка, транспорт затонул.

Ну кто в те годы мог предположить, что в начале XXI века киноведы будут рыдать над погибшими фильмами и пытаться найти хоть что-то сохранившееся!

Картину «Сквозь слезы» Григорий Гричер снял в 1928 году. Практически сразу она была продана за границу, в Соединенные Штаты. В те времена в Америке стремились озвучить всё, что к ним попадало.

Картина была перемонтирована. Кадры с текстом вырезали. Загримировали актера под Шолом-Алейхема и досняли кадры – писатель сидит за столом и большим пером пишет историю, которая разворачивается перед зрителями. Начитали текст на идише, а композитор Шолом Секунда специально для фильма написал музыку.

Но даже проданный оригинал картины не сохранился. В США продали фильм, снятый на 32-миллиметровой пленке. Каким образом он заблудился и сгинул в пяти десятках штатов – мы уже никогда не узнаем. Сохранилась только 16-миллиметровая копия.

Трудно оценить эту картину по достоинству. Качество картинки, увы, оставляет желать лучшего. Да и качество звука тоже. Кстати, по этому качеству можно определить, что и озвучание, и сама узкоплёночная копия были сделаны в 30-х годах – то есть сразу после продажи фильма в Штаты.

Но всё-таки рукописи не горят. И киноплёнка не смывается. И никто уже не сможет экранизировать произведения Шолом-Алейхема так, как это сделал Григорий Гричер. Хотя бы потому, что нет уже в живых свидетелей того, местечкового быта начала XX века. Быта, который досконально знал Григорий Гричер и которым насыщены его произведения – как сохранившиеся, так и утраченные.

Старый еврей, умирающий во время молитвы, горькая судьба сироты в ешиве, попытки молодых людей начать «свое дело» и мытарства немного наивного человека, которому меняют козу на козла и козла на козу... Венчает всё это приказ урядника: покинуть деревню Злодеевку в 24 часа. За что? За то, что бедный еврейский портной испортил заказанный ему мундир...

Премьера фильма – вернее, озвученного варианта немой картины – состоялась через 70 лет после его создания в Еврейском культурном центре «На Никитской». Там же показывали картину «Кварталы предместий».

А что с остальными фильмами?

Среди киноведев ходят легенды о коллекционерах фильмов. Будто есть где-то на Земле такие таинственные люди. Никто их не видел и не встречал, но все упорно верят. В конце концов, есть же коллекционеры картин, древностей – почему бы и не быть коллекционерам фильмов? Говорят, что где-то в Южной Африке у одной из этих мифических личностей якобы есть картина Григория Гричера «Блуждающие звезды». И когда-нибудь она наконец всплывет.

Віа І вікінгі

ФАКТОР НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ В ИЗРАИЛЬСКОМ БАСКЕТБОЛЕ

Марк Либовин

Период межсезонья в израильском баскетболе прошел почти незаметно из-за обилия событий, связанных с местными клубными командами страны.

Новый тренер национальной сборной Израиля Цви Шерф.

Начнем с чемпиона Европы, команды «Маккаби» (Тель-Авив). Триумфально выиграв главный континентальный трофей в Москве, а затем, как бы походя, кубок и очередное первенство Израиля, команда начала подготовку к новому сезону.

Директорат команды, возглавляемый Шимоном Мизрахи, без лишнего шума и без надоевшей рекламы подписал контракты с тренерами. На посту главного наставника остался Пини Гершон, который после периода метаний (в прессе сообщали о приглашениях Гершону из Испании, России, Греции) всё же остался в команде, справедливо решив, что от добра добра не ищут. Вместе с ним остался и 30-летний помощник Дан Шамир. А вот другому тренеру клуба Якову Жино контракт не продлили. Впрочем, у Шамира, воспитанника иерусалимской баскетбольной школы, учившегося тренерскому искусству в Коннектикуте, есть все задатки большого наставника.

Из команды «Маккаби» по разным причинам ушли такие баскетболисты, как Шарунас Ясикявичус (НБА), Нестор Коматос, капитан клуба 31-летний Гур Шелаф (в бельгийский клуб «Антверпен», который тренирует израильский наставник Арик Шибак), 21-летний разыгрывающий Йотам Гальперин.

Кто пришел им на смену?

Прежде всего это 28-летний разыгрывающий Вили Соломон, с которым иерусалимский «Ха-Поэль» в позапрошлом сезоне выиграл европейский Кубок УЛЕБ. Игрок блистательный, как в атаке, так и в обороне, но с тяжелым характером, эгоистичный: его необходимо будет ввести в коллектив и подстроить

под партнеров. В этом умении как раз у Пини Гершона, тоже человека непростого, нет конкурентов. Однако многие обозреватели всё равно считают контракт с Соломоном проблематичным.

Так ли это, мы узнаем лишь через несколько месяцев с началом игр внутреннего и европейского чемпионатов.

Подписан контракт у «Маккаби» и с 26-летним Шароном Сасоном, который предыдущий сезон провел в Перми. Этот израильский нападающий уже много лет считается игроком с огромным спортивным потенциалом. Именно в России он, похоже, начал реализовываться в полной мере, но, вследствие сокращения бюджета в пермском клубе израильский тренер Шарон Друкер, начавший работать в уральской команде, сообщил Сасону о расторжении контракта с ним. Такова суровая спортивная жизнь.

У Сасона контракт с «Маккаби» на три сезона. Он заменит в клубе Гура Шелафа, хотя вряд ли получит много игрового времени, во всяком случае, поначалу.

С остальными игроками «Маккаби» всё по-прежнему. В команде остались Энтони Паркер, Майсео Бастон, Никола Вучич, Таль Бурштейн и другие. Непонятна спортивная судьба форварда Дэвида Блютенталя, который колеблется в выборе контракта между несколькими клубами. Прочат в «Маккаби» и одаренного разыгрывающего Меира Тапира, но контракта между сторонами пока что нет.

Второй израильский клуб, иерусалимский «А-Поэль», самое большое свое приобретение сделал в середине июля. Неожиданно директорат команды объявил о появлении нового спонсора, ставшего президентом клуба, российско-израильского олигарха Аркадия Гайдамака. Этот 52-летний миллиардер на пресс-конференции сказал, что своими капиталовложениями надеется создать второй конкурентоспособный израильский клуб рядом с «Маккаби».

На вопрос, о каких суммах идет речь, Гайдамак ответил, что столько, сколько понадобится, столько и будет вложено в «А-Поэль». Реально речь идет о 6–7 млн долларов: это сразу выводит иерусалимцев на второе бюджетное место в израильской лиге после «Маккаби» с их 12 млн долларов.

Тренер команды Эрез Эдельштейн и спортивный директор клуба Моти Даниель были отправлены в летние лагеря НБА в Лос-Анджелес, откуда привезли имена кандидатов в команду.

Гайдамак на вопрос журналистов опять отвечал, что «любой игрок, подходящий тренерам, будет в команде».

– Любой? – переспросил журналист.

– Ну, почти любой, в рамках разумного, – сказал Гайдамак.

В остальных девяти клубах Высшей лиги особых изменений не произошло, за исключением кибуцной команды «Эмек Исраэль», которая возвращается в чемпионат. Найден спонсор, найден зал и подбирается клуб, достойный Высшей лиги. Напомним, что в 1960–1970-х годах в Высшей израильской лиге выступало от четырех до шести кибуцных команд, а такие игроки, как Боаз Янай, Итамар Марзель, и другие входили в сборную страны и составляли элиту нашего баскетбола. Но это было давно.

Теперь о сборных Израиля разных возрастов.

Младшая молодежная сборная страны (до 20 лет) выступала на чемпионате Европы в подмосковном городе Чехове. Тренируемая Яковом Жино команда выступила более чем достойно, заняв IV место в чемпионате. Причем в полуфинальной встрече со сборной Литвы, проигранной израильянами со счетом 66:67, счет вполне мог быть и в нашу пользу. Форвард Лиор Элияу (204 см) был выбран в символическую пятерку первенства.

Лиор Элияу.

Старшая молодежная сборная страны (возраст до 21 года, тренер Арик Шибак) участвует в чемпионате мира в Аргентине, что само по себе является большим достижением. Шибак пригласил в свою сборную пять человек из команды Якова Жино, в том числе и Лиора Элияу, на которого претендовала и взрослая сборная Израиля (тренер Цви Шерф). Эта команда участвует в турнире «Последняя надежда», победитель которого выступит в финальном турнире чемпионата Европы 2005 года в Белграде.

С национальной командой Израиля за последние месяцы также произошли серьезные изменения. В феврале на пост главного тренера был назначен 45-летний Дэвид Блат. В то время он работал с питерским «Динамо», позже выиграв с этой командой европейский Кубок УЛЕБ.

Получив назначение на пост главного тренера сборной, Блат получил приглашение и в итальянский клуб «Тревизо». Хозяин «Динамо» Сергей Родионов отпустил своего тренера в Италию, получив солидную денежную компенсацию за преждевременное расторжение контракта.

Вместе с Блатом в сборной получили тренерские должности Эрез Эдельштейн и Моти Даниель. Казалось, всё в порядке.

Однако у выпускника Принстонского университета Дэвида Блата не было диплома об окончании тренерских курсов в Израиле. На этих курсах, кстати, Блат читал курс лекций студентам... Блат обязался сдать все требуемые дисциплины к началу первого тренировочного сбора команды. За три дня до начала тренировок у Блата оставались несданными два экзамена тренерских курсов. Президент Федерации баскетбола Израиля Ерми Ольмерт заявил, что «если Блат не сдаст все экзамены, то тренером сборной он не будет». Блат, оскорбленный до глубины души, подал в отставку.

Вот его аргументы: «То, что я хорош, как тренер “Маккаби”, “Динамо”, “Тревизо”, НБА (по слухам, у него есть предложения от клубов Национальной баскетбольной ассоциации. – М. Л.), как выпускник Принстона, – известно и приемлемо. А то, что чиновники лишают меня работы с первой командой страны из-за бюрократических игр, – известно и неприемлемо».

Никакие уговоры не помогли, и Блат, человек гордый, заявление об отставке не отзывал. На срочном заседании федерации тренером был назначен Цви Шерф, который начал работу со свойственным ему усердием и активностью. Команда осталась в том же составе, который пригласил Блат. На основных ролях – Галь Бурштейн, Гур Шелаф, Меир Тапиро, Эрез Маркович, Барак Пелег.

Чего они добьются в Европе? Будем надеяться, что многого.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Ι ΓΑΙΝΟΕ̅ ΟΑΑΔΑΟΕ̅ ΑΑΒΑΕ̅ΝΕ̅Ο̅ ΙΑΥΕ̅Ι

ΝΑΟΑΔΑΝΕ̅Α ΙΑΥΕ̅Ι Ὑ ΙΑ̅ Ι ΟΟ̅Ε̅ ΑΟΟ̅ΙΑ̅ ΙΑ̅Ι Α̅Ι̅ϞΔ̅Ι Ε̅Α̅Ι Ε̅Β

*27 ep̅y̅ a̅i̅ i̅n̅e̅i̅n̅e̅i̅ a̅a̅k̅e̅n̅e̅i̅ i̅a̅u̅e̅i̅i̅i̅ o̅a̅i̅ o̅d̅a̅ i̅o̅e̅d̅i̅e̅n̅y̅ o̅-̅d̅a̅e̅o̅a̅e̅u̅i̅ u̅e̅ i̅i̅a̅q̅a̅ N̅i̅a̅o̅a̅
i̅o̅a̅d̅a̅n̅e̅o̅ i̅a̅u̅e̅i̅ N̅I̅A̅, e̅i̅e̅o̅e̅a̅o̅i̅d̅a̅i̅ e̅ e̅i̅o̅i̅o̅i̅a̅ i̅o̅a̅e̅e̅ O̅a̅a̅d̅a̅o̅e̅y̅ a̅a̅k̅e̅n̅e̅o̅ i̅a̅u̅e̅i̅ N̅I̅A̅, a̅ o̅a̅e̅a̅e̅a̅
e̅e̅a̅a̅o̅i̅ i̅a̅u̅e̅i̅ a̅o̅a̅d̅n̅e̅o̅ a̅d̅k̅e̅i̅n̅e̅o̅ e̅ a̅o̅n̅e̅o̅ a̅a̅d̅a̅a̅ B̅i̅n̅n̅e̅, O̅q̅a̅e̅e̅n̅o̅a̅i̅a̅, A̅d̅k̅e̅e̅, A̅q̅a̅d̅a̅e̅a̅e̅a̅i̅a̅,
E̅e̅d̅a̅e̅e̅e̅. I̅o̅a̅i̅i̅e̅a̅a̅o̅i̅n̅y̅, +o̅i̅ N̅i̅a̅o̅, a̅q̅e̅i̅i̅a̅e̅n̅o̅a̅y̅ i̅ i̅a̅e̅a̅o̅i̅a̅d̅i̅a̅i̅u̅i̅ i̅i̅i̅a̅u̅a̅n̅o̅a̅i̅i̅, a̅q̅a̅o̅
i̅o̅a̅i̅n̅o̅a̅e̅y̅o̅u̅ e̅i̅o̅a̅d̅a̅i̅i̅ i̅o̅a̅d̅a̅i̅a̅ a̅ a̅i̅i̅a̅a̅d̅i̅o̅a̅a̅i̅i̅u̅o̅ e̅ i̅a̅u̅a̅n̅o̅a̅i̅i̅u̅o̅ i̅o̅d̅e̅o̅o̅d̅a̅o̅, i̅a̅u̅a̅n̅o̅a̅i̅i̅u̅o̅ e̅
d̅a̅e̅a̅e̅i̅q̅i̅ u̅o̅ i̅d̅a̅i̅ e̅q̅a̅o̅e̅y̅o̅ B̅i̅n̅n̅e̅ e̅ a̅d̅o̅e̅o̅ i̅o̅d̅a̅i̅ N̅I̅A̅.*

Форум вызвал общественный резонанс и заметную реакцию в СМИ, которые подробно рассказывали читателям об этом событии.

«Термин “сефард” происходит от еврейского названия Испании – Сфарад, – пишет журналист Надежда Кеворкова на сайте “Газета.ru”. – Здесь поселились выходцы из иудейских семей еще после разрушения в VI веке до н. э. первого Иерусалимского храма, когда большинство евреев было угнано в вавилонский плен. Сефарды расселялись в пределах империи Александра Македонского, Арабского халифата и Османской империи. Так их потомки оказались на Балканах, Кавказе, в Средней Азии и Северной Африке. Говорили они на ладино (еврейский испанский), арабском и языках тех стран, где жили...

Сефарды приветствовали приход арабов в Испанию в VIII веке. В халифате они были воинами, медиками, дипломатами, советниками правителей.

Однако католические короли Кастилии и Арагона, Изабелла и Фердинанд, разгромив мусульман на Пиренейском полуострове в конце XV века, изгнали всех отказавшихся креститься евреев. Большая часть сефардов бежала в Османскую Турцию, привезя османам секрет изготовления пороха и литья пушек... И арабы, и турки, в отличие от крестоносцев, не возражали против возвращения сефардов в Иерусалим. Часть из них обосновалась в Голландии после освобождения ее от испанской короны и ужасов инквизиции. Самые знаменитые потомки сефардов: философ Бенедикт Спиноза, основоположник политэкономии Давид Рикардо, премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли. Философ Мишель Монтень и генерал Франко считаются потомками крестившихся сефардов».

На открытии форума присутствовали главный раввин России Берл Лазар, главный сефардский раввин Израиля Шломо Амар, президент ФЕО СНГ Леви Леваев, политические и общественные деятели, руководители еврейских общин, журналисты.

В приветственном слове съезду главный раввин России Берл Лазар отметил, что именно в сефардских общинах с особой ревностью всегда хранились еврейские традиции, они не шли на компромисс и не отступали под давлением властей. «В этом великая сила духовных учителей. Соединение их опыта важно не только для сефардских общин, но и для всех нас», – сказал раввин Лазар.

Главный сефардский раввин Израиля Шломо Амар благословил собравшихся и на примере истории избрания Моше отметил, что «настоящий пастырь должен пойти за тем, кто отпал, найти его, обласкать и вернуть к пастве». Он подчеркнул, что только в единстве еврейский народ может черпать силы, чтобы принять вызовы современного мира.

Президент ФЕО СНГ Леви Леваев в своем выступлении отметил, что главная проблема еврейского народа – это ассимиляция, утрата еврейских традиций, а причины этого явления он видит в недостаточно эффективном еврейском образовании. «Еще совсем недавно, 20–30 лет назад, проблема ассимиляции не стояла настолько серьезно, – сказал он. – В Америке, например, по статистике сегодня должны были бы жить около 15 миллионов евреев, а осталось только шесть... Если нет еврейского образования, если дети не изучают традиции своего народа, – естественно, темпы ассимиляции растут. Если мы срочно не назовем эту проблему серьезной болезнью, мы не сможем ее вылечить».

Леви Леваев сообщил, что в Москве будет построен Общинный центр сефардов СНГ, где будут решаться проблемы еврейского образования, сохраняться национальные традиции на основе интенсивной культурной и религиозной жизни.

Перед делегатами и гостями форума выступили также вице-президент Всемирного конгресса горских евреев Герман Захарьяев, главный раввин Грузии Авраам Михалашвили, главный раввин Центральной Азии Довид Гуревич.

אֵלֵאֵאִי וְעַד אֵאֵאֵי דִּי נִנְעֵי אֵאֵדֵי עֵאֵצֵאֵד

צֵאֵבֵאֵעֵאִי עֵאֵ

12 июля в Лондоне выступление с заявлением по поводу террористических актов, произошедших в столице Великобритании во время визита главного раввина России.

«Я видел шок на лицах людей, которых выводили из туннелей подземки, – раненных, покрытых копотью, охваченных ужасом. Раньше эти люди не понимали, что такое террор. Террор – это было где-то далеко: в Израиле, в России, в Америке... И всегда находились те, кто пытался оправдать террористов: дескать, это национально-освободительное движение, борьба за законные права, протест против империализма и т. д. Теперь они почувствовали на себе, что это за “протест”, жертвами которого может стать каждый из них. Думаю, что отныне они смогут лучше понимать боль израильтян, русских, американцев, жителей других стран, испытавших на себе ужасы терроризма. И очень жаль, что понимание дается такой кровавой ценой...»

Раввин Лазар с горечью констатировал, что лондонские «СМИ сосредоточили главное внимание на споре о том, почему теракт произошел именно вчера, почему именно в Лондоне? Кто-то утверждал, что это из-за саммита “большой восьмерки” в Великобритании, кто-то считал, что это реакция на провозглашение Лондона столицей Олимпиады 2012 года». Однако, по мнению раввина, такой спор представляется неуместным, поскольку «сами масштабы теракта говорят о том, что он готовился долго, что в его подготовку были вовлечены крупные силы и средства». Главный раввин России подчеркнул, что преступление совершено «на холодную голову», и целью его заранее были выбраны ни в чем не повинные люди.

«И это как раз то, что отличает террористов от людей, – они ненавидят нас всех, они готовы убивать всех, в любое время, в любом месте, ради своих людоедских идей», – сказал он.

Главный урок лондонской трагедии, по мнению раввина Лазара, в том, что всем надо наконец понять «невозможность примирения с нелюдьми, неприемлемость каких бы то ни было переговоров с ними, недопустимость любого двойного стандарта в отношении террористов». «Любые призывы “понять” террористов, любые попытки приравнять убийц к “национально-освободительному движению” приводят лишь к тому, что террор достигает своей цели, а все мы превращаемся в заложников», – отметил он.

Главный раввин России напомнил в своем заявлении, что ранее именно из Лондона были направлены в Израиль шахиды, устроившие кровавый теракт в Тель-Авиве, именно в Лондоне власти предоставили убежище одному из главарей террористов, заливших кровью Чечню. «Ни для кого не секрет, – сказал он, – что в британской столице мэр с почестями принимал одного из идеологов исламистского террора Юсефа аль-Кардауи, а в нескольких мечетях Лондона, захваченных экстремистами, открыто проводился сбор денег на джихад и вербовка террористов-самоубийц. Бандиты “отблагодарили” англичан по-своему...»

«Мы больше не можем закрывать глаза на то, что идет война, – отметил раввин Лазар, – война, которую не мы начали. Война, которую объявил всему человечеству нацизм XXI века, использующий в качестве прикрытия исламские лозунги. Патологическая жестокость этих существ, особо изуверские методы их действий убедительно доказывают, что они ничем не лучше тех, кто в первой половине 40-х годов XX века душил миллионы людей в газовых камерах. Война с ними может быть только войной на уничтожение, потому что они вновь и вновь доказывают, что ни на что меньшее, чем уничтожить всех несогласных с их варварской идеологией, они не согласны».

Главный раввин России подчеркнул, что «цивилизованные народы обязаны жестко потребовать от своих правительств, парламентов, государственных лидеров, чтобы они отбросили все тактические разногласия и начали, наконец, реально и безоговорочно сотрудничать в деле искоренения чумы XXI века – терроризма. Этого требует память о жертвах Лондона, Мадрида, Нью-Йорка, Иерусалима, Москвы – память обо всех невинных людях, зверски убитых этими вырожденцами».

Â Ĩ ĐĂĂĂĂĐÈÈ PĂÈÈĂB × ĂËBĂÈĨ ÑÈĨ É ÑÈĨ ĂĂĨĂÈ

21 epëy i yð ×æyæi ñëà Ĩ èbæë P ðæë- è ïðæïïïïðæü ïðææai ey Óææðæèè æðæïëèð ïæièi Đïïëè Āææïïi æð Āiðïiä ïæïïæèè ïïæï ïïæè è ïðæçï ïæi ep 100-æàð ey -æyæi ñëi é ñëi äïæ. Õïðææïðæè ïðïææð à ïïyæði Ĩ Ĩ ñëiæi Āææïïi æð Āiðïiä, yðï æüæð çai æðïüi ñæüðæi æ æèç è ×æyæi ñëà

На встрече также шла речь о предоставлении челябинской общине здания, в котором разместится национальная еврейская общеобразовательная школа. Наряду с предметами общеобразовательной программы здесь будут изучаться еврейская традиция и иврит. Финансирование школы будет осуществлять фонд «Ор Авнер».

В ходе беседы обсуждались и другие аспекты деятельности еврейской общины Челябинска.

ĂĂĨ

ĐĨ ÑÑÈÈÑÈÈĂ Ĩ ÓÑÓÈÛ Ĩ ĂĨ Ă Ĩ ĐĨ ÕÈĂ ĐĂĂÈÇÈÈ ĐĂÈÈĂÈĨ ÇĨ ÛÕ ÕĐĂÈÒĂÒĨĂ

Центральное духовное управление мусульман России выступило против попыток проверки содержания еврейской религиозной литературы, в частности книги «Кицур Шулхан Орух», на предмет наличия в ней экстремистской пропаганды.

«Мусульмане России против ревизии религиозных трудов. Духовенство само разберется, что из религиозных умозаключений, являющихся плодом человеческого интеллекта, соотносится с современной жизнью, а что нет», – говорится в письме главы Совета улемов ЦДУМ муфтия Фариды Салмана главному раввину России Берлу Лазару, распространенном 25 июля в Москве.

Муфтий отметил, что он лично ознакомился с книгой «Шулхан Орух» и хотел бы сказать, что «она не вызвала, да и не могла вызвать какого-либо отторжения». Он напомнил, что постулаты, вызывающие полемику у современников, есть и в книгах мусульман, но «это не повод запрещать, купировать, править или редактировать классические труды, так или иначе относящиеся к религиозному наследию».

«Èĩ ðæðæèĩ»

ГЛАВНЫЙ РАВВИН РОССИИ БЕРЛ ЛАЗАР:

ПРОТОКОЛ

20 июля – участие в торжественной церемонии открытия гуманитарного проекта «Социально-культурный центр для ветеранов войны и труда» в Московском еврейском общинном центре. Инициаторы проекта – Федерация еврейских общин России и Международный фонд Залмана. Его главная задача – создание достойных условий жизни для ветеранов войны и труда независимо от их национальности и вероисповедания. Социально-культурный центр будет функционировать на базе МЕОЦ. Ветераны пять раз в неделю смогут получать горячее питание, пользоваться услугами медицинских учреждений. В рамках проекта планируются также встречи с деятелями культуры.

Центр для ветеранов – не акция к празднику Победы, а часть планомерной работы, которую ведет Международный фонд Залмана.

Выступая перед собравшимися, главный раввин России отметил, что новый проект неправильно называть благотворительным. «У нас не существует слова “благотворительность”, – сказал он. – Мы занимаемся помощью людям, но называем ее словом “цдока”, что на иврите означает “справедливость”».

«Мы обязаны помогать всем, кто сегодня находится в трудном положении, – продолжал раввин Лазар. – Но когда речь идет о тех, кто принес нам Победу, мы понимаем, что помогать им – наш долг. Мы обязаны вам, ветераны, не только жизнью, но и всем, что у нас есть. И мы уверены, что эта деятельность будет расширяться. Надеемся, что вскоре вы будете воспринимать МЕОЦ как свой дом». В заключение главный раввин России поблагодарил основателя Фонда Залмана Александра Бойко.

В тот же день в МЕОЦе – участие в пресс-конференции, посвященной гуманитарному проекту «Социально-культурный центр для ветеранов войны и труда». В ней также принял участие руководитель Международного фонда Залмана Александр Бойко. Раввин Лазар особо подчеркнул, что программа рассчитана и на неевреев: «Они наши братья, наши друзья, и мы обязаны им помогать».

27 июля вместе с президентом ФЕО СНГ Леви Леваевым участвовал в званом обеде в Нью-Йорке, устроенном в их честь главой Американского еврейского конгресса – Совета Международного Еврейства Джеком Розеном. На приеме присутствовали главы американской еврейской общины, руководители российской еврейской общины и постоянные представители Российской Федерации, Украины, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана, Грузии и Латвии при ООН. В своем обращении к участникам встречи глава ФЕО СНГ Леви Леваев и раввин Берл Лазар высказали удовлетворение позитивной ролью, которую правительства государств на территории бывшего Советского Союза играют в борьбе против антисемитизма. Также они рассказали о том, как можно бороться с антисемитизмом с помощью образования, и выразили благодарность руководству этих стран за поддержку в восстановлении еврейской религиозной и общественной жизни.

В тот же день – участие в учредительном съезде Совета сефардских общин СНГ, прошедшем в Московском еврейском общинном центре.

К сожалению, «национальная ненависть» как мотив обоих нападений, фигурировавший в первоначальном варианте обвинения, не был признан судом доказанным, поскольку, по мнению судьи Мальцевой, нападавшие не знали о национальной принадлежности своих жертв, а их одежда – традиционные для верующих евреев сюртуки и черные шляпы – была якобы обыденной в морозную погоду.

Еще одним аргументом в пользу исключения «национальной ненависти» как мотива преступления стало то, что находившийся под стражей Д. Розанов не выступал ни с какими антисемитскими заявлениями. В то же время в приговоре было упомянуто, что Андрей Максин в 2002 году привлекался к ответственности за участие в избиении вьетнамца.

В беседе с журналистами раввин Александр Лакшин подчеркнул, что нападения 14 января сего года не были единичными случаями. «В этом же районе до того было совершено как минимум пять нападений на религиозных евреев, – сказал он. – Несмотря на то что мы всячески стремились избежать конфликта, нас целенаправленно выбрали из числа прохожих в качестве жертв. Поэтому для всех должно быть очевидно, что эти нападения совершены на почве антисемитизма».

Комментируя приговор участникам нападения на раввинов, исполнительный директор Федерации еврейских общин России Валерий Энгель заявил, что ФЕОР не удовлетворена приговором: «Приговор справедливо строг, однако патологическое нежелание российских судов выносить приговоры по статье 282-й вызывает у нас беспокойство».

№ xadiue

Кроме того, следовали предписания о высылке «варшавского уроженца» Калчинского в Орскую крепость, а «заграничных евреев Левина Изака и Михеля Соломона» – в Звериноголовскую и Кизильскую крепости. Каждому назначили «казенное содержание» в размере 10 копеек в сутки, в ссылке эти шестеро находились длительное время, а дело их, начатое в 1806 году, было закончено 13 февраля 1814 года. Это – первое официальное упоминание о евреях, живших в Оренбургской губернии¹.

Так что, наверное, не зря главный раввин России назвал Оренбург «городом с еврейскими корнями». Три года назад, выступая на открытии юбилейного, X фестиваля искусств «Шалом», он сказал: «“Ор” – на иврите “свет”. Значит, Оренбург – это город, который дарит свет».

Что касается самого фестиваля, уже 13 лет проводимого здесь Давидом Чарным, то это явление по-своему уникальное. Художественный руководитель одноименного московского театра «Шалом» Александр Левенбук по этому поводу сказал следующее: «Почему я и наш театр ежегодно приезжаем в Оренбург? Этот город продемонстрировал всей стране, что из национальных различий надо делать не войны, не противостояние, а праздники!»

Конечно, не всё спокойно в «Оренбургском королевстве», нередки и антисемитские выходки: несколько лет назад раввин Гоел Майерс подвергся нападению каких-то уродов, были на стенах синагоги и фашистские свастики, и надписи. Но это ведь не повод для уныния – так, для легкой грусти...

Создалось такое впечатление, что все евреи города Оренбурга рассортировались по клубам. Здесь есть Клуб евреев-фронтовиков, женский, семейный, молодежный, интеллектуальный и другие еврейские клубы. Есть, видимо, и клуб любителей шашек, иначе как объяснить тот факт, что здесь регулярно проходит турнир памяти оренбургского тренера и спортсмена-шашкиста Романа Львовича Вольчека? Состязания по русским шашкам проходят в синагоге, а все его участники играют в кипах...

Клубная и вообще всяческая еврейская жизнь оживилась в Оренбурге лет пять-шесть назад. В 1999 году, на Пейсах, вместе с супругой Кинерет и четырехмесячным сыном Менахемом-Мендлом сюда приехал раввин Гоел Майерс. «Снег был и очень холодно» – так, по его словам, встретил их Оренбург. «Когда мы приехали, было очень трудно.»

Постепенно началось восстановление синагоги, каждый день стал собираться миньян (сейчас, по словам Зиновия Эйдлица, на молитву ежедневно приходит человек 20, в субботу – больше), здесь же открыли благотворительную столовую. Начала работать первая группа детского сада, нашли помещение и открыли школу, стали развиваться различные общественные объединения. «Когда мы приехали, официально здесь было около пяти тысяч евреев. Я не знаю, насколько это точно, но вижу, что буквально каждый день появляются новые люди, новые семьи. Слава Б-гу, есть община, и многое уже работает, и много планов на будущее», – говорит раввин Оренбурга и области.

Оренбургскому Клубу евреев-фронтовиков пять лет, он объединяет 54 участника и инвалида Великой Отечественной, среди его членов – четыре ленинградских блокадника. Празднуют не только День Победы, но и каждое важное событие той войны (разгром немцев под Москвой, под Сталинградом, Курская битва и другие памятные сражения). Собираются, общаются, сидят за столом, иногда накрываемым за счет средств раввина Г. Майерса при непосредственном участии школы «Ор Авнер». Отмечают юбилеи, дни рождения, приглашают артистов филармонии, частые гости здесь – учащиеся еврейской школы. Члены клуба навещают в госпиталях и дома своих друзей-фронтовиков, которые, увы, часто болеют.

Жизнь каждого из этих стариков – срез эпохи, трагедия поколения... Соломон Израилевич Розин, 1923 года рождения, – инвалид войны. На фронте – с самого начала, воевал под Сталинградом, под Москвой. Был сапером, стрелком, ходил в немецкий тыл брать «языка». Семья эвакуировалась из Белоруссии, из города Рогачёв Гомельской области. Когда отец вывез семью в Чкалов, как тогда назывался Оренбург, призвали и его. Отец дошел до Днепра и погиб, не дойдя 100 км до того места, где семья жила до войны. Соломон Израилевич показывает похоронку: «Розин Израиль Иосифович в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб 12 октября 1943 года...» Сам Соломон Израилевич закончил разминирование двух мин, когда рядом взорвался его товарищ. Товарищ погиб, а осколками той мины покалечило Соломона, сделав его инвалидом...

Заместитель председателя клуба Марк Лейзерзон с грустью говорит о том, что ряды их редуют – только в этом году из жизни ушло три ветерана-фронтовика. Ему самому уже под 80, хотя на фронт он попал молодым, 17-ти лет, в 1943-м. Под Ржевом шли страшные бои, он был серьезно ранен в руку, попал в госпиталь. Марк Самойлович вспоминает, как потом, уже под Псковом, в Пушкиногорье, семь дней подряд ходил в атаку. Там снова был ранен – разорвавшейся миной вырвало бок, ранило ногу, грудь, повредило челюсть... Попал в госпиталь под городом Великие Луки. Потом было военное училище и 32 года службы в армии, в том числе в Оренбургском летном училище, знаменитом тем, что его окончил Юрий Гагарин.

Борису Левенштейну – 85 лет, гвардии полковник в отставке, войну прошел «от звонка до звонка». Родом из Кишинева, после начала Великой Отечественной его направили в военное училище. Воевал в танковых войсках, участвовал в боях за Дон, город Ростов-на-Дону, Северный Кавказ, Закавказье. Дважды ранен, контужен. Войну закончил в Баку. И всю жизнь, до 1994 года, служил в Красной-Советской-Российской армии – от Кавказа до Урала, от Белоруссии до Дальнего Востока и Южного Сахалина. «Такая моя сложная и простая биография, – говорит Борис Григорьевич. – Жизнь прожита очень трудная, напряженная, кровавая...» Сейчас он является членом совета Клуба фронтовиков – тех пяти человек, которые организуют все мероприятия клубной жизни, привлекают спонсоров, распределяют помощь среди ветеранов: «Занимаюсь общественной, благотворительной работой в совете нашего клуба. Чем очень горжусь», – завершает Борис Григорьевич свой рассказ.

У женщин Оренбурга – свой клуб. Его координатор – учительница математики школы «Ор Авнер» Галина Поддубская. Именно координатор, поясняет она, потому что руководителем Женского клуба всё-таки является супруга раввина Кинерет: «Она – мозг, идеи, а я – исполнитель, – объясняет Галина Евгеньевна. – В общем, Кинерет – голова, а я – руки». И еще язык, потому что Кинерет, хотя прекрасно общается по-русски, считает, что для бесед о традициях, для объяснения всех нюансов, для разговора на философские темы нужен родной русский язык. Кроме традиций здесь изучают кулинарные секреты, тенденции моды, проводят игры, конкурсы красоты, выпускают свой журнал. Готовятся и отмечают праздники – и еврейские, и семейные.

Кинерет поясняет: «Здесь считают, что еврейские традиции – это что-то очень сложное, но это не так!» Ведь здесь не просто изучают еврейские традиции – руководители клуба учитывают, что они изучаются именно женщинами, относятся с пониманием к их проблемам и интересам. «Не удивляйтесь, но для женщин, как и для детей, тоже нужна игровая форма», – смеется Кинерет.

Дамы с нетерпением ждут заседаний клуба и с удовольствием на них ходят. На заседания приглашают философов, культурологов, филологов, психологов, врачей разных специальностей, авторов интересных книг. По желанию самих дам начали изучать иврит – пока только алеф-бейс, основы языка. Зачем это им нужно? Мама волнуется: они «отстают от программы», не могут помочь своим чадам, которые учатся в школе «Ор Авнер»!

Приходил сюда и дизайнер – рассказывал о костюмах, о сервировке стола, были встречи с косметологом, специалистом по макияжу, детским психологом. Устраивают Дни здоровья – арендуют бассейн, сауну, комнату отдыха, заказывают кошерный обед. На 8 марта собирались дома у супруги раввина, пекли халы, готовили кнейдлах. В рамках клуба – уроки «очумелых ручек»: дамы делали открытки для Рош а-Шона, корзинки и подсвечники из гипса. Кинерет составляет план на полгода вперед, потому что очень многое для занятий клуба приходится везти из Израиля.

У оренбургских интеллектуалов и любителей искусств, естественно, своя мишпуха – здесь есть Литературно-музыкальная гостиная, а также клуб «Штетл», собирающий интеллектуальную элиту города. Вначале ее представители делились друг с другом сообщениями о домашних коллекциях – грампластинок, автографов известных людей, минералов и даже «сувенирных ключей от городов мира». Здесь предлагались темы для дискуссий по еврейским традициям, проводились интеллектуальные игры и конкурсы, беседы о деятелях культуры, науки и искусства. Но потом выяснилось, что даже в сравнительно небольшом Оренбурге еврей-интеллектуалы не помещаются в рамках камерного «Штетла». Решили проводить заседания Интеллектуального клуба «по профессиональному признаку»: для медиков, педагогов, инженеров...

Так что, слава Б-гу, на исторических землях оренбургского казачества еврейская жизнь идет весьма активно. Один местный житель спросил меня: «Почему, вы думаете, евреи в Израиле так хорошо воюют?» И сам же ответил: «Научились у оренбургских казаков!»

È. Èàð'áí èí

области – Бузулуке и Бугуруслане, что для нас очень важно. Издали красивый каталог этой выставки, выпустили книги стихов поэтессы и журналиста Евдокии Горбанской.

Так что же может отличить город от города? Пожалуй, то, что и одну семью от другой: люди, история, традиции.

С осени 2002 года Культурный центр в Оренбурге стал получать помощь от Ассоциации общественных еврейских организаций России, направленную на развитие семейных программ. Это правильно: возрождение национального сознания может быть полноценным лишь тогда, когда ценности личностные совпадают с ценностями, принятыми в семье. И что же, в таком случае, должен собой представлять Семейный клуб, главная цель которого, в отличие от других еврейских программ, – донести до людей знания о еврейской жизни?

Решили так: пусть в семейном клубе будет всё, что может быть в хорошей семье.

А что есть у всякой семьи и ее членов? Фамилии и имена. На образовательных семинарах «Шабатон» мы часто говорим о значениях еврейских имен собственных, их происхождении. Видели бы вы выражение лица человека, который впервые в зрелом возрасте узнает о смысле своих фамилии и имени! Ведь фамилия расскажет о предках, об истории семьи. Вроде бы простая фамилия – Кац? Простая, скажут многие, это же по-немецки «кошка»!

Кошка кошкой, а всё-таки фамилия Кац – очень почетная. Это аббревиатура от ивритских слов «Коэн Цедек» – «священник праведных». А Маршак? С детства для нас это слово – синоним сочинителя запоминающихся стишков. А теперь слушайте: «Морейну Рабейну Шломо а-Клугер» – «учитель и господин наш Соломон Мудрый»: вот в память о ком сложена эта фамилия. Услышав значение своего имени, человек погружается в себя и пытается найти в себе черты личности, заложенные в имени.

Когда семья собирается вместе, за столом? По праздникам. Некоторые еврейские праздники особо ориентированы на семью – Пейсах, например. Устроим инсценировку сейдера! Вот четыре сына с разными характерами, вот запрятывание афикомана, вот рассказ отца сыну...

Семейная жизнь в еврейской традиции строго регламентирована: от рождения, брис-милы, через бар- и бас-мицву к хупе – и так далее... Но всё это нужно знать, в том числе что такое «Хевра кадиша» и чем она занимается.

Каждый человек помнит свое детство, свою семью. Дай Б-г, чтобы вспомнить можно было с любовью. В 2004 году в мартовской радиопрограмме «18» Белла Хаимовна Фридман так тепло, так любовно вспоминала атмосферу и отношения, принятые в семье ее родителей, что уже во время монтажа передачи привычные ко всему звукооператоры из соседних студий сбежались, чтобы послушать пленку с ее голосом...

Семейная история – это прежде всего фотоальбом. Собираем воспоминания ветеранов, в нашем музее – старинные книги, древний Свиток Эстер ручной работы, коллекция открыток еврейской тематики XIX–XX веков...

Программы «Молодежный клуб» и «Клуб молодой семьи» предназначены для молодежи, собирающейся создавать или уже создавшей еврейскую семью.

Дважды оренбургские евреи имели возможность отдохнуть в семейных лагерях.

Журналист Инесса Астраханцева была редактором общинной газеты «Ахим» («Братья»). В дни одного из Общинных фестивалей еврейской книги мы отметили большой праздник – 50-й выпуск газеты. Но цены на издательские услуги взлетели, и теперь вместо газеты у нас передача на областном радио.

Женщины-хозяйки любят программу «Кулинарный мидраш». Это не только встреча с подружками, но и с собственным детством или юностью: воспоминания о семейных рецептах еврейской кухни.

Супруга раввина Кинерет Майерс и Галина Поддубская.

Для детей также организованы занятия. Особенно они любят рисовать, лепить, что-то мастерить. Женя Апрелев преуспел в таком кропотливом деле, как создание пластилиновых миниатюр. Чего стоят десять «казней египетских»!

На Лаг ба-омер дети стреляли из луков, но костров во дворе синагоги, не слишком просторном, решили не зажигать.

Швуэс в общине всегда ждут еще и потому, что это традиционный выезд на природу, с традиционными молочными продуктами, с рассказами о празднике и конкурсами. А уж купание, футбол и гуляние по берегу Урала – само собой разумеется.

Мы сотрудничаем и со школой «Ор Авнер». В дни ОФЕКа (который уже восемь раз проходил в Оренбурге) ребята-школьники принимают участие в традиционном конкурсе сочинений, рисунков и поделок на еврейские темы.

В детском саду.

События культурной жизни города мимо нас не проходят. Музеи, выставки, кино...

Семейный клуб уже имеет свою историю. Какие-то формы его работы развиваются, что-то не выдерживает проверки временем.

Для чего рождается человек? Сказано: «Ле-Тора, ле-хупа у-ле-маасим товим» («Для Торы, для хупы – переведем как “для семьи” – и для добрых дел»). Семья в этой формуле стоит в середине. Смысл семейного клуба в том, чтобы он связывал семейную жизнь и с еврейской традицией, и с личностью человека.

ÈÑÒÎ ÐÈ × ÀÑÈÀß ÑÏ ÐÀÀÈÀ

Первое документальное свидетельство о ссылке в Оренбургскую губернию шести евреев относится к 1806 году.

В первой половине XIX века основным еврейским населением Оренбуржья, как и везде на Урале, были кантонисты.

Институт кантонистов для евреев был отменен лишь в 1856 году, поэтому их количество всё увеличивалось, и к 1843 году в уральских батальонах – Пермском, Оренбургском и Троицком – несли службу 1812 евреев-подростков.

В дальнейшем, при Александре II, после принятия либеральных законов, облегчающих расселение евреев за пределы «черты оседлости», здесь всё больше появляется евреев-ремесленников и мастеровых (портных, сапожников, часовщиков, столяров, слесарей, пекарей, винокуров, мыловаров и др.). А также фармацевтов, фельдшеров, дантистов, купцов 1-й и 2-й гильдий и лиц, имеющих высшее образование. Кроме того, в 1860-х годах из Польши в Оренбургскую губернию под надзор полиции ссылались политически неблагонадежные евреи. По статистике, в Оренбурге в конце 60-х – 70-х годов XIX века проживало около 700 евреев, в основном мужчин, что составляло несколько больше 1% населения.

Значительную часть мужского еврейского населения Оренбурга во второй половине XIX века составляли отставные солдаты и унтер-офицеры, что обуславливалось большим количеством военных и

казаков в приграничной Оренбургской губернии вообще. В 1889 году в Оренбурге проживало почти 1200 евреев, или 2,33% городского населения, но среди приезжавших сюда евреев постепенно стали преобладать не отставные солдаты и унтер-офицеры, а мещане из западных губерний России. По данным Всероссийской переписи населения 1897 года, «лиц иудейского вероисповедания» в Оренбургской губернии проживало около 2 тысяч (или 0,12% всего населения губернии), из них в самом Оренбурге – 1241.

В начале XX века, в канун и во время первой мировой войны, еврейская диаспора также пополнилась, в том числе за счет евреев-беженцев из района военных действий, а также семей евреев, призванных на военную службу. Кроме того, проводилось массовое выселение евреев из прифронтовой полосы в связи с подозрениями в шпионаже и политической нелояльности. По данным Еврейского комитета помощи жертвам войны, на 4 ноября 1915 года количество евреев-беженцев во всех четырех уральских губерниях составило 6731 человек. В годы Великой Отечественной войны Оренбург оказался в числе тех городов Урала, куда из западных и центральных районов страны хлынула волна беженцев. Также сюда прибыло большое количество эвакуированных с промышленными предприятиями, среди которых было немало евреев-специалистов.

До революции в городе было несколько синагог и молельных домов. Первые молельные дома, носившие название «солдатских», стали появляться на Урале с середины XIX века. Однако известно, что в Оренбурге в 1860-х годах наряду с имевшимся «батальонным» молельным домом существовал «инженерный». Имелся и отдельный молельный дом бухарских евреев, позднее уничтоженный пожаром. Одна из оренбургских синагог называлась «бандитской», поскольку в нее ходили молиться осужденные евреи.

Сохранившаяся донныне каменная синагога была построена в 1871 году. Молва утверждает, что строить ее помогали русские и мусульманские купцы.

В 1888 году в пояснительной записке к проекту нового плана Оренбурга говорилось, что в городе имеется «одна каменная синагога и один молитвенный дом в частном доме». По данным Губернского правления, в 1912 году в Оренбургской губернии имелось пять еврейских молитвенных домов – три в Оренбурге и по одному в Челябинске и Троицке. В них служили три казенных раввина и один кантор. К началу 1930-х в Оренбурге, как и везде на Урале, синагоги, молельные дома, здание ешивы (сохранившееся до сих пор, но находящееся в весьма плачевном состоянии) были реквизированы, а сами организации закрыты.

Е. Набиуллин

Считать просто: отец-мать – двое, дедушки-бабушки – четверо, прабабушки-прадедушки – восьмеро. И так далее, геометрическая прогрессия: 16, 32, 64, 128, 256, 512, 1024... Как быстро она нарастает!

Результат ошеломляющий: полтысячелетия назад у каждого из нас было более миллиона предков! Этих пра-пра, двадцать раз надо повторить, дедушек и бабушек. Если же попробовать посчитать, сколько у каждого из нас за эти же 500 лет всего предков, в сумме, то получится более двух миллионов. Представьте, если, по Торе, когда-нибудь придет день, когда все мертвые восстанут из могил...

У всех жителей Земли генеалогические древа настолько переплелись кронами, что правильно говорится: все люди – братья!

...1492 год. Черный год в истории еврейского народа. Инквизиция, испанские король и королева изгнали евреев из Испании. Несколько лет тому назад нынешний испанский король Хуан-Карлос Второй попросил у еврейского народа прощение за это деяние и сказал, что исторически оно нанесло его стране непоправимый ущерб.

И вот в Оренбурге, в гостях у Хаима Кивовича Рабкина, я держу в руках его родословную. В ней сказано, что его недавно умершая жена Дайха Минц – потомок известных испанских раввинов – семьи Шальтиэль. То есть род этот насчитывает те самые 500 лет, которые мы брали за основу математических выкладок.

Как и кем было составлено это генеалогическое древо?

На первом из трех густо исписанных листков родословной значится: «Отцу Элизеру Лейну в день столетия со дня рождения посвящается. Мина Лейн. 1993 год». Это израильская исследовательница, которая поставила целью проследить истоки своего рода как можно глубже. Линия этих Лейнов несколько поколений назад пересекается в генеалогическом древе с линией Минцев, к которой принадлежала покойная жена Хаима Рабкина.

Мина Лейн использовала, конечно, все возможные источники. Это и рассказы стариков, а на ветвях древа памятливых долгожителей было немало. Например, Хана Цинман-Фраткина, прожившая 94 года, могла вспомнить очень многое и очень многих. Девяносто шесть лет прожила Малка-Ципа Цинман-Лейн, у нее, кстати, было восемь детей, так что генеалогическое древо активно росло не только ввысь, но и вширь. Оренбургский раввин Гоэль Майерс помог найти одного из Лейнов в Америке.

Ну а остальное – работа в архивах в нескольких странах мира.

В том списке, который исследовательница прислала Рабкину, отражены не все предки, миллион имен не уместился бы и в толстой книге. Уверенно, без пропусков, ветви, на которых 152 имени, тянутся от раввина Эльханона Хейна (может, из рода великого поэта Генриха Гейне?). Этот Хейн родился в 1777 году. Начиная от него, Хаим Рабкин как муж Дайхи Минц, так получилось, сотый по счету, дальше идут их дети.

Как попали Рабкины и Минцы в Оренбург?

Предположительно можно сказать только о первом, самом большом этапе. Из Испании изгнанники – а они и в Испанию попали, будучи изгнанными с исторической родины, – переселились на восток, сначала в Германию, а дальше частично в западные районы Украины и Белоруссии, которые были тогда под властью Польши. И когда начались разделы ослабевшей Польши, миллионы евреев стали подданными российской короны.

Покойная жена Рабкина Дайха Минц родом из Петербурга, затем переехала в Невель. Хаим – из Жлобина. Они – дети новой, советской эпохи. Хаим Кивович помнит, что еще до войны в его восьмилетке воинствующие атеисты из «Живой газеты» выявляли и клеймили позором всех – и иудаистов, и православных, и католиков. Да и помнить свои корни не считалось тогда важным.

Последний экзамен он сдал 21 июня 1941 года. Через день мальчишки уже копали рвы вокруг города. Но фашисты на третий день войны бомбили Жлобин, а вскоре и захватили. Отец ушел на фронт, семья месяц добиралась до родни в Чкалове-Оренбурге.

Здесь Хаим окончил школу ФЗО, фабрично-заводского обучения. Стал токарем, 56 лет проработал на заводе «Радиатор». В Оренбурге он и познакомился со своей будущей женой, тоже эвакуированной. Один их сын, Иосиф, – врач-хирург в Орске, другой, Михаил, – пианист, работает в Оренбургском институте искусств имени отца и сына Ростроповичей. И как уже сказано, все они тяжело переживают недавнюю смерть жены и матери.

А теперь хочу напрямую обратиться к читателям: знаете ли вы своих предков? Есть ли у вас генеалогические древа своих родов? Можете ли вы прислать в редакцию рассказы о своих славных предках?

Перечтите эпиграф Жуковского. Не правда ли, хорошо и правильно сказано?

А. Айтс

ÈÇ ΔΙΆΙΝΕΙΆΙ ΓΈ Ι ΙΔΕΝΆ ΑΔΡ-ΓΙΑ, ΕΈΕ ΑΔΑΕΝΕΑΒ Ι Α Χ ΑΟΥ

«Άνε ιτερεαου δι α διανιειαιτε εαεαια οδαιουα ι ιαει ιαεοε διηεα ειδη. Ι αι, ιαιδει αδ ι ιιαα ηηγυααο η Ιδαι αοδαι ». Υοε ηειαα ηεαεε αιηι εδι ι εαηοιυε ιεηοαευ Ι ιδεν Αδρι ιαδαι ι ιαειε ε Διηεη ηηι ιη 2003 αια

Недавно по еврейской общине Оренбурга разнеслась весть о том, что найдена какая-то старинная еврейская печать. Какая? Какая-то. Кто нашел? Кто-то. Где нашел?..

Само произнесение слов «еврейская печать» было приятно. Слова эти означали, что оренбургские евреи предыдущих поколений имели свои организации, играли заметную роль в жизни города и вообще не сидели в подполье.

Вскоре выяснилось, что печать найдена была совершенно случайно. На дачном участке, на дальней окраине города, за Уралом, врач Лев Михайлович Портнов вскапывал огород. Дачные участки выделялись здесь двадцать лет назад, на пустом месте, недалеко от водоема – то ли озерцо, то ли пруд, то ли старое русло Урала...

Ι ιδεν Αδρι (αοιδηε η δαα) ααο ει οαδαιη ααδαιειε δαιει οαδαι ι α Ιδαι αοδαιηη ααδαιειηη εεηηοδι ια οαι οδα

Оказалось, что «лопата наткнется на что-то твердое» не только в приключенческих романах!

На меди вырезаны были слова: «Общество пособия бедным евреям г. Оренбурга». В дореволюционной орфографии: с ерами, ятями...

Что за общество такое? Этот вопрос не задавали только те, кто читал книгу профессора Оренбургской медицинской академии Ильи Кагана «Очерк истории евреев Оренбуржья в XIX – начале XX вв.». Вот что там написано:

«Учредителями общества выступали: Оренбургские купцы А. О. Леск и Я. Л. Урицкий, Оренбургский мещанин В. Г. Елин, провизор М. М. Гершевич и Потомственный почетный гражданин И. М. Шапиро. Они представили губернатору заявление о своем желании образовать “Общество пособия бедным евреям г. Оренбурга”, к которому приложили новый устав общества. Губернское по делам об обществах присутствии 22 декабря 1909 г. разрешило регистрацию общества.

По уставу общество имело целью “доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных евреев г. Оренбурга, без различия пола, возраста и звания”.

Помощь общества выражалась:

1) Снабжением одеждой, пищей и приютом неимущих, выдачей им в крайних случаях денежных пособий;

2) Содействием в нахождении работы или службы, в приобретении материалов для работы и инструментов, в выгодном сбыте изделий бедных тружеников;

3) Обеспечением бедных больных медицинской помощью, помещением их в больницы за счет общества, содействием в погребении умерших;

4) Определением престарелых и немощных в богадельни, дома призрения и т. п., а малолетних в сиротские дома, приюты, ремесленные и учебные заведения;

5) Распространением книг нравственного содержания <...>

Общество оказывало помощь местным бедным евреям и больным денежными пособиями, выдачей бесплатных лекарств, бедным детям в обучении и одежде, содействовало неимущим местным и проезжим в возвращении к местам постоянного жительства <...>

Особую роль сыграло общество в содействии обучению детей из бедных семей. За счет общества содержался хедер, в котором обучалось бесплатно от 16 до 23 детей^{*}.

Печать отправится в музей истории общины, о находке написала «Комсомольская правда в Оренбурге»...

А нам пора вернуться к словам Мориса Дрюона об оренбургских корнях. Каким же образом французский писатель, член Французской академии, лауреат Гонкуровской премии, экс-министр культуры Франции, чьи книги из цикла «Проклятые короли» в Советском Союзе люди доставали всеми правдами и неправдами, – может быть связан с вековой давности еврейской печатью из Оренбурга?

Если действительно хорошенько поискать, то окажется, что не только русские, но даже и еврейские корни остались у Дрюона в Оренбургской земле.

Прадед Дрюона по материнской линии, оренбургский купец 1-й гильдии Антон Осипович Леск, был одним из учредителей еврейского благотворительного общества. И печать, вновь появившуюся на свет Б-жий через полгода после визита в Россию правнука, веком раньше сжимали пальцы прадеда, скреплявшего ею документы о помощи неимущим собратьям. Была у Леска солидная дача за Уралом. Где она находилась – точно неизвестно, но находка медной печати, вероятно, позволит определить и место дачи.

Как сложилась судьба потомков Антона Леска? Дочь владельца первых в Оренбурге универсальных магазинов, изучавшая медицину во Франции, познакомилась там с земляком, также студентом-медиком, Самуэлем Кесселем. Свадьбу устроили в Оренбурге, однако на месте молодоженам не сиделось. Год прожили в еврейской колонии в Аргентине, где родился сын Жозеф (довольно легко представить, как мамы звали своих детей, во Франции ставших Жозефами и Самуэлями: Йося, Шмулик), потом – восемь лет вновь в Оренбурге и рождение сына Лазаря, который впоследствии даст жизнь Морису.

В 1907-м, из-за болезни отца, семья меняет резко континентальный климат полуазиатского Оренбурга на средиземноморскую Ниццу. «Общество пособия бедным евреям» будет создано уже после отъезда родителей Дрюона из Оренбурга. А может быть, часть забот об уехавших детях Антон Осипович перенес на нуждающихся соплеменников?

Жозеф станет военным летчиком, но прославится как писатель. В благодарственной речи при приеме во Французскую академию он сказал: «Вы принимаете в Академию русского, и даже еврея, чтобы прославить на тысячу лет».

Его брат Лазарь Кессель проявит себя очень талантливым артистом, прекрасно сыграет Гамлета. Но в 21 год он покончит с собой, оставив сиротой двухлетнего Мориса, родившегося в 1918 году в Париже. Дрюоном тот станет по фамилии отчима – мать вновь выйдет замуж.

В годы войны Дрюон – активный участник французского подполья, соратник де Голля. Вместе с дядей Жозефом он сочинил песню – гимн французского Сопротивления. А после войны создал многочисленные исторические романы, самыми известными из которых стали остросюжетные романы серии «Проклятые короли». Как и дядя, он удостоился звания члена Французской академии.

Образ Оренбурга жил в его сознании, возникнув после рассказов дяди Жозефа. Образ этот носил черты некоторой сказочности: золотые купола церквей и свечи минаретов, караваны верблюдов, привозящие в город на границе Европы и Азии сокровища Востока – шелк и пряности...

И вот осенью 2003 года по приглашению Оренбургского благотворительного фонда «Евразия» Дрюон с супругой приезжает в город предков, сопровождаемый другим известным земляком – Виктором Черномырдиным. «“Оренбург” для меня звучит как бесконечная поэзия. Очень хотел бы познакомиться с городом, пока Г-сподь оставляет мне еще некоторые силы», – так написал он президенту фонда И. В. Храмову перед визитом.

В Москве писатель встречался с президентом Путиным и подарил ему первое легальное, «непиратское» собрание своих сочинений, вышедшее только что в России. В Оренбурге губернатор А. А. Чернышев вручил Дрюону копии архивных документов, подтверждающих его оренбургское происхождение. Писатель прошел по улицам города, посетил места, где стоял дом его прадеда, синагога, в которой прошла «хупа» его родителей, гимназию, где учился его дед.

Е. Е. Еskin.

В интервью оренбургской еврейской радиопередаче «18», отвечая на вопрос о том, сохранились ли в его сознании еврейские традиции, обычаи или язык, он ответил:

– Я – католик. Из еврейских слов знаю «шалом». В Оренбурге мне очень понравилось соседство бок о бок православных храмов, синагоги и мечетей. Желаю всем слушателям вашей программы жить в мире и дружбе со всеми народами и конфессиями многонационального Оренбуржья.

Отзыв 85-летнего Дрюона, опубликованный по возвращении во Францию в газете «Фигаро», покажется оренбуржцам несколько мифологизированным, взволнованным – как и образы его детства: «Сегодняшний Оренбург с полумиллионным населением сохраняет свое очарование. Красивые неоклассические дворцы города находятся по соседству с улочками с деревянными домами, окна которых, кажется, являются воплощением вечной России. Я возвращаюсь из Оренбурга, который меня соблазнил, восхитил и покори́л. Часть моих предков жила там, и я решил отправиться туда. Оренбург стал как бы последним местом моего паломничества перед тем, как я покину этот мир».

Вот чем оказалась небольшая медная печать, найденная случайно в оренбургской земле, на дачном участке за Уралом: еврейским корнем выходца из России, знаменитого французского писателя. Католика по вере, еврея по крови, оренбуржца по происхождению.

È. Nàààèùçíí

** Èàààí È. È. N. 53-58*

ÄËÏÄÑÒÈÈ ÌÄÄÈÀÒÏÄÏÄ

Ï ù ñèàèì áðõòíí èààèíàòá àðá-á-í äèèàò ðà ïðáí àòðáíèé äáðáèíèé øèèèú «Ï ð Äáí áð» è ááíáááí ñ áá òíçèèé, Ýèáííðé Èðáíèèíáé. Ó ï áíç á ðèèáð - ðáòáðáò áá ñííá Äáðá Èðáíèèíáá, áíííðéèèà øèèèú «Ï ð Äáí áð», á ïúíá ñòóáíðá ïäèèàòðè-áíèíá òáèèúðáðá Ïðáí àòðáíèé ï äèèèíèé èèááí èè, ïá òáí á «Äèíáñòèý äá-áé. ×áò ùðá ïíèèèáíèý»:

«Ä ïá-áèá ïðèèèá ñòèèàòèý çáíèèááèèá òðáððèèèáíí áíèí ï-áí ù ðáí ðíððáí áíí ñðáèè ïáááí á-áíí ùò áðíí ïáíèèáíèý. Ä Ïðáí àòðáíèé áááðí èè ïí èíèèèàòèèá ïðááíèè áíí ùò áðá-áé áðíáá ïðèðíèèíí ïðáí àòðáíèéá ïðááèèèá Äáðííèèèèé èèè ïí áíðáá ñ òðáððèèèáíí. Èðáè, ïáááðáçèè-íúá è ááááíáí ó íáèèè, èáèèáð ááíí ó ðááèèèííí ïðíáíèèè áíè «Äáèíé ðíí áøèè». Ä çòè áíè ïðíáíèèè èííáððóó, èíðáðáè, ïðíáááèíý è ñáí ááèúè òááòíé. Äáèáý ðíí áøèá - çèí, ïèðáèáííá ñèèáí è áíáðá, - ýáèýáòíý ñèí áíèíí òðèèèàòðè-áíèíé ñèèèáú. Äíá áíðó-áííúá ááííèè øèè ïá ïíèèèé èáèáðíá, ïðèðíèèèá èòí ùíèèá-ááí èò áèý áíèíí ùò òðáððèèèáíí ».

Среди тех, кто еще в 1913 году продавал ромашки и собирал пожертвования, была и маленькая Сонечка Мархашева – будущая бабушка Элеоноры Львовны и прабабушка ее сына Егора.

«После окончания Оренбургского медицинского училища в 1933 году Софья Лазаревна Мархашева поехала в Харьков, поступила в медицинский институт. Несмотря на трудности, голод на Украине, работала медсестрой и училась в институте. Там встретила свою судьбу – Алексева Захария Ивановича, выпускника Киевской военно-фельдшерской школы. В 1938 году окончили мединститут, стали работать в Харькове: она – врачом-педиатром, он – военным врачом. В 1939 году Захарий Иванович был направлен в район боевых действий на Халхин-Гол и озеро Хасан, в Великую Отечественную с первых минут и до конца участвовал в боевых действиях. За боевые заслуги награжден орденом Ленина, Красной Звезды, Красного Знамени и другими орденами и медалями. Прослужив в Советской армии 25 лет, подполковник медицинской службы с 1946 года работал начальником поликлиники станции Оренбург, с 1950 года – главным врачом клинической больницы станции Оренбург. Софья Лазаревна всю войну работала в военном госпитале, а после вернулась в любимую педиатрию – с 1952 по 1984 год работала фтизиопедиатром».

Не могла не пойти по стопам родителей их дочь, Регина Захарьевна, – мама Элеоноры Львовны. Она окончила Оренбургский мединститут и с 1962 года по сей день работает фтизиопедиатром в городском противотуберкулезном диспансере, заведующим детским отделением Оренбургского противотуберкулезного диспансера.

«Ï á-èíáèá ðááíðáòú á ááòíèíí ñòáèèíáðá ïá 50 èíáè. Ïèèííèèáèíú ááðáè áíèè áíèííú òðáððèèèáííí ï áíèíáèòíí. Ýòíð áèááíç á òá áááííç á-áè ïí-òè 100-íðíáíòíð ñ áðòú èèè òýæáèð èíáèèáííðú. Ä 1963 ááò á áðíáá áíè ááááíí ïíáíé ïáòíá ïðèèáèè ïðíèèá òðáððèèèá, è ïííáíííáí-áèè ñ ðáèýðòííý ñèííáèèèè».

Надо ли объяснять, почему ее дочь, Элеонора Красикова, в 1981 году поступила на педиатрический факультет Оренбургского мединститута? Окончив его, 12 лет преподавала в Оренбургском областном медицинском колледже, и сегодня во всех больницах города и области работают ее ученики.

***«Ἴ ἡ ἀεὶ αἰεὶ ἰατρὴ ὄντιν ἂν ἰδῶσθε: ἀνδρῶν ἢ ἀεὶ οὐδὲν ἄλλο, ἐν ἑαυτῶν ἐπιπέδῳ ἢ ἀπὸ τοῦ
ἰατρικῆς ἰσχύος ἀπὸ τῆς ἀεὶ οὐδὲν ἄλλο οὐδὲν ἄλλο «Ἴδ' Ἀαῖαδ'. Ἴ αὐτῶν πᾶσι ἀπὸ τῆς ἀεὶ
ἰατρικῆς ἰσχύος ἢ ἀπὸ τοῦ ἀπὸ τῆς ἀεὶ οὐδὲν ἄλλο οὐδὲν ἄλλο».***

Работать в школе «Ор Авнер», где Элеонора Львовна трудится со дня ее основания, ей действительно очень нравится – на ней не только лечение детей, контроль состояния их здоровья, но и забота о ежедневном питании, оздоровлении, об отдыхе детей – летних лагерях, которые вот уже несколько лет традиционно организуются в Сочи. «К сожалению, у нас много детей из необеспеченных семей, есть дети-сироты, дети-инвалиды, которых родители не в состоянии вывезти на море. Поэтому то, что у нас есть возможность раз в году вывезти наших детей на отдых в Сочи, это очень здорово!» – говорит Элеонора Львовна.

То, что сын выбрал специальность педиатра, ее только радует. Она считает, что мужчина-врач профессионально лучше женщины: «Мнение о том, что педиатр – женская профессия, наверное, ошибочное. Мужчины могут более абстрактно мыслить, могут отвлечься от семейных проблем и отдаться работе, поэтому из них получаются хорошие врачи и хорошие руководители. Женщина же по характеру строения головного мозга мыслит более конкретно: если дома заболел ребенок или нечего ужинать, она будет думать об этом весь день. Поэтому я считаю – хотя это, может, дискриминация по половому признаку, – что мужчины как специалисты лучше, чем женщины. Это подтверждается специальными исследованиями в области физиологии, и я с этим согласна».

Профессию педиатра сегодня выбрать нелегко – эта специальность потеряла свою престижность, чего не было ни в ее времена, ни тем более во времена ее мамы и бабушки. Несмотря на это, сын Егор выбрал эту сложную профессию. И Элеонора Львовна рада: она всё равно уверена, что за медициной – будущее.

Ἐ. Ἐαδῖαί εἰ

Â ØÊÏËÁ ÂÑÃ ÄÏ Ì Á

Á ïðáí áððáñééé øéïéá è äáðíéèí ñáééá «Ïð Ááíáð» óáéáééá éáéáÿ-ðí íáíáíéííááííáÿ «áíí áéíííðó». Ááðíáá, íá á øéïéá, à á øéïéáð, òáé éáé ðáçáðííáí ù ó-ááííá çááááíéÿ ÿðíáí í áááááé-áñéíá «éóíòá» íí áííí ó áðíáá

У оренбургского садика и школы «Ор Авнер» юбилей – пять лет. За этот срок учебный центр приобрел большой авторитет, и ныне здесь обучаются 150 детей. «С молодых ногтей» они изучают Тору, традиции, иврит, английский язык, плавают в бассейне, с ними занимаются музыкой, изобразительным искусством. В общем, полноценная детская жизнь. И, что важно, еврейская.

Заведующая детским садом Татьяна Васильевна Михальская объясняет, что «ор-авнеровская» система очень удобна, есть преемственность, процесс воспитания и обучения не прерывается: «Из садика – в начальную школу, отсюда – в среднюю, потом – в старшую. Дети всегда как дома». Детский садик и начальная школа расположены в одном здании. Детишек развозят по специально разработанным маршрутам – чтобы было удобно им и родителям, которые каждое утро приводят своих чад к остановкам, откуда их забирает автобус. Три подразделения школы – детсад и начальная, средняя и старшая – хоть и разбросаны по разным частям города, но, шутят педагоги, связаны «самым главным» – кошерным питанием. Его готовят на кухне в средней школе, а потом развозят по остальным.

Домашняя обстановка создается общими усилиями – учителей, воспитателей, родителей, девушек-практиканток, выпускниц женского педагогического колледжа «Бет-Хана», добрейших поваров и нянечек. И, конечно, супруга раввина Кинерет Майерс, которая успевает везде – и во всех школах, и в садике, и в женском клубе...

Есть в учебных заведениях «Ор Авнер» и «трудные» дети. К ним нужен особый подход: питание, врачи, лекарства, каждый новый сезон – одежда и обувь... Неполная семья, пьющая мать и – больной ребенок, предрасположенный к эпилепсии... К сожалению, он здесь такой не один. Но благодаря долгой и затратной индивидуальной работе (как говорит Кинерет, «очень личной») мальчик Витя, слава Богу, «стал похож на ребенка»...

В оренбургской школе «Ор Авнер» мы познакомились с девушками из Украины, которые раньше учились в Днепрпетровске, в «Бет-Хане». Сейчас Марина Афтонас и Настя Мирошникова в садике и в начальных классах школы ведут занятия по еврейским традициям и изучению Торы, а Илана Кузнецова преподает традиции в старших классах. Они провели здесь целый учебный год и собираются работать постоянно.

Марина родом из города Котовск Одесской области. Она – педагог потомственный, пошла по маминым стопам, и ее заветная мечта – работать с самыми маленькими – в Оренбурге обрела реальные очертания. Конечно, сначала было страшно, всего боялась, но сейчас привыкла. «Недаром провела этот год, приобрела опыт, – говорит Марина. – Главная наша цель – поднять еврейский дух, еврейскую культуру. Потому что у народа, который не знает своего прошлого, нет будущего. Нашим детям все это очень интересно. Вообще, с ними здорово, каждый день открываешь что-то новое».

Практикантки Хана и Либа приехали из Израиля. Там они учатся в институте «Бет-Ривка», приехали на четыре месяца, этот срок засчитывается им в рабочий стаж. Студенток из института посылают в школы и детские сады «Ор Авнер» по всему СНГ, для них эта практика очень важна, так как дает и опыт, и определенную перспективу на будущее. Израильтянки рассказывают, что особых трудностей не испытали – им помогают, о них заботятся. Больше всего им нравится возиться с детишками. Конечно, главная проблема – язык. Но, говорят девушки, «мы даже не подозревали, что и без слов с детьми можно так замечательно общаться». Это общение они считают главным в своей работе.

Директор учебного центра – Светлана Александровна Нудельман, о которой рав Гоел Майерс говорит: «Она лучший директор школы “Ор Авнер” в СНГ!». Ни больше ни меньше... Светлана Александровна рассказывает: «Оренбургская еврейская школа, как и все учебные заведения “Ор Авнер” такого типа, – это негосударственная школа полного дня с этнокультурным компонентом, где отличное образование сочетается с традиционным еврейским воспитанием. Дети проводят здесь почти весь день, получают трехразовое питание, изучают, помимо общих для всех школ дисциплин, иностранные языки – иврит и английский (с 1-го класса), еврейские традиции, Тору». Директор объясняет, что концепция, программа развития, образовательная программа строятся на российском стандарте образования – то есть включают обязательные для всех школ России предметы. Учебный план составлен на основе этого самого «базового стандарта», но иврит (в качестве иностранного языка) и традиции (история и культура своего народа) являются обязательными.

Старшие классы – с 9-го по 11-й – учатся в «главном офисе» школы. Мы попали к ним на Шабос. В уютной столовой девушки зажигали свечи, произносилась молитва. Школа уже четвертый год выпускает 9-й класс и третий год – 11-й. Отличительная черта учебных заведений «Ор Авнер» еще и в том, что после окончания связь выпускников со школой не прерывается. Она продолжается через их учебу в еврейских учебных заведениях в Москве и в Израиле, через участие в работе клубов и просто через помощь, оказываемую родной школе.

È. Èàð'áí èí

НАШИ СЕНТЯБРЬСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

7 СЕНТЯБРЯ

50 лет со дня рождения математика, члена Национальной АН США, профессора Чикагского, Йельского и Калифорнийского университетов, автора работ в области теории групп, решившего проблему Бернсайда, лауреата премии Филдса **Ефима Исааковича Зельманова** (р. 1955, Хабаровск).

70 יָאָר מִן אִיּוֹם הַבְּרִיאָה (3 зула) общественного деятеля, первого главного раввина Эрец-Исроэл, духовного лидера религиозного сионизма **рабби Авраама-Ицхака Кука** (אִיִּצְחָק; 1865, Грива Витебской губ. – 1935, Иерусалим).

10 СЕНТЯБРЯ

50 יָאָר מִן אִיּוֹם הַבְּרִיאָה эстрадной певицы, народной артистки РФ **Ларисы Александровны Долиной** (р. 1955, Баку).

110 יָאָר מִן אִיּוֹם הַבְּרִיאָה этнографа, члена Национальной АН США, профессора Северо-Западного университета, автора работ в области общей этнографии и культуры народов Африки и негров Америки **Мелвилла Джона Херсковица** (Herskovits; 1895, Белфонтин, США – 1963, Эванстон, США).

12 СЕНТЯБРЯ

75 ёаò ì ãÿ ðíæããíéÿ экономиста, члена Национальной АН США, профессора Чикагского и Гарвардского университетов, автора работ в области эконометрики **Цви Грилихеса** (Griliches; 1930, Каунас – 1999, Кембридж, США).

13 СЕНТЯБРЯ

55 ёаò ì ãÿ ðíæããíéÿ артиста эстрады, исполнителя собственных песен, народного артиста РФ **Александра Яковлевича Розенбаума** (р. 1950, Ленинград).

14 СЕНТЯБРЯ

65 ёаò ì ãÿ ðíæããíéÿ баскетболиста, обладателя золотой олимпийской медали 1964 года **Лореса Брауна** (Brown; р. 1940, Нью-Йорк).

85 ёаò ì ãÿ ðíæããíéÿ экономиста, члена Национальной АН США, профессора Пенсильванского университета, автора работ в области эконометрики, лауреата Нобелевской премии по экономике 1980 года **Лоренса Клейна** (Klein; р. 1920, Омаха, США).

15 СЕНТЯБРЯ

70 ёаò ì ãÿ ðíæããíéÿ летчика-испытателя, Героя РФ **Юрия Гарриевича Абрамовича** (р. 1935, Харьков).

60 éàò ì ãíÿ ðíæääíéÿ пианиста, профессора Брюссельской консерватории, лауреата 1-й премии на международном конкурсе пианистов им. королевы Елизаветы **Евгения Гедеоновича Могилевского** (р. 1945, Одесса).

16 СЕНТЯБРЯ

60 éàò ì ãíÿ ðíæääíéÿ артиста эстрады, народного артиста РФ **Евгения Вагановича Петросяна** (Петросянц; р. 1945, Баку).

115 éàò ì ãíÿ ðíæääíéÿ кавалера «Креста Виктории» (высшей военной награды Великобритании) **Иззи Смита** (Smith; наст. имя и фамилия Исроэл Шмиловиц; 1890, Александрия, Египет – 1940, Мельбурн).

17 СЕНТЯБРЯ

40 éàò ì ãíÿ ðíæääíéÿ режиссера, поставившего фильмы «Подозрительные лица», «Люди Икс» и др., **Брайана Сингера** (Singer; р. 1965, Нью-Йорк).

100 éàò ì ãíÿ ðíæääíéÿ математика, члена Нидерландской королевской АН, профессора Утрехтского университета, автора работ в области алгебраической топологии **Ханса Фрейдентала** (Freudenthal; 1905, Луккенвальде, Германия – 1990, Утрехт, Нидерланды).

18 СЕНТЯБРЯ

90 éàò ì ãíÿ ðíæääíéÿ физика, члена Национальной АН США, профессора Калифорнийского университета, автора работ в области атомной физики **Теодора Холстейна** (Holstein; 1915, Нью-Йорк – 1985, Лос-Анджелес).

22 СЕНТЯБРЯ

90 *עאַרס טאָג פֿאַר אַינע פֿאַרעאַנגע* композитора, создателя и руководителя Молодежного музыкального клуба при московском Доме композиторов, автора моноопер «Дневник Анны Франк», «Письма Ван Гога», вокально-инструментальных циклов **Григория Самуиловича Фрида** (р. 1915, Петроград).

260 *עאַרס טאָג פֿאַר אַינע פֿאַרעאַנגע* (18 зула) законоучителя и общественного деятеля, одного из родоначальников хасидизма, основоположника учения «Хабад», автора трудов «Ликутей аморим» («Собрание речений», известен также под названием «Тания»), «Тойра ойр» («Тора – свет») и др., свода религиозного законодательства, известного под названием «Шулхан Орух а-рав» («Шулхан Орух Раввина»), составителя молитвенника «Нусах Ари» («Версия р. Ицхака Луриа») **рабби Шнеура-Залмана** из Ляд (Алтер Ребе, Рав, Баал а-Тания ве-Шулхан Орух, **שניאור זלמן מליאדי**; 1745, Лиозна, Речь Посполита – 1813, Пены Слободско-Украинской губ.).

26 СЕНТЯБРЯ

150 *עאַרס טאָג פֿאַר אַינע פֿאַרעאַנגע* участника революционного движения, публициста, переводчика, журналиста, одного из основателей группы «Освобождение труда», одного из лидеров меньшевиков **Льва Григорьевича Дейча** (1855, Тульчин Подольской губ. – 1941, Москва).

28 СЕНТЯБРЯ

95 *עאַרס טאָג פֿאַר אַינע פֿאַרעאַנגע* государственного деятеля, Героя Социалистического Труда, председателя Госплана, Совнархоза и Госснаба СССР, лауреата двух Государственных премий СССР **Вениамина Эммануиловича Дымшица** (1910, Феодосия – 1995, Москва).

80 ёаò ì ãíŷ ðŕæääíèŷ математика, члена Национальной АН США и Лондонского королевского общества, профессора Принстонского университета и университета Ратджерса, автора работ в области теории чисел, лауреата Национальной научной медали США **Мартина Краскела** (Kruskal; р. 1925, Нью-Йорк).

29 СЕНТЯБРЯ

135 ёаò ì ãíŷ ðŕæääíèŷ одного из организаторов и лидеров партии эсеров, главы ее Боевой организации, руководившего рядом террористических актов, **Григория Андреевича Гершуни** (1870, Минск – 1908, Цюрих).

70 ёаò ì ãíŷ ðŕæääíèŷ математика, члена АН Израиля и Национальной АН США, профессора Еврейского университета в Иерусалиме, автора работ в области теории чисел **Гилела (Гарри) Фюрстенберга** (Furstenberg; р. 1935, Берлин).

30 СЕНТЯБРЯ

85 ёаò ì ãíŷ ðŕæääíèŷ кинорежиссера и сценариста, народного артиста Таджикской ССР, поставившего фильмы «Дохунда», «Судьба поэта», «Сказание о Рустаме», «Сказание о Сиявуше» и др., лауреата Государственной премии СССР **Бензиона Ариевича Кимягарова** (1920, Самарканд – 1979, Душанбе).

спустя год после нее принимает участие в чемпионате Европы по виндсерфингу во Франции. И снова бронзовая медаль.

2002 год, Таиланд. Галь Фридман участвует в чемпионате мира по виндсерфингу в классе «мистраль» и возвращается домой с высшей наградой. Золото, полученное им в Таиланде, позволило говорить об этом спортсмене как о реальном претенденте на победу в Афинах. В том же году Фридман становится серебряным призером чемпионата Европы. Год спустя – еще один чемпионат мира в Испании, где израильский спортсмен получает бронзу.

На Олимпийские игры 2004 года Галь Фридман отправился с твердым намерением взойти на пьедестал почета и принести своей стране медаль, которой у нее еще никогда не было, – золотую медаль Олимпиады. И он стал олимпийским чемпионом, заняв первое место по итогам одиннадцати гонок.

Первые заплывы Фридман провел в умеренном темпе, уступая лидерство другим спортсменам, но по мере приближения к финалу его первенство становилось всё более бесспорным. В финальной гонке ему удалось оторваться от своих главных конкурентов – бразильца Жуо Сантоса и грека Никоса Калокаманакиса – и обеспечить себе победу. По словам личного тренера Фридмана, Гура Штернберга, последний заплыв его подопечного, проведенный уверенно и тактически грамотно, «был на редкость блестящим».

Премьер-министр Израиля Ариэль Шарон в разговоре со спортсменом после его возвращения из Афин сказал: «Целая страна затаила дыхание, все мы были взволнованы, видя тебя побеждающим и поднимающим флаг Израиля».

В июне этого года из дома родителей Фридмана в Каркуре был похищен сейф, в котором хранились ценные вещи, в том числе – бронзовая медаль с Олимпиады в Атланте и афинское золото. Несколькими днями позже полиция города Хадеры сообщила о том, что золотая олимпийская медаль Галя Фридмана найдена. Полиция не сообщила, кто стоял за этим преступлением и где было найдено похищенное имущество, но пообещала вернуть его владельцам в ближайшее время.

Ныне «первая золотая медаль государства Израиль» находится у своего законного владельца.

י אהלי אהלים

НАША СЕНТЯБРЬСКАЯ ПОЧТА

ÀÀÈÏ ÁÛÈÏ ÍÀ ÂÏÈÄÄ ...

В год 60-летия Победы много пишут о боевых операциях, о том, как работали во время войны ученые и конструкторы. А я хочу рассказать о детском восприятии событий тех лет.

Наша семья жила в Сталинграде. Дом стоял между знаменитыми заводами «Баррикады» и «Красный Октябрь».

Война резко изменила ритм жизни. Мужчины уходили на фронт; увеличились рабочие дни у металлургов; многие мамы пошли работать; выросли дети.

Школу заняли под госпиталь. Мы часто бегали туда. Раненые просили закурить, и мы, мальчишки, собирали окурки, высыпали табак в спичечные коробки, с верхних этажей нам спускали веревочку, и мы привязывали к ней эти коробочки. Как нас благодарили! А нам – радость. Иногда удавалось подносить к дверям госпиталя (внутри нас не пускали) ящики с лекарствами, и это тоже давало ощущение полезной деятельности.

1941/1942 учебный год проходил... по квартирам, чаще всего в домах Большой и Малой Франции (улицы с такими названиями имелись в районе завода «Красный Октябрь»). Там были большие комнаты, и дети сидели вокруг стола. Добрым словом вспоминаем мы все учительницу Нину Гурьевну, которая в таких условиях сумела собрать свой класс и закончить – под бомбами – учебный год. Немцы, конечно, понимали значение металлургических заводов и старались их разрушить. На крышах цехов завода «Баррикады» были установлены зенитные пушки и пулеметы. Во время налетов бомбы часто уничтожали наши дома. Воздушные бои в начале 1942 года были редким явлением, превосходство в небе явно оставалось за немцами. Ночью же наши артиллеристы нередко сбивали немецкие самолеты. Скрещенными лучами нескольких прожекторов «схватывали» самолет и стреляли по нему из пушек. Это был неописуемый восторг! Мы громко кричали: «Ура!»

Немцы бомбили город всё лето. Рушились дома и заводы. Горящая нефть стекала в Волгу; река горела. А 23 августа 1942 года немецкие самолеты разом скинули на Сталинград несколько сотен бомб. Огромный город запылал.

Наш дом был разрушен задолго до 23 августа. Длительное время мы жили в бомбоубежище соседнего дома. Обстановка была ужасно тяжелая, но люди не роптали, поддерживали друг друга чем могли. Рабочие-металлурги продолжали трудиться, пропадали на предприятиях сутками. Папа прибежал посмотреть на нас – живы ли – и снова мчался на завод.

Помню день, когда мы, четверо мальчишек, купались в Волге. Началась бомбежка; под вой сирен все бросились к дому. Поднялись на косогор, где солдаты рыли окопы, и тут один из них схватил меня, бросил на дно окопа и накрыл своим телом. Бомбежка кончилась. Солдат шлепнул меня по заднему месту и сказал: «Беги домой». Я посмотрел на него, а у него из ушей и носа маленькими струйками текла кровь. Что это была контузия, я понял, уже повзрослев. До сегодняшнего дня вспоминаю я этого солдата и, когда вижу ветерана войны, каждый раз думаю: может, это он спас мне жизнь.

Ì. Øääö, -ëáí àíííòèàòèè

«Ääòè àíáí í ää Ñòäèèí ääää»,

Äíèä äää

Óààèààì ùé ã í Ðàäçèõíâñéé!

Если даже такой человек, как Вы, смотрит на «еврейский вопрос» в нынешней России подобным образом (я имею в виду Вашу публикацию в «Лехаиме», №6, 2005), то мы упрямо вновь идем к погромам, а возможно, и к российскому Холокосту.

Мне известна Ваша аргументация: всегда не нравилось слишком большое количество еврейских ученых, музыкантов, шахматистов, а теперь вот не нравится множество еврейских олигархов. Неужели Вы не видите, что последний случай совершенно выпадает из общего ряда? Любой разумный человек признает талантливость еврейского народа – никто не заставлял людей петь песни Дунаевского или ходить на концерты Ойстраха. Но Вы и ситуацию с олигархами загоняете в тот же ряд.

Простому русскому человеку, мол, всего лишь не хватает на водку (возмутительное заявление!), и он, подстрекаемый СМИ, «облизываясь», с вожделием и ненавистью смотрит на еврейских богачей, которых считает ворами, но которые на самом-то деле своей деятельностью ему полезны.

Элементарные чувства справедливости и разумной осторожности убеждают меня, что не должны представители однопроцентного нацменьшинства, имеющего свое государство, занимать 30 мест среди 100 первых богачей в нищей и униженной России.

Думаю, что по отношению к еврейским богачам коренное население можно разделить на три группы.

Лица 1-й группы относятся к этому вопросу спокойно, а некоторые даже признают полезность олигархов как «приводных ремней» капиталистической системы.

Люди, относящиеся ко 2-й группе, искренне считают еврейских олигархов наглыми грабителями, которые не просто вывозят награбленные миллиарды на Запад, но и используют эти деньги для развала и закабаления России. И влияние «ящика» здесь весьма относительно.

Представители 3-й группы – это те, кто всегда использовал «еврейский вопрос» в своих целях.

Если Вы, г-н Радзиховский, не готовы согласиться со мной, то вот еще один аргумент. Потерпели бы евреи Израиля, если бы даже 20-процентное арабское население Израиля захватило основные богатства страны да еще имело бы араба премьер-министром?

Вот 2-я и 3-я группы, уважаемый г-н Радзиховский, и будут нашими погромщиками, если еврейские олигархи (провокаторы по отношению к еврейскому народу) добровольно не оставят свои места (а это невозможно представить, если даже г-н Радзиховский – их единомышленник).

Что касается политики Кремля по данному вопросу, то Путин неоднократно демонстрировал дружественное отношение к евреям и поставил Фрадкова на то место, которое тот сейчас занимает.

È. Èàõíàèü èí æáí àð,Èàçàí ü